

АЛЕНА ЮРАШИНА

МОЯ ЛЮБИМАЯ КУКОЛКА

Случайно встретив однажды, я долгое время бережно хранила его образ в своем сердце. Даже не надеялась на встречу, не верила, что мне выпадет счастливый билет, не ждала, что улыбнется фортуна, однако вышло иначе. Волею судьбы теперь мы с ним вынуждены терпеть друг друга, потому что видимся каждый день, делим крышу над головой, живем бок о бок. Но была ли это улыбка фортуны, а может, ее злобный оскал? И что делать, если мне достался антигерой, далекий от идеала, с которым непросто найти общий язык? Я знаю, мы что-то чувствуем друг к другу, и это пугает нас обоих. Так сколько шагов на самом деле от ненависти до любви? Кажется, мы с Максом застряли где-то на середине...

Алена Юрашина

Моя любимая куколка

Глава 1

Мне бы хотелось, чтобы ощущения оказались другими, но кривить душой я не стану: здесь было довольно красиво. Как по мне, даже чересчур...

Богатый ухоженный район, где живут приличные люди с достатком выше среднего, для которых норма — дорогие в обслуживании автомобили, галстуки по будним дням и барбекю в выходные, коротко стриженные изумрудные газоны, невысокие заборчики, через которые при желании запросто можно перешагнуть, уютные задние дворы, где всегда много цветов, зелени... и, конечно, тщательно скрываемые от длинных носов соседей семейные тайны.

Странно, в нашем небольшом городке я прожила всю свою сознательную жизнь, знала в лицо каждую улицу, если не каждую бездомную собаку, и все же этот новый коттеджный поселок на противоположной его окраине представлялся мне сейчас местом из другого мира, по ошибке заброшенным в наш. Слишком кичливо все вокруг кричало о благополучии и роскоши его обитателей, слишком резко контрастировала их жизнь с жизнью остальных: старых, потрепанных временем спальных районов.

В прошлом — город заводов и фабрик, где все привычно подчинялось гудку, что оповещал работяг о конце или начале трудовой смены — теперь город принимал совершенно другие очертания: видоизменялся, расширялся, богател, наливался лоском, в то время, как фабрики и заводы продолжали разрушаться, переходя в частные руки. По соседству уже строился новый поселок городского типа, даже покруче этого... он, конечно же, не станет последним, а значит, преобразование продолжится.

Перед глазами мелькали дома, на которые я устала смотреть, сменялись часто, как картинки в калейдоскопе — вроде бы уникальные, каждый по-своему, но взглянешь придиричиво — похожи один на другой, будто армия клонов. Для кого-то такая жизнь — предел мечтаний, для иных — предмет зависти или раздражения. Для меня, в данном конкретном случае — неизбежная и крайняя необходимость, и ничего больше.

Я нервно застучала ногой по коврику — есть у меня такая дурацкая привычка, устало прикрыла веки — поднялась с петухами, да и день оказался суматошной, чем предполагала.

— Еще долго?

Мама тут же обернулась, я поймала успокаивающий взгляд ее нежно-голубых глаз.

— Мы почти на месте. Дом по другую сторону холма, на самой границе леса. Воздух там — просто закачаешься.

Я закатила глаза, а правая нога разошлась не на шутку. Что мне воздух? Не на курорт же еду. Каким образом я буду ежедневно добираться отсюда до университета? Водительские права, как и совершеннолетие, светят мне не раньше будущего года, а на велосипеде в такую дождливую пору, как осень, далеко не уедешь. Не говоря уже о предстоящей зиме.

Отец словно почувствовал мою неуверенность. Он всегда меня чувствует.

— Не волнуйся, здесь есть транспорт. Автобус ходит в город регулярно, даже в выходные, так что с этим проблем не будет, куколка.

Теплые чувства к нему мгновенно вытеснились раздражением, я подалась вперед, требовательно коснувшись широкого плеча.

— Папа, я тебя прошу по-человечески... не вздумай называть меня так... при посторонних.

— С каких пор ты стала стесняться этого обращения? Папа всегда тебя так называл, —

вмешалась мама, — к тому же, тетя и дядя тебе вовсе не посторонние. Твоя тетя — моя сводная сестра, нечего их дичиться... да, мы давно не общались, но ты им не посторонний человек... мы ведь с тобой уже об этом говорили, Вероника...

Я промолчала. С мамой лучше не спорить. Если с ней долго не соглашаться, она начнет повышать голос, малыш проснется и будет беспокоиться, зайдет в плаче. Я покосилась на соседнее сидение: младший братик спокойно себе посапывал в детском кресле, приняв премилую позу. Он еще такой маленький... как игрушка... и я его очень люблю... несмотря на то, что, по сути, я ему... чужая.

О том, что я приемный ребенок в семье, я узнала случайно, без дела прогуливаясь на переменке по внутреннему школьному двору. Пятый класс. Один из мальчишек вдруг принялся дразнить меня приемышем, остальные — бестолковые, но ведомые — дразнилку охотно подхватили. Я не знала, что это означает, но слово показалось мне обидным. Отмалчиваться не стала, не в моем это характере. Когда вернулась домой, решительно забросила ранец на обувницу да и прижала родителей к стенке.

Мама, на секунду замерев, вцепившись в фартук, все же нашла в себе силы не юлить и не выкручиваться, вернувшийся с работы отец, по-деловому пригласив меня присесть напротив него за кухонный стол, довершил начатое. Ничего необычного, маме долго не удавалось забеременеть, и родители решились на удочерение. Детали и сам процесс мой пытливый детский ум не интересовали, потому что к концу рассказа я совершенно точно уяснила: это не то, чего мне следует стыдиться.

Наверное, я была неправильным ребенком. Я не думала, не терзалась, не гадала, кем были мои настоящие родители, по какой причине они от меня отказались, поэтому ночью прекрасно выспалась. А придя на следующий день в школу, первым делом расквасила нос тому мальчишке. Расквасила сильно, от души. Поднялся большой шум, маму вызвали к директору, нас, детей, даже заставили публично примириться друг с другом, но своего я добила: больше приемышем меня никто не смел там называть.

Это было давно. С тех пор многое изменилось. Много воды утекло. Некоторые реки и вовсе сменили русло...

Год назад мама стала матерью по-настоящему, и в нашем доме появился маленький Богдан. А три недели назад мы узнали, что папе, который всегда был в своей области востребованным специалистом, способным обеспечить достойную жизнь мне и маме, наконец, предложили перспективную работу на руководящей должности, не где-нибудь — за границей. Упускать такую возможность было глупо, и на общем семейном собрании, где у меня напрочь отсутствовало право голоса, постановили: на время, которое им потребуется для обустройства на новом месте, я останусь здесь, с тем, чтобы продолжить обучение. Летом я поступила в университет, конкурс был огромный, место далось мне нелегко, не терять же теперь из-за переезда целый учебный год.

Оставлять несовершеннолетнюю дочь на свободном выгуле родители не стали, и выбор пал на семью тети, которая, по стечению обстоятельств, наоборот, совсем недавно вернулась из-за границы, успев приобрести коттедж в этом новом поселке. Они вернулись в полном составе — отец, мать и сын, который был старше меня года на три... четыре, если не изменяет память.

Разумеется, решение жить в чужой семье, пусть и временно, было принято мною в штыки.

Разумеется, я об этом не раз говорила родителям.

Разумеется, мои слова утонули в абсолютном непонимании взрослых...

Отец заглушил мотор, но я не торопилась выбираться наружу, с каким-то мучительным, почти болезненным ощущением тревожности разглядывая светло-фисташковые стены особняка. Даже его внушительный самодостаточный вид меня не радовал. Широкая подъездная дорожка упиралась в просторных гараж на несколько машин. Между гаражом и домом — тропинка из декоративных каменных плит, уводящая на задний двор, за которым — сплошная стена деревьев. Цивилизация, судя по всему, здесь и заканчивалась.

Цветущая герань в горшках, увитое садовым плющом крыльцо парадного входа, по кругу — опрятно обрезанные кусты самшита, окаймляющие идеально ровный газон, и, наконец, сам дом семьи Ярцевых. Последний дом в этом конце улицы. Добротное трехэтажное строение с эркерами. Напыщенное, претенциозное, вместе с тем элегантно и комфортное. Интересно, в моей комнате есть балкон?

Счастлива я здесь не буду — я это сразу и окончательно для себя решила. Но я готовилась к этому, потому почти не расстроилась. Понуро плетясь следом за родителями к поджидавшей на ступеньках приветливой паре, почувствовала, как меня грозовой тучей накрывают отчаяние и злость, а еще — ожидание чего-то неизбежного.

Я не знала, на кого злилась. Скорее всего, на все сразу. На несправедливую судьбу. На безоблачную, летнюю, не соответствующую моему душевному состоянию погоду. Да хоть на этот огромный запыленный серый джип. Проходя мимо, не удержалась, пнула с досадой ногой по колесу. Должно быть, именно на нем их сынок и ездит. Что за кусок грязи, мог бы потрудиться, помыть.

Честно говоря, о Максиме я знала мало. Точнее, совсем его не помнила. Мне даже имя ни о чем не говорило — никаких внятных ассоциаций. По праздникам наши семьи встречались, только когда мы были совсем уж детьми. Но на таких мероприятиях всегда присутствовало много детишек, вполне возможно, мы с ним редко пересекались в играх: обществу шумных мальчишек я предпочитала стайки воспитанных девочек, ими всегда проще управлять.

А подростком его вообще отправили учиться в закрытую частную школу где-то в Великобритании. Конечно, он, как и положено, приезжал домой на каникулы, но этих редких моментов я, похоже, тоже не застала. И до последнего не знала, что он вернулся в страну вместе с родителями. И чего ему там не сиделось? В глубине души я надеялась, он так и останется за бугром. Подальше от меня. Вне поля зрения. Хотя бы на ближайший год. Внутри сидела странная уверенность: без него мне бы здесь жилось куда спокойней.

Стоило носку коснуться шины, барабанные перепонки тут же взорвались оглушительным фейерверком от резких кричащих звуков сигнализации, заставив немедленно и плотно прикрыть уши руками. Сигнализация редела припадочно, точно хобот раненого мамонта. Такого варианта развития событий я предвидеть не могла: помилуйте, ну, кто ставит машину на охрану во дворе собственного дома? Это же элитный поселок, частная собственность, огороженная территория с работающими камерами, впридачу, настоящие охранники на въезде. У них даже форма своя имеется.

Поднялась невероятная суматоха, слегка оглушенная и испуганная, продолжая топтаться возле машины, я резко вскинула глаза на дом, словно ждала оттуда избавления. Действительно, на втором этаже чуть качнулась занавеска, потом резко дернулась, и на меня уставилась пара мрачных свинцовых глаз. Меня пригвоздило к земле прямо рядом с этим ревушим монстром. Стоящее в зените солнце слепило, я не могла толком разглядеть лица, но

этот парень был готов прожечь во мне дыру, я сразу почувствовала, каким пламенем полыхнули щеки.

Взрослые бестолково суетились на крыльце, дядя несколько раз раздраженно окликнул его по имени, нетерпеливо оборачиваясь вглубь дома, но этот придурок даже не соизволил пошевелиться, упершись руками в подоконник, просто стоял и смотрел на переполох, что устроила его машина, точно отбитый дирижер, довольный продолжающейся какофонией. Потом, глядя мне прямо в глаза, медленно провел рукой под подбородком в недвусмысленном, подчеркнуто угрожающем жесте. А это, надо понимать, предупреждение?

Я не успела рассердиться. Сигнализация по взмаху его руки, наконец, послушно замолчала, заставив поморщиться. Тонкий писклявый звон в ушах, будто надо мной все еще вился рой гигантских комаров, щеки пылали маковым цветом, глаза наливались кровью. Какой мерзкий гусь. Выходит, не зря я отказывалась водить с ним знакомство в детстве. А может, бессознательно избегала его, потому что он всегда надо мной издевался? Разозлившись, не отказала себе в удовольствии пнуть по колесу внедорожника еще раз... и сигнализация протестуяще взревела снова...

Дождаться, когда занавеска качнется, чтобы вынести мне окончательный вердикт, на этот раз я не решилась, скромно поспешив подняться по ступенькам, мило улыбаясь гостеприимным родственникам.

Из небольшой прихожей мы попали сразу в просторный светлый холл. Дом был обставлен и украшен со вкусом. Должно быть, хозяйке пришлось нанимать настоящего дизайнера, а может, у тети имелось собственное чувство стиля.

Сейчас она остановилась у изножья изогнутой лестницы, нервно поправила свежесрезанные цветы в вазе, попутно пару раз окликнув сына. Подождала. Окликнула снова. Безрезультатно, сверху не доносилось ни звука, верхняя галерея была совершенно пуста. Огорченно, будто извиняясь, тетя взглянула на начинающего успокаиваться после переполоха Богдана, которого качала на руках мать. Похоже, тетя искренне любила своего сына, но сейчас ей было стыдно за его поведение. И я уже хотела отвлечь ее чем-нибудь, подыскивая в уме подходящий вопрос, как в спину мне вдруг повеяло арктическим холодом.

— Да вот же он, собственной персоной! — воскликнул дядя, и все посмотрели куда-то поверх моего плеча, в коридор, который уводил дальше, в столовую, заставив и меня резко обернуться, — соизволил, наконец, спуститься...

Мне едва удалось сдержать крик — подпрыгнула на месте, потом метнулась к стене, пытаясь унять колотящееся сердце: так близко он стоял. Парень проводил меня равнодушным взглядом, на лице не шевельнулся ни один мускул, не появилось ни тени сожаления, хотя он прекрасно понял, что до ужаса перепугал меня.

Дальнейшее вспоминается смутно, обрывочно, будто в зыбком тумане, в молоке...

— Максим! Я же звала тебя, — с мягким упреком произносит тетя, отстраненно замечаю, как шевелятся при этом ее губы, — ты разве не видишь, что у нас гости?

— Не хочешь поздороваться? — продолжает давить дядя, и только потому, что все еще стою у него на пути, Макс переводит на меня глаза. Нехотя. Вынужденно. Внутри все переворачивается, следом — содрогается, но отступить некуда, позади по-прежнему стена. Значит, я не ошиблась. А как бы я хотела ошибиться...

В глазах этого парня колотый лед, серые льдины, торосы и непогода. Целое море презрения, которое усилием воли он откладывает выплеснуть на меня в ту же минуту. Но я-то понимаю, насколько ему не терпится, затягивать с этим он точно не станет. И лишь

беспомощно продолжаю смотреть на него, цепенея, утопая, уходя все глубже под воду. Еще немного — и я захлебнусь, но он вовремя отводит взгляд.

— Добро пожаловать, — а голос низкий, вибрирующий, сквозь зубы. И я отлично его помню, хотя прошло уже три года...

— Рада знакомству... — нетвердо начинаю я, но Макс не слушает, снова не видит меня, проходит мимо. Движения резкие, уверенные, и там, вдалеке, он протягивает руку папе, тепло здоровается с мамой, они о чем-то разговаривают, быстро находят общие темы, вскоре до меня доносится их дружный смех...

Разве такое возможно? Макс. Ярцев. Он — тот самый Ярцев? Это слишком. Почему я раньше не догадалась, не сумела связать воедино? Я ведь знала имя. Знала и фамилию. Наверное, потому что совпадение до сих пор кажется мне слишком невероятным. Неожиданным. Другой конец города. Да мало ли вообще Ярцевых в моем городе? К тому же, он так редко в нем появляется...

Реальность обрушивается мощно и внезапно, как сорвавшаяся с кручи лавина, несется со скоростью локомотива прямо на меня. Защититься от нее непросто. Увернуться — невозможно. Рано или поздно она настигнет. И она меня настигает именно здесь, бьет наотмашь. Но мне приходится заставлять себя улыбаться.

Мы давно прошли в столовую, сидим за общим семейным столом, Макс — справа, почти напротив, и то, что я притихла, что боюсь лишний раз задеть его взглядом, еще можно списать на мои смущение и застенчивость... пока еще — можно.

Когда мы невзначай все же встречаемся глазами, окончательно убеждаюсь: Макс не узнал меня. И не узнает. Я ничего ему не скажу. Буду спокойно жить с ним под одной крышей. Я постараюсь.

Теперь понимаю, почему три года назад он так внезапно исчез с радаров: вновь уехал за границу. А девчонки тогда еще долго не могли успокоиться, не зная ничего о нем. И я, глупая, в их числе... Ловлю себя на том, что перед глазами продолжает стоять его образ. Тот образ, который мне запомнился до мельчайших подробностей. Дурацкая встреча. Единственная. Даже странно, почему я продолжаю помнить ее так ясно...

На свадьбу своей старшей сестры меня пригласила близкая подруга, Рита. Мы долго жили по-соседству, учились в одном классе. Позже ее семья куда-то переехала, так наша связь оборвалась.

Но тогда... Мне едва стукнуло четырнадцать, в крови вовсю бушевали гормоны, но я, как нарочно, продолжала оставаться нескладным угловатым подростком, никак не хотела расти, так что пустоту лифа красивого, первого взрослого моего платья пришлось срочно восполнять тугой ватой. Ваты потребовалось много.

Церемония проходила пышно, с размахом: четыре десятка гостей, гуляли в одном из красивейших старых ресторанов в центре города. И все было на высоте и на уровне, пока не появился он.

Сперва никто не обратил на Макса внимания. Как прочие гости, он был одет красиво — по случаю, празднично, с иголки — отутюженная рубашка, черный, переброшенный через руку пиджак, лакированные туфли... Однажды поймав в фокус зрения, я глаз не могла от него отвести, так и следила за ним, как примагниченная, машинально подмечая крошечные детали в его лице, причёске, в одежде, еще не понимая, что со мной происходит. Впервые.

Ведущая двигалась с микрофоном от гостя к гостю, вышло так, что молодожены как раз принимали поздравления. Не дожидаясь, когда очередь дойдет до него, Макс вдруг вышел вперед, резко выхватил микрофон из чужих рук, обрывая предыдущего оратора на полуслове. Нахально поднял со стола чей-то чужой, доверху наполненный стакан.

— Предлагаю выпить за женское непостоянство. Красивой женщине ведь можно простить даже неверность, правда? — воцарилось легкое недоуменное молчание, никто ему не ответил, а жених нахмурился, не понимая, к чему он клонит. Музыка, как по заказу, смолкла. Макс уже стоял прямо перед ними, теперь насмешливый взгляд его был прикован к растерянному лицу невесты. Ухмыльнулся, — сама ему скажешь... или мне это сделать?

Тишина вокруг стала неживой.

— Горько.

Одним махом осушив стакан, Макс вдруг грохнул его об пол и неожиданно шагнул прямо к невесте. Зловеще захрустели осколки стекла под его ногой. Жених поначалу просто огорошено наблюдал за их жарким поцелуем, потом внезапно очнулся: я видела, как менялось его лицо — палитрой от изумления до слепой ярости. А следом отмер и весь остальной зал.

Задвигались стулья, гости повскакивали со своих мест, зашумели, заворчали. Раздались крики, возгласы, поднялась суета. Слившуюся в объятиях парочку разделили, вокруг Макса вырос частокол разгневанных молодчиков. Он не сопротивлялся. Казалось, его вообще не интересовало, что будет дальше.

— Миша! Это не то, что ты думаешь! Я ничего ему не обещала, ничего! Я даже не знала этого мальчишку! Все это какая-то шутка! Я тебя никогда не обманывала! Миша, поверь мне! Ты должен мне поверить! — продолжала отчаянно, надрывно голосить рыдающая невеста им вслед, Рита и родители, как могли, ее утешали. Под обвиняющий ропот толпы Макса без промедления выволокли на улицу, на расправу.

Били его тут же, совсем недалеко от ступенек. Били втроем — жених, брат жениха да свидетель — били недолго, но на совесть. Я слышала непрекращающиеся глухие удары, и почему-то после каждого вздрагивала, содрогаясь всем своим хрупким девичьим телом.

Несмотря на численное превосходство, Макс держался достойно, он оказался непростым соперником для подвыпившей троицы, поэтому большей частью кому-то одному приходилось сдерживать натиск, пока другие нападали, зачастую — подло, исподтишка, опасаясь действовать в открытую — уж очень часто напарывались на его крепкие кулаки.

Но вскоре Макс начал промахиваться, все чаще и чаще, потом — сжав зубы, просто защищался, под конец уйдя в пассивную вынужденную оборону. Остановить разъяренного виновника торжества, как и другие гости из тех, что зябли на крыльце, молча наблюдая за избивением, я не посмела. Оставалось дожидаться, когда мороз окончательно угасит их воинственный пыл. Когда это произошло, Макс уже стоял на коленях. Когда его отпустили — уперся, закашлявшись, ладонями в асфальт, чтобы не упасть.

Осуждающе качая головами и переговариваясь, гости постепенно втягивались внутрь. Наконец, ресторан вобрал в себя последнего, и двери плотно затворились. Яснее не стало, но сатисфакцию жених получил, а нанесенное оскорбление было смыто кровью. Брошенный кем-то мимо урны окурок одиноко, неохотно тлел. Больше никому не было дела до Макса, лишь я одна продолжала стоять, как молнией сраженная, восхищенно разглядывая коленопреклоненную фигуру. В тот момент, действительно, он был для меня если не рыцарем без страха и упрека, то кем-то сродни супергероям из пресловутой вселенной

марвел.

Поверженный супергерой вновь помотал головой, пытаясь прийти в себя. Я подумала, сейчас он отключится, но Макс вдруг поднял глаза, выпрямляясь. И сразу заметил мой тонкий одинокий силуэт, привидением трепещущий на холодном ветру.

— Эй... подойди сюда.

— Я? — изумленно ткнула себя в грудь с неожиданной силой, одновременно оглядываясь по сторонам. То, что Макс заметил меня, обычную невзрачную девчонку, стало на сегодняшний день вторым чудом.

— Ты, ты... или ты видишь здесь кого-нибудь еще?

А голос охрипший, раздраженный. Еще бы, неудивительно. Неуверенно качнувшись на носках, я послушалась.

— Подержи... Держи, тебе говорю. Мне его еще в прокат возвращать...

Смяв относительно чистый пиджак в кулаке, он протягивал его мне. Автоматически приняла, сжала в ладонях. Просто рефлекс, тактильное ощущение, ничего больше. Продолжала пораженно его разглядывать, в этом русле были направлены сейчас все мои обострившиеся чувства.

Сидя на дорожке, Макс аккуратно закатывал рукава своей кипенно-белой рубашки. Один рукав, следом другой. Никуда не спешил, словно на пикнике погожим деньком расположился. Из носа на асфальт меж расставленных коленей безостановочно капала кровь, а он словно не замечал. Да уж, конкретно ему досталось.

— Тебе бы к врачу... — не выдержала я.

— Перетопчусь, — буркнул, облизнул губы, — из-за расквашенных носов люди не умирают.

Продолжая шмыгать, потянулся к сугробу, принялся тщательно утираться, пытаясь остановить кровь, отшвыривал увлажненные бурым комья подальше. Кровь не останавливалась, струилась, будь здоров. Стянутые тонкой тканью мышцы играли, рельефно натягиваясь от каждого его движения. Я переминалась с ноги на ногу в легких туфлях, а он будто не чувствовал, каким холодом вечер сковал город.

— Зачем ты это сделал?

— Что сделал? — он как раз запрокинул голову, прижимая снежок к переносице, в желтом свете фонаря из-под ресниц сверкнули темные глаза, сверлившие меня в упор. Я растерялась. Такое расстрельное внимание было мне в новинку. И, кажется, не по плечу.

— Ну... ты... ты же это специально... сделал... нарвался на драку... я знаю... я... ты же не знаком с невестой...

— Не пойму, ты заика, что ли?

— Нннет...

— Уверена в этом?

Я просто кивнула, а он разом потерял ко мне интерес. Кровотечение из носа, наконец, прекратилось. Тогда, пошевелившись, Макс приподнял край рубашки, подставляя фонарю обнаженный бок, плоский подтянутый живот. Критически разглядывал место, куда пришлось как минимум четыре разъяренных удара — я считала — попробовал осторожно пробежаться подушечками пальцев, но едва коснулся, лицо тут же закоротило от боли. Глубоко, с хрипами задышал, а я против желания подалась к нему.

— Болит?

Замерла, нарвавшись на тяжелый взгляд, теперь он смотрел так, будто уже не

сомневался в моих умственных способностях, закрепил умозаключения выплюнутыми кровью из разбитых губ словами:

— Заика, еще и тупая, — сочувственно покачал головой, — вот же угораздило, — пробормотал, снова забывая про меня.

Гнев, как обычно, подскочил по шкале сразу от нуля до десяти, заставив отступить на шаг, споткнуться на скользкой наледи и выровняться, краснея. Но темнота мой союзник.

— Я не заика. И я не тупая, ясно тебе? Если такой умный, вот и сиди... и сиди... сам накосячил, тебе и расхлебывать. А я не собираюсь и дальше здесь с тобой... время терять. Не сильно-то и хотелось... и вообще...

У самого порога в спину мне ударил тихий свист, потом снова, но уже громче. Вздвогнув, я продолжала шагать по скрипучему насту, и тогда он крикнул вдогонку:

— Эй! Да погоди ты!

Медленно, с царским достоинством развернулась, рассчитывая услышать извинения, увидеть раскаяние в глазах. Ха.

— Погоди... — повторил он, не сменив ни позы, ни тона, — пиджак мне верни, курица тупая.

Я швырнула его вещь на перила, желая, чтобы она напрочь к ним примерзла, не отодрать. Он больше на меня не смотрел, но и я больше не обернулась, стесненной грудью вонзившись в разомлевшее тепло ресторана, где, успев позабыть о досадном инциденте, как ни в чем не бывало продолжалось свадебное веселье.

Это потом я узнала, Макс поступил так потому, что поспорил с друзьями, просто чтобы доказать им: он способен сделать это. Из-за дурацкого спора дал себя так избить. Ну, не придурок ли? А мои глупые переживания, мысли, чувства... то, о чем грезила наяву... все давно уже в прошлом. Там и умерло. Я поерзала на стуле. Вспоминать обо всем этом не хотелось совершенно. Особенно здесь... сейчас.

— Ника, все в порядке? — воспользовавшись паузой в разговоре, вдруг громко, через стол обратился ко мне отец, — что-то ты притихла, почти ничего не ешь. Тебя дорогой укачало, куколка?

Я мгновенно вспыхнула, укоризненно взглянув на него, комкая в руке салфетку. Приехали. А ведь просила... Темные брови сидящего рядом с отцом Макса чуть приподнялись, но он умело скрыл веселье, взявшись за подбородок, и холодную усмешку постепенно вытеснило прежнее каменное выражение.

И все бы ничего, но... буквально через мгновение я ощутила на себе неприятное прикосновение чужого взгляда, потом — еще одно, и снова. Серые глаза словно приклеились ко мне, однако стоило взглянуть в его сторону — зрительный контакт тут же обрывался. И так раз за разом, с вызывающим постоянством. И я никак не могла его подловить, а ведь всегда считала, что у меня довольно неплохая реакция. А стоило один раз замешкаться, чуть задержать на нем взгляд, его лицо приобрело удивленно-надменный вид, и ненавистная бровь вопросительно поползла вверх: мол, и чего уставилась, ущербная?.. заставив меня снова предательски покраснеть.

К концу ужина я твердо решила: ничего, кроме крайней степени раздражения, Макс Ярцев у меня вызвать больше не способен. Все, что пережила, я себе просто придумала. Богатое воображение в очередной раз сыграло со мной злую шутку. Теперь мне тоже

неприятна его компания. Определенно, он самый невыносимый человек из всех, кого я когда-либо знала, а значит, с ним у меня по определению не может быть ничего общего. Конечно, кроме крыши над головой...

Если не обращать внимания на подобные мелочи, встреча прошла на удивление мирно. Макс вел себя учтиво, не отмалчивался угрюмо, как я, но и за смычком первой скрипки не тянулся. Так, вставлял иногда нужное слово, делал уместное замечание, время от времени напоминая остальным о своем присутствии. Много говорили о гостиничном бизнесе, о практике Макса в одном из отелей, что принадлежит его отцу. Об успешной практике. Значит, этот парень продолжает учиться заочно. Отлично, меньше будем пересекаться в университетских коридорах.

Макс даже с маленьким Богданом ухитрился немного повозиться, чем, безусловно, завоевал мамину симпатию. И папино расположение тоже. И лишь со мной ни словом так и не обмолвился. Не то, чтобы я жаловалась на его подчеркнуто-тотальный игнор, но...

Сразу после ужина, галантно извинившись перед гостями, Макс поднялся к себе. И только когда, взбежав по ступенькам, он, наконец, растаял в темноте галереи второго этажа, я с облегчением перевела дух, расслабилась, незаметно потянулась, непринужденно откидываясь на спинку дивана, вновь становясь самой собой. Что ж, было не так уж и трудно пережить этот вечер.

Словно в подтверждение моих мыслей, тетя сказала:

— Честно говоря, я думала, будет сложнее. Понимаете, сейчас у Максима... непростой период в жизни... переезд, смена окружения, новые люди... конечно, прошло уже почти три месяца, как мы здесь, но все же... — и совсем по секрету, подаваясь вперед, — а вчера он расстался со своей девушкой...

Дядя громко фыркнул, подливая папе в стакан виски.

— С которой? Ни одна юбка на моей памяти дольше недели у него еще не задержалась.

— Это не так, — почему-то обиделась тетя, — с Ланой, между прочим, у них сложились замечательные отношения. Девочка очень его любит... я уверена, они снова помирятся... когда сын остынет, — опять повернулась к нам, словно желая оправдаться, — Максим вообще-то милый мальчик... просто характер у него непростой, — мама в ответ покивала из вежливости, и тетя оттаяла, — ну, ладно... что это мы все о нем да о нем... Пойдемте, покажу вам остальной дом, и Ника к обстановке быстрее привыкнет...

О том, насколько Макс милый мальчик, мне довелось узнать тем же вечером. Как и я сама, этот парень в долгий ящик дела откладывать не любил.

Экскурсия по большому дому длилась довольно долго, я порядком утомилась, а на улице успело сумеречно стемнеть. Завершилась она в моей новой комнате. Оживая, я сразу подбежала к окну, с замиранием сердца отдернула тяжелые шторы. Так и есть! Благоговейно ступая, вышла на балкон, облокотилась о перила, прикрыла глаза.

Меня сразу окутал умопомрачительно свежий лесной воздух. Ветер неспешно шевелил волосы, нехитрыми ласковыми движениями смывая с век дневную усталость. Кричали ласточки, чертя крыльями небо... а может, это были стрижи. Не знаю, я же не орнитолог. Совсем рядом, разговаривая, шелестели деревья, качались, как огромные сонные великаны, скрипя, постанывая.

Завтра при свете дня я все как следует здесь рассмотрю, подумала я, с воодушевлением оборачиваясь к заулыбавшейся маме.

В комнате я решила ненадолго задержаться, чтобы осмотреться и дать возможность

взрослым напоследок поговорить еще немного наедине. Мои коробки уже стояли стройными колоннами вдоль голых стен, в ожидании, когда их распакуют. Я торопливо пересчитала помеченный моим аккуратным почерком картон. Вроде ничего не упустила. До начала занятий — чуть больше недели, по сути, всего ничего, а надо успеть разложить вещи по полкам встроенных шкафов, обустроить быт. Еще — докупить кое-что для дизайна интерьера и из мебели, мы уже договорились с тетей, но это будет завтра... Так что, в общем, все не так плохо, как представлялось мне сегодняшним утром.

Я опрометчиво высунулась в коридор, провожая глазами родителей, и вдруг в противоположном его конце, там, где находилась комната Макса, успела заметить неожиданное движение — бесшумная тень, как ножом, вспорола темноту...

Я замешкалась совсем чуть, но моего волнения хватило, чтобы он воспользовался ситуацией. Глазом не успела моргнуть, Макс уже просочился внутрь, бесцеремонно оттеснив меня. Естественно, я от него, как от чумного, шарахнулась подальше, вглубь комнаты, поражаясь такой самоубийственной наглости. Нет, он не рискованный отчаянный парень, как думалось мне совсем недавно, он просто форменный смертник, только что расписавшийся собственной кровью под приговором. Без вариантов.

Отвисшая челюсть позволяла, я открыла рот, собираясь окликнуть родителей, но прежде, чем он прижал палец к губам, поняла, опоздала: певучие голоса в конце коридора сменились гудением лифта, что перемещался между этажами на третий уровень — туда, где располагалась спальня взрослых. Пусть. Не будить же бессовестным криком весь дом... уснувшего малыша, просто чтобы стать посмешищем: Макс, конечно, успеет ретироваться из моей комнаты. Но сейчас, когда он плотно затворил за собой двери, навалился на них спиной, и мы остались наедине, на расстоянии двух шагов друг от друга, я чувствовала себя не в своей тарелке. Мягко говоря. Настороженный, готовый в следующую секунду сорваться с места, он смотрел на меня колюче, оценивающе и враждебно... раздражающе пристально, так же, как и я сама.

Мы оба молчали. Я прощупывала его взглядом, рассматривала, изучала, торопясь ухватить самое ценное. Макс, определенно, был занят тем же самым. Вот сейчас, ни часом раньше, ни часом позже, состоялось наше настоящее знакомство. Слишком много деталей. Я не успевала за ним, выхватывая жалкие крохи, урывками, суетясь, наугад.

Темные, откиннутые назад, волосы почти не скрывали глянца загорелого, гладко выбритого лица. В голове всплывает, тетя рассказывала, пол июня Макс провел на каком-то заграничном курорте...

Упрямые, вразлет, брови... римский нос... у Макса выраженный хищный профиль... не то, что мой: нежный, курносый, славянский...

Непреклонно сжатые губы, что помнятся мне припухшими и разбитыми... нет, на этом точно не следует заострять внимание...

Глаза серые, беспокойные, беспокоящие... больше стальные, чем сдержанно графитовые, горят каким-то беспорядочным внутренним огнем. Я знаю, огонь этот погаснет, только когда глаза его закроются навсегда. Откуда-то я это точно знаю. Напор прямого взгляда даже сейчас, понимая, кто передо мной, выдержать непросто. Слишком тяжелый взгляд, слишком много сосредоточено в нем разрушающей силы, направленной на меня... на меня одну...

В лице Макса нет, и никогда не было даже намека на эталонную утонченную красоту в привычном понимании этого слова. Скорее, весь его образ в целом и в частности смотрится

мужественно, варварски грубовато, словно умело высеченный из твердого камня. Или вылепленный из неподатливой глины. Или собранный из осколков речного стекла. Как ни странно, именно это в нем меня и привлекает... Привлекало.

Однако выражение, которое сейчас отпечаталось на этом лице, невыгодно подчеркивает все плохое, что сидит глубоко внутри, придавая парню поистине отталкивающий злобный вид.

Осознав, что опасность миновала, Макс отклеился от дверей и вдруг пошел на меня. Я не позволила себе сдвинуться с места, и даже когда он прошел мимо, намеренно сильно задев плечом, строптиво выстояла, пусть знает, с кем ему придется иметь дело.

Волосы качнулись облаком от его резкой поступи, меня развернуло, точно флюгер на коньке крыши, бурно вздохнув, будто вынырнула на поверхность, успела подумать, ну, какой же он придурок. Но в сердце почему-то цвела надежда на благополучный исход. Еще цвела. Надо лишь заставить его обратиться восвояси. А впредь подобной ошибки я больше не совершу, дверь моя будет закрыта от него. Всегда.

Пустившись в путешествие по комнате, нежеланный гость неторопливо, без особого любопытства разглядывал ряды коробок, приоткрытую балконную дверь, распахнутые, пока еще пустующие шкафчики. Усмехнулся, словно в этом зрелище было что-то забавное.

— Все рассмотрел? Как следует? — язвительно спросила я, следя за его беспрепятственными передвижениями, стискивая пальцы, чтобы руки не так дрожали, изо всех сил стараясь придать голосу твердый, уверенный окрас, — ты мог просто постучать, я бы открыла.

Небрежно откинув крышку ближайшей коробки прямо на пол, нагло покопался в ней, угол рта дернулся, когда он подцепил пальцами потрепанного плюшевого медвежонка. Я заскрипела зубами. Это был памятный папин подарок, но сейчас мне почему-то стало стыдно за его непрезентабельный вид. Наверное, потому что Макс снова мерзко ухмыльнулся.

— Думаешь, я стану спрашивать у тебя разрешения, прежде чем войти сюда?

Он все еще держал медведя в руке, крутил его, поворачивал, и это раздражало невероятно.

— Нет, не думаю. Так что вообще ты здесь делаешь? Зачем пришел?

— А ты? — вкрадчиво отозвался он, теперь обходя меня, неподвижную, кругом, скользя по фигуре взглядом, вверх... вниз, потом обратно... взглядом, который захотелось немедленно стереть с кожи. Если придется, пусть вместе с верхним слоем, лишь бы разом... и без следа. — Какого черта ты делаешь в этом доме? Тебя здесь не ждали... ку-кол-ка.

Так и знала, что он это припомнит. Главное, не показывать вида, что меня это задевает. А уж оправдываться перед ним я точно не стану.

— Ну, а я пришла. Смирись, проглоти... перевари, — направила к дверям, лишая его шанса перехватить инициативу, понять, насколько мне не по себе в его обществе, — выйди из моей комнаты. Если ты не заметил, мне еще вещи предстоит разобрать.

— А стоит ли?

Кусая губы, хмурясь, замирая, смотрела, как он вновь приближается, шаг за шагом вырастая передо мной, пока, наконец, не заставил запрокинуть голову, разрешая как следует разглядеть сдержанную агрессию на лице.

Моя рука нервно огладила ручку, собираясь повернуть, но он вдруг накрыл ее своей большой, горячей, твердой ладонью, а после уверенно сжал, уже не давая освободиться.

— Все сказала? А теперь слушай меня, — негромко, но так весомо произнес он, нависая, заставляя прочувствовать каждое следующее слово, интонацию, с которой не поспоришь, — барахло... а может, его и вовсе не придется разбирать? Не дергайся, будет больнее. Вот так. Повторяться я не люблю, поэтому постарайся напрячь свою единственную извилину и запомнить все с первого раза. Уж постарайся, бестолочь, — хватка стала куда крепче, заставив меня поморщиться, а потом и стиснуть зубы, чтобы не застонать от боли: а мне ведь уже было больно по-настоящему. — Первое. Это мой дом. И только мой. Сделай так, чтобы я нечасто находил тебя рядом. Второе. Ты здесь никому не нужна. Особенно мне. И это вряд ли изменится... Третье. Будешь путаться у меня под ногами, я тебя размажу... сотру в порошок, ты поняла? И мне это ничего не будет стоить. Кивни, если все уяснила... башкой кивни, я сказал.

И я послушно кивнула, уже трудно, спазмами горла сглатывая слезы.

— Отлично, — он позволил мне отдернуть руку, несколько секунд с явным наслаждением пялился на то, как я растираю жалующиеся пальцы, — похоже, мы с тобой поладим. Ну, бывай.

Бесстрашным рывком распахнув двери и оглядев пустой коридор, вдруг снова повернулся ко мне, чтобы вернуть, наконец, любимую плюшевую игрушку. В последний момент пальцы его на ней задержались, пока я тянула в обратную сторону, к себе. Пауза затягивалась, длинные грубые пальцы упорно не разжимались, грозя оторвать медведю ухо, игрушка уже трещала по швам, не выдерживая проводимой над ним экзекуции. Макс улыбался издевательски и лениво.

— Ты что, до сих пор спишь с ним?

Мне, наконец, удалось вырвать медвежонка из безжалостных цепких лап, и я ревниво прижала его к груди, испытывая острое желание стукнуть Макса дверью по лбу.

— Не твое дело!

Настроение его заметно улучшилось, но голос был нехорошим.

— Конечно, спишь... А ты забавная. Да, и на будущее: у меня есть ключи от всех дверей в этом доме. От всех, ты поняла? Я здесь чертов ключник. Просто запомни это... эээ... блин, опять забыл, как тебя зовут. Неважно. Сладких тебе снов на новом месте... куколка.

Свой первый рассвет в доме Ярцевых я встретила на балконе, съездившись от утренней свежести, поджав под себя босые ноги. Глядящая на лес сторона распахнулась приветливо, позволив понаблюдать, как неторопливо начинает свой путь по небосводу кроваво-красный, чуть деформированный облаками диск. Я встала поздно, накануне с непривычки долго не могла заснуть, поэтому туман уже успел рассеяться без следа, а солнечный свет — затопил полгоризонта.

Прямо передо мной расстилался поблескивающий от росы ковер лужайки, на большей половине которой, медленно передвигаясь, сургучной печатью лежала плотная тень от дома. Вдалеке, у самой кромки леса, серия небольших строений. Ближе ко мне — беседка, потом — гостевой домик с летней кухонкой, дальше — сарай, а рядом с ним высокая поленница. Хорошо, что мои окна не выходят на зону барбекю и бассейн. Здесь всегда будет тихо, спокойно, безлюдно. Так, как мне и надо.

Одеваясь, тщательно прислушивалась к гробовой тишине в коридоре. Несколько раз подходила к двери, однако, стоило воскресить в памяти вчерашнее происшествие, занервничав, отходила. Не хотелось бы мне столкнуться с ним нос к носу с утра пораньше, настроение ведь будет испорчено на целый день. Интересно, во сколько просыпается Макс? Небось, дрыхнет до обеда, а я тут терзаюсь. Надо как-то незаметно узнать распорядок его дня, чтобы точек соприкосновений у нас было как можно меньше, ну а пока... Так или иначе, выйти из комнаты сегодня все же придется. Приоткрыла дверь... и сразу увидела перед собой тетю. Она пришла, чтобы разбудить меня.

Спускаясь следом, опасливо скользила глазами по холлу, коридору, дверям в столовую, не торопясь туда войти. Заметив мой неуверенный взгляд, тетя поспешила пояснить:

— Виктор уже уехал. Поднялся ни свет ни заря, сегодня у них какая-то важная проверка на объекте, которая требует его присутствия. А Максим уехал вместе с ним. Хотя он итак обычно очень рано встает... ох, уж эти его долгие утренние пробежки по лесу... по-моему, он здесь уже каждую тропку не хуже зверя выучил.

В этом я даже не сомневалась. В цокольном этаже имеется шикарный тренажерный зал, но этому парню, конечно, надо выпендриться. От сердца сразу отлегло, не на шутку разыгрался аппетит, и я заметно повеселела. Вгрызаясь в свежий круассан, прихлебывая кофе, думала: как, оказывается, мало надо человеку для полного счастья. В моем случае, отсутствие другого — конкретного и противного человека. Только и всего.

Весь день мы потратили на магазины. Тетя расщедрилась, но и у меня имелся приличный запас карманных денег, которые она не разрешила мне потратить. Для доставки многочисленных покупок пришлось даже нанять специальную машину, но мы ни о чем не жалели — провели время просто прекрасно. По-моему, где-то в глубине души тетя до сих пор мечтала о дочке.

Моя комната, наконец, потихоньку начинала приобретать жилой вид, трансформировалась под меня. Я обживала ее не спеша, но неумоимо, день за днем добавляя к сюжету какие-то новые, индивидуальные мелочи, делающие комнату моей. И только моей. Пусть детали где-то не сочетались, выглядели тяжеловесно, или, напротив, слишком легкомысленно, заставляя тетю незаметно, чтобы меня не обидеть, морщить лоб, но мне здесь было комфортно. Как дома. А это — самое главное.

Неделя, а потом и другая пролетели незаметно. Утро воскресенья — последнего свободного дня перед началом учебы, выдалось промозглым и ненастным. Судя по всему, начиналась привычная для осени череда затяжных дождей. И это совсем не радовало.

За окном с самого утра лило, как из дырявого ведра, и даже воздух был прогорклым, будто скисшая простокваша. Хмурые косматые тучи висели низко, сочились противной влагой, прощаясь с летом. Начинаящая желтеть листва уныло обвисла на деревьях, крупные капли, алмазным ожерельем подвешенные к балконным перилам, время от времени неслышно, не выдержав собственного веса, срывались вниз, чтобы на их месте немедленно вытянулись в струнку новые.

Настроение испортилось, я всегда слишком зависела от капризов погоды за окном. И не я одна. В лесу, наверное, сейчас совсем сыро и непролазно, протоптанные — зверем или грибниками — тропы утонули в грязи, не ровен час, оступишься, свернешь на скользком склоне шею. Наверное, поэтому Макс сегодня забил на пробежку. Я решила так, потому что около часа назад слышала, как из его комнаты доносятся звуки музыки. Толком разобрать, что за композиция, не удалось, но я пришла к однозначному выводу: мелодия совершенно дебильная. А может, мне хотелось, чтобы она такой была.

После вчерашней видеосвязи с родителями, чьи лица по-родному улыбались из далекой солнечной Флориды, я чувствовала себя паршиво. Полночи ворочалась, взбивая подушку, вертя ее и так, и эдак, потом полночи рыдала в нее, жалея то себя, то беспросветную серость моих будней. Но кому какое дело до моих страданий? По этому поводу я тоже немного поплакала.

Это завтра начнется новая жизнь, занятия в университете, знакомство со сверстниками, приятные встречи, ну, а сейчас... Дядя на работе, тетя проведет весь день с подругами, так что здесь даже пообщаться не с кем. Спасти меня от жестокой меланхолии, в которую погружаться не хотелось, мог только горячий ароматный зеленый чай... с мятой, а может, с тем и другим сразу. Большая кружка. А в нагрузку я включу какой-нибудь сопливый романтический фильм. В гостиной. Приняв окончательное решение, я отправилась на кухню за этим чудодейственным напитком.

Наверное, я с чрезмерным усердием распахнула дверь, потому что до конца она так и не открылась: вдруг уткнулась во что-то, отказываясь мне подчиняться. Во что-то тяжелое, твердое, гораздо более упертое, чем трепещущее дверное полотно в моих руках. Цепеня от догадки, я подняла глаза. Там, значительно выше моей головы, увидела мужскую руку, что мертво держала створ, а следом из-за двери появился и весь Макс.

— Смотри, куда прешь, — процедил сквозь зубы, — здесь вообще-то люди ходят.

Залитое дождем лицо, торчащие из-под капюшона взмокшие растрепанные волосы, дыхание глубокое, неровное, которое он пытается сдержать. Похоже, Макс лишь за мгновение до столкновения перешел с бега на шаг, а может, моя дверь стала его финишем. Дождевик не застегнут, сквозь прореху я могла видеть потемневший, насквозь промокший ворот простой серой футболки, и дело, конечно, было не в дожде. Пахло от Макса соответственно: остро — мужским потом, а еще, едва уловимо, мягко — соленым бризом с побережья.

— Ну, извини...

Вышло, действительно, неловко. Я думала, он сразу уйдет, чего ему здесь торчать, этот эпизод окончен, но дверь по-прежнему не поддавалась: Макс никуда не спешил. Прислонившись к косяку, открыто, не таясь, разглядывал мое лицо — покрасневшие,

опухшие после ночных метаний глаза, мешки под ними, угнетая своим вниманием. Сама прекрасно понимала, что выгляжу скверно, только слепой не заметит, что я плакала.

Секунда — и темные брови дрогнули, потом сошлись на переносице, в глазах что-то мелькнуло. Мысли тревожно заметались, сменяя одна другую. Не хватало еще, чтобы Макс спросил о причине моих слез... а ну, чего доброго, решит подбодрить... или утешить...

— Ты сама это сделала? — он кивнул сквозь меня в сторону занавески из мелких разноцветных бусинок, что теперь отделяла спальное место от рабочей зоны с письменным столом.

— Сама, — выдавила я, почему-то ужасно обидевшись, что он увидел меня такой... заплаканной, жалкой, но больше — что он не спросил.

Не обращая внимания на мои огорчения, на то, что с дождевика по-прежнему стекала вода, Макс откинул с лица капюшон и шагнул в комнату, куда его не приглашали. Шел медленно, словно чего-то опасался. Вскинул руку, ненадолго замерев в такой нелепой позе. Решившись, осторожно провел пальцами по стекляшкам, перебирая нежные нити, точно чувствительные струны музыкального инструмента. Так, спиной ко мне, неподвижно, он простоял довольно долго, под ноги ему натекла целая лужица. Наконец, соизволил обернуться через плечо:

— Кажется, в детстве у вас дома была такая же?

Мокрые, почти черные волосы облепляли его лоб, стискивали скулы, а я вдруг заметила — влажные, они чуть вьются на концах. Настороженно кивнула.

— Да. Старая занавеска осталась у родителей, — зачем-то добавила, — те бусы я тоже сама плела.

Я гордилась этим своим умением, наверное, где-то в глубине души мне хотелось, чтобы он меня похвалил, но Макс просто отвернулся, не сказав больше ни слова. Снова коснулся пестрой занавеси, выбрал одну низку, сжал в ладони, расслабленно пропуская бусины между пальцев. А когда спустился до конца, тут же вернулся к началу...

Я стояла у дверей, не смея подойти ближе. Он вторгся сюда слишком бесцеремонно, он не имел на это права. Макса было слишком много, он заполнил собой все пространство, а его запах забил мои ноздри, проник глубоко в легкие, рассчитывая надолго там поселиться. Это пугало меня. Кажется, я хотела, чтобы он ушел. Чтобы немедленно убрался из моей комнаты. И нервничала, не зная, как поддержать с ним беседу, не понимая, что у него в голове.

А он вдруг тихо произнес.

— Я помню этот звук... легкий шелест... помню даже эти ощущения в пальцах... Странно, почему я совсем не помню тебя? — повернулся, бросая слова, как в лицо обвинение, — где тебя прятали?

— Никто меня не прятал, ну, вот еще... — вскинулась, излишне грубо, но это скорее от смущения, нежели возмущаясь, — это ты сам... Ты сам надолго уехал из страны... а я осталась. Забыл?

Мои слова вновь погрузили его в задумчивость, застали врасплох, но, даже задумавшись, он продолжал сверлить меня тягостным, с легкой поволокой туманных воспоминаний взглядом. И вряд ли при этом видел меня. Перед его глазами словно целая жизнь проходила, но мне почему-то подумалось, что в ней нечасто случались по-настоящему радостные моменты.

Стряхнув остатки дождевых капель на мой новый ковер, Макс направился к выходу.

Взялся за ручку. Я отступила, а он посмотрел с какой-то непонятной злостью.

— Детям никогда не предоставляют права выбора. Думаешь, это справедливо?

Я с ходу не придумала, что ответить, замялась. Но и он почему-то медлил с уходом. Ждал? Снова повернулся. Окинул меня тяжелым, теперь осмысленным, целя в упор, взглядом.

— Так, значит, двоюродная сестра... — выговорил с трудом, будто ругательство.

— Не совсем так... ну, если технически, то да... но... — попытка неумело объяснить, но он меня резко перебил, подходя ближе, чеканя шаг и каждое слово:

— Не продолжай. Я в курсе, что мы не в родстве. Но это ничего не меняет. Договоримся на берегу: мне не нужна сестра, так что о родственных связях между нами советую никогда мне не напоминать, тебе же выйдет боком. Я тебе не старший брат. Никогда им не стану. Я тебе — никто. И мне на тебя — плевать. Запомни это. А лучше — прямо сейчас заруби на своем маленьком носу.

Макс развернулся и ушел. Дверь за ним закрылась, оставив меня в одиночестве, под шум неторопливого дождя за окном ошеломленно раздумывать над услышанным, разглядывая грязное мокрое пятно на ворсистом ковре. На душе было тоскливо и тесно, туда без разрешения вползало какое-то гадкое чувство, и я со всей ясностью поняла: после такой отповеди ни чай, ни фильм теперь уже не помогут.

В университет я собиралась, как на праздник. Было еще темно, а я уже принимала душ, потом довольно долго провозилась, подбирая подходящий к случаю наряд, после — задумчиво посидела перед зеркалом с открытой косметичкой в руках, в итоге все же ограничилась нежирным слоем туши на ресницах и гигиенической помадой, пробежалась пудрой по лбу, щекам и скулам. Придирчиво оглядела себя. Да, так пойдет. Я великолепно выспалась, васильковые глаза сияют, цвет лица сегодня у меня тоже на удивление свежий, даже здоровый спелый румянец внезапно появился. А может, это оттого, что я ужасно нервничаю.

Повернулась напоследок к зеркалу еще раз, чтобы собрать волосы в высокий тугой хвост, безжалостно перевязала резинкой. Светло-русые, точно на солнце выгоревшие, струящиеся по плечам, они стали бы прекрасным украшением, но за дополнительными очками я не гонюсь.

С сомнением оправила плиссированную серую юбку. Не слишком ли коротковата? Спросить совета было не у кого. Вроде бы, длина не критична. Надеюсь. Почему я так нервничаю? Оправила еще раз. Решительно натянув пыльно-розовый джемпер, выпростала воротничок рубашки, подумала... заправила обратно. Готово, можно выходить.

Подходя к дверям столовой, с неудовольствием услышала голос Макса. А я так надеялась, что ко времени, когда спущусь, он уже уедет.

— Доброе утро!

И сразу, с порога наткнулась на его неприветливый взгляд. Он бегло оглядел мою фигуру поверх края чашки, как ледяной водой окатил, и как ни в чем не бывало опустил глаза. Неучтиво и грубо. Самооценка пробила дно, но расстроиться я не успела: тетя с дядей окружили меня вниманием, на все лады расточая похвалы. Даже Татьяна, приходящий повар, оторвалась от плиты, чтобы полюбоваться мной.

Всего несколько добрых слов, а я преобразилась, заулыбалась, расцвела. Выходит, все-

таким образом не ошиблась с выбором наряда. Мне было важно услышать слова одобрения накануне выхода, к тому же, это ведь еще чисто по-женски приятно. Победно глядя на невозмутимо попивающего кофе Макса, уселась напротив. Я, конечно, не напрашивалась на его комплименты, но кое-кому все же не мешало поучиться хотя бы элементарным правилам вежливости.

— Максимка, — вспомнив о чем-то, повернулась к нему тетя, — вчера ты говорил, что с утра планируешь заскочить в университет.

Я за малым не хрюкнула, невероятным усилием воли сдержав смешок. Максимка. Конечно, мать вправе по-всякому его называть, но, как по мне, с этим уменьшительно-ласкательным суффиксом имя звучало несколько... забавно. Почувствовала взгляд, от которого закололо лицо и заledenели конечности, но глаз не подняла, напротив, уткнулась носом в тарелку, тщательно пережевывая пищу. Это тебе за куколку.

— Может, и говорил, — равнодушно подтвердил он.

— Возьмешь сегодня Нику с собой? — наверное, он изобразил недовольство, потому что тетя поспешила добавить, — ну, хотя бы дорогу ей покажешь... а потом мы что-нибудь обязательно придумаем.

Мы все понимали, это не выход, но Макс долго не раздумывал. Что-то решив про себя, кивнул. Отставил чашку. Поблагодарил повара за вкусные блинчики. Ведь может быть человеком, если захочет. Приятным человеком. Это бы далось ему без особых стараний. Но вместо этого...

— Возьму. Если она перестанет считать ворон и поскорее закончит завтрак.

Разумеется, я итак не собиралась здесь полдня рассиживаться, а после его шпильки в третьем лице и вовсе аппетит пропал. Торопливо проглотив последний кусок, поднялась следом за ним, показывая, что готова. Быстрее бы избавиться от его общества и оказаться в стенах университета.

Знакомый внедорожник — на этот раз чистый, натертый до воскового блеска, оказался не серым, как мне думалось прежде, а темно-синим — и он уже ждал нас на подъездной дорожке. Высокий, с неудобными порогами, я с трудом в него забралась, и только опускаясь на сидение, заметила, что Макс на меня пялится. Точнее — на мою юбку. В смутении принялась расправлять крупные складки на коленях, нервничая, потому что он, не скрываясь, продолжал наблюдать, как я это делаю. Не слишком ли нагло он смотрит? Или за этим скрывается насмешка? Да что не так с моей юбкой? По его лицу ничего нельзя было разобрать, потому что лицо это ничего не выражало. Исчезнувшая было неуверенность снова вернулась, и я разозлилась и на себя, и на него.

— Есть что сказать?

Подвижные пальцы уверенно сомкнулись на рычаге коробки передач совсем рядом с моей ногой, и я увела колени в сторону. Чисто на инстинкте.

— Ничего, что ты бы захотела услышать.

Я не успела ни парировать, ни пристегнуться — этот придурок нажал на педаль так резко, выворачивая на дорожку, что пришлось схватиться, а потом и повиснуть на выступающей ручке, чтобы сохранить равновесие. А вот сумка с колен не удержалась, слетела. Нащупать вилку ремня безопасности я не успела тоже — не проехали и нескольких домов, Макс затормозил так же неожиданно, как тронулся, только на этот раз я почти уткнулась головой в лобовое стекло. Выпрямилась, повернулась к нему, раздраженно убирая хлестнувший по щеке хвост за спину.

— Поосторожнее, блин. И как только тебе права выдали с такой оригинальной манерой вождения? — он не реагировал, и с места не двигался, заставив меня напрячься, — ты что-то забыл?

— Ага, забыл, — протянул Макс, а потом уничтожил меня, — выметайся.

— Что?

— Что слышала. Остановка общественного транспорта в паре кварталов отсюда, — небрежный кивок куда-то вправо, — ну вот, дорогу я тебе показал... так что чеши.

Я сразу поняла, что Макс не шутит, с тревогой глянула на часы. Похолодела. Мой первый учебный день.

— Не понимаю. Твоя мать ведь сказала... и ты согласился...

— Не хватало еще, чтобы пошли слухи, будто в мою машину садятся малолетки. От вас же потом не отобьешься.

— Чего?.. Да как... И что... — мысли сбились в кучу, я только растерянно моргнула, констатируя факт, — но ведь я не успею к началу занятий...

Он флегматично почесал переносицу, наваливая в динамике басы.

— Конечно, не успеешь, если будешь продолжать тупить. Не старайся, меня щенячьим взглядом не проймешь. Так что давай... пошевеливайся, и у моего терпения есть конец.

— Ну и козел же ты... Максимка, — злобно прошипела я на прощание, поднимая сумку, а едва ступила обеими ногами на землю, отвела душу, с раздражением хлопнула дверцей из всех своих девчачьих сил. Мотор заревел, тяжелая машина с буксом рванула с места, напоследок обдав меня крапинами грязи из-под колес. Я беспомощно выругалась, наблюдая, как внедорожник исчезает за поворотом, потом наклонилась, пытаюсь очистить тонкий капрон колготок. Надеюсь, мне хоть немного удалось его разозлить. Пусть не у меня одной окажется испорчен день.

О да, мне удалось. Семя упало на благодатную почву. С тех самых пор мы не упускали удобного случая сделать друг другу гадость, разумеется, втайне от его родителей. Я оправдывала себя тем, что не я это начала. Он — не знаю, чем он там себя оправдывал, но мелкие стычки со мной приносили этому говнюку видимое удовольствие.

Дорога в университет, первые робкие неуверенные взгляды на сокурсников, слова приветствий и неведомо откуда появившееся чувство единения, близости с людьми, по сути незнакомыми, но сидящими со мной в аудитории плечом к плечу... мой марафон длиной в полдня остался позади. Пара вводных лекций, и на сегодня всех освободили.

Вместе с кучкой девчонок и парней с нашего потока мы столпились у центрального входа, раздумывая, что делать дальше. Кто-то предлагал отправиться в ближайший сквер, чтобы продолжить знакомство за баночкой пива, кто-то настаивал на посиделках в кафе, кто-то звал на квартиру. Мальчишки отчаянно перетягивали одеяло на себя, задираясь, уперто выясняя, кто здесь будущий лидер.

Я вариантов не выдвигала. Небо, наконец, развиднелось, беспрепятственно пропуская солнечные лучи сквозь белесое марево, висящее в душном после дождя воздухе. Испытывая легкую усталость, не вслушиваясь в споры, с облегчением стянула джемпер, оставшись в тонкой кружевной рубашке. Заметив сразу несколько заинтересованных взглядов мужской половины нашего курса, подняла руку... да и распустила волосы — от тугой резинки вот-вот грозила начаться мигрень. Пожалуй, лучше мне сейчас отправиться домой. Слишком долго

они спорят.

Маринка — черноглазая худышка, которая стала моей соседкой по парте, была со мной солидарна. Под разочарованные возгласы ребят мы неторопливо спустились по ступенькам, и здесь нас догнала еще пара девчонок. Подружки, они со школы были не разлей вода, поэтому и сюда поступили вместе. Юля и Оля. И даже внешне смотрелись как сестры: длинные медовые волосы, веснушки, серо-голубые глаза, угловатость в движениях. Посоветовавшись, мы решили прогуляться вчетвером.

Не тут-то было. На последней ступеньке наш квартет попал в окружение компании постарше. Эти ребята оказались настойчивее, чем наши, своего интереса не скрывали, бескомпромиссно, не давая возможности опомниться или отказать, зазывая нас на какую-то вечеринку. Девчонкам было лестно, они застенчиво кокетничали со старшекурсниками, больше для виду, переминаясь с ноги на ногу. Я же чувствовала себя беспокойно под неотрывным взглядом одного из парней, высокого улыбчивого шатена. Слишком холодные были у него глаза. Слишком мощно ребята напирали.

Наконец, когда переговоры прошли стадию торга, он шагнул ко мне, подвинув при этом своего приятеля, что все это время безуспешно заигрывал со мной, и с ходу взял быка за рога.

— Не расслышал, как тебя зовут?

— Вероника.

— У тебя очень красивое имя. А меня зовут Женя, — представился он, — так как ты относишься к тому, чтобы сегодня приятно провести время, Вероника?

— Смотри, что ты под этим подразумеваешь, — осторожно ответила я. Парень не был мне неприятен, и все же с ним мне почему-то никуда идти не хотелось.

Женя коротко хохотнул, хотя я не шутила: наверное, хотел, чтобы я расслабилась, но нужного эффекта не добился — я нахмурила брови. Показалось, что он высмеивает мою неопытность.

Он уже открыл рот, чтобы броситься в новую психологическую атаку, потому что мои подружки, кажется, были уже на все согласны, и теперь договаривались, кто, в какой очередности, за кем заедет.

Как вдруг мы услышали:

— Вот ты где! А я повсюду тебя ищу. Ты что, забыла, где встречаемся?

Как рыба, я открыла и закрыла рот, бестолково похлопала ресницами, потому что обращались ко мне. Совершенно точно ко мне. Обращался парень, которого я не знала.

— Где? — тупо спросила я, продолжая непонимающе таращиться на незнакомца. Жилистый, невысокого роста, с шапкой темных вихрастых волос, он подошел ближе.

— Ну, на парковке же, — по-свойски забросил руку мне на плечо. От неожиданности я чуть присела. Женя, до этого переводивший взгляд с меня на вихрастого и обратно, недовольно сказал:

— Руслан? Не знал, что вы знакомы...

— Ну, теперь знаешь, — невежливо оборвал его парень, — и, кстати, нам уже пора. Без обид, Джон.

Не дав возможности как следует попрощаться, он развернулся вместе со мной, действительно, направляясь в сторону университетской парковки. Я приготовилась услышать объяснения, но спаситель шагал молча. Когда известная компания скрылась из виду, я попыталась освободиться от его хватки, сгиб локтя больно придавливал мне волосы.

— Эй, руки убери, — он не послушался, и я начала сопротивляться активнее, — ты кто

такой вообще? Чего пристал?

— Да не толкайся ты, мы почти пришли. Хотя лично я бы на месте Макса с тобой так не нянчился. Но, как говорится, дело хозяйское...

— Что?.. Да что тут... а причем вообще...

Этот товарищ, наконец, снял руку с моего плеча, и почти сразу я уперлась глазами в знакомый внедорожник. Макс перегнулся через кресло, распахивая для меня пассажирскую дверь. Ребята обменялись скупыми мужскими жестами, насколько я поняла, на их языке так выражалась благодарность, и вихрастый быстро исчез из поля моего зрения.

На этот раз я не спешила. Подошла вплотную, упершись руками в бока, прищурилась. Что сказать, самолюбию было приятно, но поддеть его хотелось страшно.

— У тебя раздвоение личности? Утром выкидываешь меня из машины, а сейчас устраиваешь многоходовочку, чтобы я в нее села? Только не говори, что соскучился.

— Не скажу, — он спокойно указал на сидение, — садись уже.

Кряхтя, я забралась внутрь.

— А чего сам не подошел? Слишком много чести?

Макс снял солнцезащитные очки, поворачиваясь ко мне, и мне снова не понравилось выражение, с которым он на меня уставился.

— Слушай меня ушами. И запоминай то, что я говорю. Чтобы с ними, — он вскинул руку, указывая куда-то вдаль, но я сразу поняла, что он имеет в виду, — я тебя больше не видел. Ни в универе, ни где-либо еще. Ясно?

— А это еще почему? — вздыбилась я, собираясь дать достойный отпор.

— Потому что это не лучшая компания для глупых первокурсниц.

Его менторский тон начал действовать мне на нервы. И чего он тут раскомандовался.

— Значит, так... давай, я сама разберусь, с кем мне дружить, а с кем — даже не здороваться. Расслабься, я тебя услышала — ты ничего мне не должен... Меня не надо опекать, я в состоянии позаботиться о себе... уж как-нибудь проживу без твоих ценных советов.

Потянулась к ручке, собираясь открыть дверь, но с удивлением услышала характерный щелчок общей блокировки.

— Ты это серьезно? Открой. Меня там ждут... друзья.

— Да неужели? — услышала раздраженный голос, — что, в девках засиделась? Не терпится уйти в отрыв? А покорооче юбки не нашлось?

— Сдалась тебе моя юбка, — рассердилась, — и чего ты к ней прицепился?

— А то, что ты в ней выглядишь, как... смазливая школьница, которую хочется разложить на заднем сидении...

— Кому хочется? Тебе? — вырвалось прежде, чем подумала, что ляпнула, но Макс и ухом не повел.

— Не обо мне речь. Ты чем вообще слушаешь? Я не стану ждать, когда тебя разведут, это и на меня тень бросит, как только кто-нибудь узнает, что ты живешь в моем доме... а кто-нибудь обязательно узнает. Хочешь, чтобы твоя... ммм... скажем, девичья честь стала предметом спора в первый же день? А это именно та религия, которую они проповедуют.

— Меня они не разведут, — уверенно сказала я, предварительно покраснев от его прямолинейности.

— Тебя, — с нажимом произнес он, — разведут здесь, как последнюю лохушку, даже не сомневайся. Сама же потом будешь локти кусать.

— Так это забота с твоей стороны? И как я сразу не поняла!

— А до тебя вообще, я смотрю, все туго доходит. Скажу совсем просто: мне параллельно, кто залезет тебе в трусы, я о своей репутации забочусь.

— В таком случае мне такая забота не нужна, — возмутилась я, — немедленно выпусти меня отсюда, и вали на все четыре...

Какое-то время он пристально смотрел на меня, явно о чем-то раздумывая, о чем-то нехорошем, покусывая дужку очков, потом они резко взлетели на переносицу, а в замке зажигания провернулся ключ.

— А ты, походу, не только характером не удалась, куколка, еще и мозгами обвесили... Комбо, так сказать.

Я послала ему испепеляющий взгляд, но, наученная горьким опытом, поспешила схватиться за ремень безопасности. Как предсказуемо. Да разве можно от него ждать чего-то другого, кроме оскорблений и похабщины? Не понимаю, почему девчонки смиренно в очереди готовы отстоять, лишь бы Ярцев обратил на них свое драгоценное внимание. Мне такой радости теперь и даром не предлагайте.

Тетя выглядела очень довольной, когда увидела, что домой мы вернулись вместе. И хоть ее чувств больше никто не разделял, тот вечер прошел тихо, по-семейному. Говорила в основном я. О своих впечатлениях после первого дня учебы. О хороших впечатлениях. О Максе в рассказе я не упомянула ни разу, чем, безусловно, заслужила его молчаливое одобрение.

А позже, друг за дружкой поднявшись наверх, мы с ним просто разошлись каждый в свою комнату. И это устроило нас обоих.

И это долго устраивало нас. До дня рождения Макса...

Глава 3

В октябре, бывает, стоят чудные дни: благодатные и благодарные, с ясной тихой погодой, когда парящие на ветру серебристые паутинки искрятся, отрываясь от веток, летят, игриво кувыркаясь, нежась в лучах солнечного света. Когда пышное убранство сбрасывающих листву деревьев играет всеми оттенками красок, радуя глаз и объектив фотоаппарата, соревнуясь друг с дружкой в пестроте нарядов. Драгоценные мгновения осени.

Но бывают в октябре дни иные. Непредсказуемые. Грязные и мрачные, с мелкими надоедливими дождями — карой с небес. Дни, от которых некуда укрыться, а даже если укроешься, везде будешь чувствовать себя сыро и неудобно. Дни, в которые ноги люто мерзнут даже в очень теплых носках и под пледом, дни, которые созданы для того, чтобы их тихо ненавидеть, чтобы отчаянно желать стереть их из памяти. Которые часоточно хочется наградить самыми нелестными эпитетами. Как раз в один из таких дней Макс, скорее всего, на свет и появился.

Подарок ему я приготовила загодя, еще в сентябре. Сделала его своими руками. Вот так банально. Ну, в самом деле, что еще можно подарить человеку, у которого все есть, чьи самые безумные фантазии окружающие исполняют по щелчку пальцев? Вот и сегодня дядя угодил ему: с раннего утра на подъездной дорожке красовался, обтекаемо отливая на солнце, двухместный люксовый спорткар. Едкого канареечно-желтого цвета. Как раз под стать Макс. Конечно, он пришел в полный восторг от своей новой дорогой игрушки, радовался, как ребенок, с опаской прикасаясь, примерял на себя, заглядывал внутрь, стремясь поскорее рассмотреть все детали роскошного интерьера.

А потом — я вместе со всеми не вышла, наблюдала из окна второго этажа, прижавшись лбом к стеклу — они с отцом, не сговариваясь, запрыгнули в низкое купе, наверное, решили сделать почетный круг по району. Тетя так и осталась стоять у дома одна. Обняла себя за плечи, тихонько вздохнула, провожая их затуманенным взором. Мне стало жаль ее. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, о чем она думает: как же быстро ее сын стал совсем взрослым.

Я хотела отдать подарок первой, чтобы отмучиться сразу, но Макс спустился прежде, чем я собралась с духом и решила постучать в двери его комнаты. Та часть коридора все еще оставалась для меня нехоженой запретной территорией. А дальше случился автомобиль и затянувшийся тест-драйв: именинник без малого полдня без передышки колесил по округе на пару с одним из своих приятелей, должно быть, кадрия для галочки всех окрестных девчонок, а может, просто разгоняя болид на трассе до межгалактических скоростей, чтобы испытать технику на прочность.

А сразу после обеда к нам в гости заглянула пожилая соседская чета, и удобный момент снова был упущен. Макс под шумок куда-то улизнул, а взрослые надолго расположились в гостиной, чтобы обговорить детали предстоящей совместной поездки. Сегодня вчетвером они отправятся на побережье, чтобы не мешать сыну развлекаться. Поскольку дом оставался в полном распоряжении Макса, вечером намечалась небольшая тусовка — для близких друзей. Тетя с дядей планировали провести у моря весь уикэнд, а не только пятницу. Они, конечно, зазывали в поездку и меня, но я решительно отказалась: я здесь не пропаду, к тому же, зачем собаке пятая нога?

Наконец, мы все торжественно собрались на дорожке перед домом, наблюдая за тем, как дядя, качая головой и что-то неразборчиво приговаривая под нос, грузит объемную сумку в багажник.

Тетя ненадолго задержалась рядом с сыном, чтобы отдать последние распоряжения. Разумеется, на прощание Максиму было строго наказано:

— Только не теряй Нику... нравится тебе или нет, пока мы в отъезде, за нее отвечаешь ты... — мы оба как по команде раздраженно закатили глаза, но досталось Максиму, — не кривляйся, Максим, не кривляйся. И... поосторожнее с выпивкой. Знаю я эти ваши пьяные гулянки... после твоих друзей хоть святых выноси.

Макс дежурно пообещал матери, что пьянка пройдет без сучка без задоринки, а меня он уж точно из виду не потеряет. В подтверждение своих слов даже шуточно приобнял за плечи, чем вызвал у меня легкую оторопь. А едва мы с ним вернулись в дом и закрыли за собой двери, благополучно о своем обещании забыл. Я не была в обиде, конечно, и без его присмотра проживу, не маленькая.

Не прошло и часа, на пороге появились ранние пташки. Прислугу на сегодня отпустили. Информация о том, что все взрослые отчалили, по оперативным каналам распространилась молниеносно. Погода за окном стояла комфортная, сухая и для последних дней октября сравнительно теплая, поэтому эпицентром веселья должна была стать зона отдыха с диванами рядом с бассейном. Я безразлично наблюдала, как лужайка постепенно заполняется прогрессирующей молодежью. Мне же лучше, сам дом останется сравнительно пустым... а после того, как все закончится — еще и чистым.

Скоро у бассейна уже было не протолкнуться, а ведь там чилили под музыку только его «самые близкие друзья», и народ все продолжал подъезжать, напор прибывающих и не думал стихать... Когда только Макс успел стать в этих краях таким популярным? Его заваливали подарками, придушивали в объятиях, путались под ногами, обращались, дергали, только и успевай налево и направо улыбаться и острить. Макс не жаловался, справлялся на ура.

А скоро, наконец, я увидела ту самую Лану. Как раз накануне они с Максимом в очередной раз помирились, такое вот совпадение. Я с интересом разглядывала из окна эту девушку. Его девушку. Милана. Придаться было не к чему. Моя полная противоположность. Высокая, жгучая брюнетка с идеальным каре. Черные, как смоль, волосы, гладкие и блестящие, заставляли переливаться ее чистую белую кожу, а может, она просто умело нанесла на лицо хайлайтер. Изящную тонкую шею подчеркивал стильный чокер, джинсы сидели на стройных бедрах безукоризненно. Красивая и желанная. Высший класс.

Конечно, Макс вышел навстречу, и она ринулась летящей походкой ему на шею в таком эмоциональном порыве, будто расстались они не накануне поздно вечером, а как минимум пару лет назад. Под сердцем жалобно заскребло, слишком долго и искренне они не отрывались друг от друга, но я не опустила жалюзи, не отвернулась, с каким-то болезненным вниманием продолжая наблюдать, вконец растравив себе душу. Наверное, это патология. По крайней мере, что-то от психического отклонения в этом определенно есть.

Наконец, она нажала на его затылок, заставив наклонить голову, что-то жарко зашептала на ухо, многозначительно улыбаясь. Не знаю, что она там щебетала, но Макс как-то уж слишком двусмысленно ухмыльнулся. Не удивлюсь, если гвоздем программы ему был обещан приватный танец на шесте.

К слову, девушка так и продолжала виснуть на нем, как на вешалке, практически весь вечер: теребила, заглядывала в лицо, все время искала губами его губы, словно хотела

подчеркнуть всем и каждому, Макс принадлежит лишь ей одной. Да разве на него кто-нибудь покушался? А сам он, хоть и не поощрял, но все же позволял ей делать все, что вздумается, не прогонял от себя, не одергивал, и, кажется, в целом выглядел... довольным.

Лана, бесспорно, стала признанной королевой вечера, украшением пятничной вечеринки, что совсем скоро грозила перерасти в безудержный субботний шабаш. Его гости, как и опасалась тетя, напивались беспечно и стремительно, зажигательная гулянка быстро набирала обороты. Оглушительная заводная музыка разрывала мозги на молекулы, плавя уши аккордами и басами, весь этот народ радостно гудел, а ведь еще даже не стемнело. Конечно, я могла бы спуститься, присоединиться к ним, и меня бы не прогнали, вряд ли даже заметили мое появление, но что-то внутри уверенно подсказывало: я не найду себе там места.

В который раз нащупала в кармане подарок, сжала крепко. Значит, отдам ему позже. Макс сейчас не до меня. Неудивительно, что он забыл о моем существовании, не обратит внимания, даже если подойду, не услышит, что захочу сказать... и никогда не посмотрит на меня так, как он смотрит на нее. Хрупкие — вот-вот переломится в талии — высокие брюнетки с идеальным тоном кожи, длинноногие, чувственные, сговорчивые — его идеал, подумалось горько, вот какую девушку хочет видеть рядом с собой Макс Ярцев. Ну, а я... Этот мир безжалостно прошелся по мне, потоптавшись на сердце заляпанном грязью сапогами.

Поразмыслив, я решила выйти на воздух, проветрить голову, а заодно прогуляться по лесу, пока светло. Я ведь ни разу не выходила за черту поместья, хотя Макс бывал там каждый день. Спустилась в цокольный этаж, через дверцу в гаражной ролете выбралась наружу, по счастливой случайности по пути никому не встретившись.

Весь последующий час, а может, и два, неспешно бродила по ароматному насту среди высоких деревьев, нагибалась, придирчиво выбирая, складывала из листьев букеты — хвостик к хвостику. После беспощадно развеивала их на краю оврага. Сизифов труд. Но спускалась в лощину и собирала снова. Как заведенная. Потом, утомившись от глубоких реверансов, пустилась в путь: шагала случайными лесными тропами до боли в щиколотках, до вспотевшей спины, избавляясь от дурной энергии, подспудно, чтобы чем-то занять мысли, пытаюсь угадать, какую из дорог под ногами привычно избрал для своих утренних пробежек Макс.

Возвращалась неохотно, когда в спину, подгоняя, уже стыло выдыхали из кустов сумерки. Я не боялась заблудиться, дорогу назад нашла без особого труда: как долбят басы, было слышно издали, да и фонари горели меж стволов приметно, будто маяк кораблю. Подходя ближе, решила пройти другой незаметной тропой, не ошиблась — дорога вывела меня, извиваясь змеей на ухабах, прямо на лужайку с хозпостройками. Назад я рассчитывала вернуться этим безопасным путем, Макс у него вовсе не обязательно знать, что я ненадолго выходила.

В отличие от моря огней, маняще озарявших территорию вокруг бассейна, на этой стороне дома было сравнительно темно и очень тихо. И все же каким-то шестым чувством я угадала чужое присутствие. Недовольно ускорила шаг, не хватало еще нарваться на телячьи нежности какой-нибудь отбитой парочки, но через мгновение меня догнал ЕГО голос. Раздраженный. Ершистый.

— Еще десять минут, и я был готов возглавить масштабную поисковую операцию. Почему не сказала мне, когда уходила? Какого черта ты вообще шатаешься по лесу в

потемках? Приключений ищешь?

Макс был один, стоял, спиной подпирая стену с той стороны сарая, что была обращена к лесу, в руке теплился красный огонек — тлеющая сигарета? Я в сомнении подошла ближе, туда, где меня настигло невесомое облачко сигаретного смога.

— Не знала, что ты куришь, — вырвалось. Курение не вызывало у меня отторжения, нет, но все же я была удивлена неприятно.

Макс это заметил, показательно затаился, выпуская вверх колечко голубовато-сизого дыма.

— А что вообще ты обо мне знаешь?

Я знала о нем многое, потому что слишком многое замечала, но промолчала. Показалось, вопрос был риторическим. А он продолжал сверлить меня хмурым взглядом.

— Ты не ответила. Где ты была?

— Просто прошлась... прогулялась...

— Пешком до города и обратно? Почему так долго?

Это уже начинало смахивать на допрос. На распекание неразумного дитя. Мне стало обидно. Кем он видит меня? Я ребенком себя не считала. Не в его глазах. Разозлилась.

— А сам-то ты что здесь делаешь, Макс? Почему стоишь здесь... один, когда там веселятся все твои друзья? — суетливо махнула рукой в сторону полянки, откуда непрерывающимся эхом над округой вились веселые разноголосые крики, — это же твой праздник!

— Праздник... ну, да, — как-то странно усмехнулся, делая новую глубокую затяжку, — а может, мне захотелось немного отдохнуть от своего... праздника? Послушать тишину? Скажешь, нельзя?

— Не скажу, — я нахохлилась от свежего вдоха осени, пахнувшего из глубины леса, — пожалуй, пойду в дом... не стану тебе мешать...

— Ты мне не мешаешь... Я, в общем-то, не против... компании.

Это не выглядело, как приглашение, и за намек это принять было невозможно, но все же я остановилась, нерешительно повернулась, так же нерешительно подошла к нему, встала поодаль, завела руки за спину, прикоснулась к дощатому боку, опираясь. В принципе, недолго постоять здесь можно. Несколько минут потраченного времени... они ведь ничего не решают, эти несколько минут... наедине...

Лес смотрел на нас, и мы без долгов возвращали ему эти взгляды. Макс курил. Молча. Привычно. Как робот. Только поднималась и опускалась рука, сгибаясь в локте. Наверное, и вправду пришел сюда, чтобы насладиться тишиной. И все же я чувствовала, время от времени он бросал на меня короткие взгляды, но не поворачивалась, чтобы ненароком не разрушить образ, успевший угнездиться у меня в голове. В этом молчании... мне было непривычно видеть Макса другим: отстраненным, задумчивым... одиноким. Не таким, как привыкла — столкнулся со мной, сострил, позабавился, отбрил — и порядок. Сейчас он выглядел так, будто действительно способен мыслить, чувствовать, что-то понимать, о чем-то сожалеть, грустить... Совсем как обычный человек... без особенностей...

Воздух вокруг нас сгущался, чернел, углублялись тени. В головокружительной синеве факелами готовились вспыхнуть первые звезды. Надвигаясь прямо на нас, из чащи начинал выползать туман, волоча за собой гнилую болотную сырость, впрягался, усердно распахивая низину, в которой расположился поселок, так что я уже не жалела, что перед выходом догадалась одеться потеплее.

Повела плечами, застегивая куртку.

— Замерзла? — его внезапному беспокойству не удивилась, только отрицательно покачала головой. Или это была забота?

Окурок, наконец, оказался в траве, где был безжалостно раздавлен.

— Кстати... — вновь нарушил Макс хрупкую тишину между нами, — ты ничего не забыла? — и я, наконец, повернулась к нему, чтобы услышать продолжение, — ты еще не поздравила меня с днем рождения. Только ты одна и не поздравила... — словно бы с упреком, — можно поинтересоваться, почему?

Странно, что он об этом сейчас вспомнил, спросил... но Макс ждал ответа. А Макс долго ждать не любил.

— Не знаю... наверное, ждала подходящего случая. Но не дождалась... Ты мегапопулярен сегодня, Макс, сам знаешь, — поддела намеренно, чтобы скрыть неловкость, кроме того, это ведь была правда.

— Ну, вот и дождалась... — оценив откровенность, негромко отозвался он, — это он, куколка. Тот самый... подходящий случай.

Никогда не имела привычки медлить, вот и сейчас не стала препираться, мне действительно хотелось покончить с этим разом, давно ведь хотелось, с самого утра. Как хорошо, что подарок со мной. Потянулась, вытащила браслет из кармана. Нетвердой, вдруг вспотевшей рукой. Макс, не отрываясь, следил за моими действиями. И от его взгляда... сердце в груди немного ускорило бег, запинаясь, а в горле почему-то стало очень сухо.

— Ну, вот... Макс... это... — сбивчиво принялась объяснять.

— Я знаю, что это, — перебил он, продолжая изучать мое лицо, — оберег на удачу. Я угадал? — я подтвердила, — видел такие в Тайланде. Ты его там купила?

— Нет... — неожиданно мучительно покраснела. Почему эти простые слова даются мне так трудно? — этот я... я сама для тебя сплела.

— Для... меня? — я кивнула, — ты сплела талисман... для меня? — удивленно переспросил Макс, — это... круто... Нет, это действительно круто, я не шучу, — держа веревочку на ладони, я смущенно вытянула руку, чтобы он смог, наконец, забрать подарок, но Макс не торопился. — Повяжешь его мне? Ты должна сама его повязать, если, конечно, и правда желаешь мне счастья... Ведь желаешь? Надеюсь, у тебя нет дурного умысла, и назавтра я не отброшу коньки?

— Конечно же, нет, — возмутилась я, — если и отбросишь, точно не из-за моего браслета. В общем... я желаю, Макс... я правда желаю тебе счастья и... так что... с днем рождения тебя... вот.

— Спасибо.

Чтобы обернуть сплетенные в единую тесьму нити вокруг его запястья, пришлось подойти ближе. Значительно ближе. Здесь, в тени сарая, в сгущающихся сумерках, видимость была похуже, и манипуляции мне пришлось проводить почти вслепую, но почему-то никто из нас не предложил другому обогнуть постройку, выбраться на свет, чтобы облегчить дело. Я смущалась из-за того, что наши руки соприкасались, но Макс, опустив глаза, смотрел только на то, как двигаются мои пальцы, и поэтому все закончилось очень быстро.

— Так, — он одобрительно повертел ладонью, поправил браслет, бережно пригладил торчащие кончики, — с этим мы разобрались. Ну, а теперь... поцелуй.

— Что? — я решила, что ослышалась.

— Поцелуй, — с серьезным видом повторил Макс, — без поцелуя никак нельзя. Иначе не видать мне удачи, как собственных ушей. Ты же этого не допустишь?

— Ты только что это придумал... — убежденно заявила я, отступая, — не припомню, чтобы монахи в Тайланде кого-то целовали, когда повязывали веревочку.

Макс согласно рассмеялся, но с курса не сбился.

— Ну, а подношение? Что насчет жертвы храму? Это обязательное условие, помнишь? Так что... придется тебе все-таки пожертвовать чем-нибудь ради благого дела. Видишь, я не привередлив. Но... желание именинника — закон, ты же не будешь с этим спорить? Всего один поцелуй... не слишком большая жертва, правда? Ты же сама сказала, что хочешь сделать меня счастливым. Ведь хочешь? Ну, так... делай.

Он стоял, склонив голову к плечу, в ожидании каких-то действий от меня, насмешливо глядя, как я нервно тереблю собачку молнии. И судя по всему, помогать не думал. Проблема была в том, что, даже собравшись с духом, я понятия не имела, с какой стороны к нему подступиться, и мялась, не решаясь сделать первый шаг. Я ведь прежде никогда ни с кем не целовалась. И теперь, когда он полностью переложил ответственность на мои плечи, растерялась совершенно. К тому же где-то в глубине души продолжал точить червячок сомнений, что если Макс все же шутит. Я шагну к нему, а он поднимет меня на смех, выставит глупой дурочкой... а ну, чего доброго, поделится тем, как удачно подшутил надо мной, со своими приятелями...

Никто из нас не заметил, что уединение нарушено, пока прямо над головой не грянуло:

— Макс, ты на звонки когда-нибудь пробовал отвечать? — вихрастый Руслан появился совершенно неожиданно для обоих, вынырнув из-за угла. Я излишне резко прынула в сторону, чем, конечно, вызвала у него добрую усмешку. — Тебя там Лана повсюду ищет. А ты чего... здесь...

Я увидела, что Макс поморщился при упоминании этого имени. Я это очень хорошо разглядела. Нехотя оттолкнулся от стены, выходя из тени, больше не глядя на меня.

— Ну, и чего на этот раз хочет Лана?

— Тебя. Чего она еще может хотеть-то? — и Руслан зачем-то подмигнул мне. — Кстати, у Темыча созрело одно гениальное предложение. Как смотришь на то, чтобы до утра зависнуть в клубе? Завалимся сразу в «Апогей», для нас там держат местечко. Еще держат, но надо поспешить, у них сегодня аншлаг... Оттянемся по-взрослому? Только для избранных, а? Сейчас по-быстрому здесь утрясем, рванем... оторвемся...

Разговаривая, они вместе двинулись в сторону дома. Но через несколько шагов Макс неожиданно обернулся через плечо. Заметив, что я продолжаю одиноко стоять в тени сарая, сказал на удивление мягко:

— Заходи внутрь, не мерзни здесь долго... Только не забудь поставить дом на охрану, когда все разойдутся, ты же помнишь, как это делается? Я вернусь завтра...

Макс свое слово сдержал. Не то, чтобы я ждала до рассвета, не смыкая глаз, чутко прислушиваясь к каждому постороннему звуку извне, но я впервые ночевала одна в этом большом притихшем пустующем доме и, откровенно говоря, одной здесь мне было не по себе. Все эти странные шорохи... скрипы. Случись что — и позвонить некому. Тетя с дядей не близко, а Макс... да я ведь даже номера его телефона не знаю, как-то в голову до сих пор не пришло с ним обменяться контактами.

К утру, когда он так и не явился, мне сделалось совсем грустно: значит, и впрямь решил на славу покутить. Да уж, двадцать второй день рождения, вероятно, отпечатается в его памяти навечно. Как и в моей. Напряженно глядя в пространство, слушала, как снова начал накрапывать дождик за окном, как он быстро усилился, нетерпеливо барабанил по крыше гостевого домика, по шиферу старенького сарая, потом — косыми острыми стрелами — стал резать по стеклу. Теперь дорогой подарок, спорткар, забыто мок внизу. Макс даже в гараж не потрудился его загнать накануне, все перед гостями хвастал.

Вздыхнув о том, что время сна так бездарно упущено, я тяжело поднялась, расправляя постель. Захватив с полки чистое белье, побрела в ванную, чтобы принять контрастный душ, хоть как-то взбодриться. Ночь была долгой, мне никто не мешал выспаться, а я почему-то чувствовала себя, как выжатый лимон.

Когда с водными процедурами было покончено, задерживаться не стала, наспех завернувшись в толстый банный халат, выскочила в коридор, торопясь вернуться в комнату, чтобы одеться потеплее: в холодное время года я всегда отчаянно мерзну, а распаренное тело уже начинало остывать, да и мокрые волосы только прибавляли неприятных ощущений. Выскочила и... угодила прямо в объятия Макса.

Моему внезапному появлению он удивился не меньше, от неожиданности попятился, сделав пару шагов назад вместе со мной, но рук не разжал, так что мы вместе достигли стены, куда я его впечатала своим телом, как боевая торпеда.

— Стоп, стоп... — услышала над головой его протестующий смех, он шутливо поднял руки, пока я полулежала на нем, — вот это напор! Ты сразила меня наповал, куколка... а такое со мной не часто случается.

Его веселья я не разделяла. Поспешно отодвинулась, отступила, под нос бормоча извинения. Все это заняло какие-то доли секунды, но я не могла не почувствовать: от Макса чудовищно разит алкоголем. Судя по всему, ночь он провел, опрокидывая в себя стакан за стаканом. Без остановки.

Опомнившись, нервно схватилась за ворот, плотнее стягивая края на груди, приводя халат в порядок. Он продолжал откровенно изучать меня, ничуть не стесняясь, с той особой пьяной кривой ухмылкой, которая заставляет все больше нервничать. А ведь я была не одета. Попыталась молча протиснуться мимо. Макс не захотел пускать, но, отдернув от него руку, точно обжегшись, мне почти удалось избежать нового контакта.

— Не спеши... эй, куда ты так спешишь? — в нем проснулся дремлющий азарт охотника, принялся догонять, — да постой же, не съем я тебя... чего убегаешь?

В попытке снова поймать мой локоть его кинуло в сторону. Макс довольно рассмеялся, вновь цепляя стену, а потом и тормозя в нее, как будто этим можно было гордиться, а я разозлилась на себя за то, что первым безотчетным порывом было — помочь.

Взявшись за ручку своей двери, и оттого почувствовав себя более уверенно, решила, что ситуацию пора брать в свои руки.

— Макс, ты лучше это... иди к себе. Ложись... выспись. Ты же на ногах едва держишься...

Он усмехнулся себе под нос, подошел, действительно, облакачиваясь о стену — плечом, а потом и головой. Смотрел сверху вниз сквозь полуопущенные ресницы. Какие, оказывается, у Макса красивые загнутые ресницы. В глазах лучисто искрился хмельной задор, из них не до конца выветрились веселье, кураж, с которым он прожигал эту ночь.

— Так я и шел к себе... а тут... ты... — вдруг потянулся, словно собирался коснуться

моих волос, но передумал, — давно хотел спросить... а это... твой натуральный цвет?

— Ну, да, — я настороженно следила за его рукой, вопрос показался мне странным и неуместным, как и его внимательный взгляд, — я ведь не крашу волосы.

— Правильно делаешь. Тебе и не надо, — с загадочным выражением лица выдал Макс, все-таки убирая прядку моих волос за ухо. — Если покрасишь — я тебя накажу.

— Неужели? — мне пришлось прочистить горло: собиралась съязвить, но нужные слова не шли на ум, а вот в горле почему-то снова пересохло. Он это понял. Темные брови изогнулись, и губы — в усмешке. Я кашлянула снова.

— Макс, знаешь... тебе действительно лучше сейчас отправиться спать, а я... мне надо одеться... Холодно... и у меня нет... желания здесь замерзнуть...

Он перехватил мою руку, когда я почти открыла дверь. Другой рукой толкнул дверь обратно.

— Кстати о желаниях, куколка... ты мне кое-что задолжала, помнишь?.. Нет?

Лениво, без труда подтянул к себе, так что вынужденно приблизилась. Судя по игривому настрою, Макс твердо решил напоследок развлечься. Но для финального аккорда нужны были двое.

— Я не прощаю тебе этого долга... так что... сейчас мы с тобой... будем... целоваться...

Я слушала, и не понимала, что слышу. Будто столбняк нашел. А он уже навис, упершись ладонью в дверную коробку рядом с моим ухом. Давил. Стоял нетвердо, чуть покачиваясь, не отводя блестящих глаз. И снова запах алкоголя, он ударил в нос, под ребра, сбивая дыхание, потом окутал, будто коконом обернул, проникая во все поры, глубже, ниже... но еще... еще я теперь отчетливо различала тонкий, приторно-сладковатый запах — запах чужих женских духов от него...

Кажется, он был им пропитан. Везде. На его одежде, на руках, шее, в небрежно распахнутом воротнике рубашки, даже у него под кожей — этот чужеродный запах. Он забивал его собственный, вытесняя, владея, соперничал с ним. Должно быть, совсем недавно Макс точно так же зажимал другую девушку: Лану, тянущуюся к нему за новой порцией ласки... И говорил похожие слова, и даже смотрел похоже: самоуверенно, дерзко... так призывно...

Он надвигался грозовым фронтом, все ближе: еще немного, не увернусь... Я испытала дурноту. Выходя из-под гипноза его глаз, отчаянно задергалась, ужом извиваясь, лишь бы избавиться от его неразборчивых пальцев. Все это ненастоящее — ничего не стоящая дешевая подделка прямиком с блошиного рынка!

— Уйди. Отойди. Фу! Не могу. Ненавижу, — со всей силы толкнула в грудь, — ненавижу!

Зажмурилась крепко, но разве можно, закрыв глаза, избавиться от своих ощущений, от его присутствия, от этого незнакомого чужого женского запаха... как полумертвую бабочку за крылья, накрепко пригвоздивших меня к стене? Между сжатых ресниц просились слезы, и я сомкнула веки крепче, надеясь не выпустить наружу, не показать ему, насколько уязвлена. И почему меня это так зацепило?

Кажется, поначалу Макс немного растерялся, отодвинулся, для устойчивости продолжая опираться ладонями в стену, не вполне понимая, как устранить неожиданное препятствие, словно не знал, как действовать, если отказывают. Другого решения искать не захотел... или не в состоянии был. Пару раз усмехнувшись, легонько щелкнул меня по носу — не больно, в

самый раз, чтобы мозги встали на место, взъерошил мои влажные волосы, как котенку загривок, дурачась:

— Ого, сколько эмоций, куколка. Нет? Ну, нет, так нет... Я разве настаиваю?

И все. Расслабленной гуляющей походкой отправился дальше по коридору. Как ни в чем не бывало. Забыв про меня. Слушала его удаляющиеся шаги, потом и смотрела. Наконец, за ним захлопнулась дверь, и все стихло.

Я осталась в пустом коридоре, один на один со своими мыслями, испытывая жгучее болезненное сожаление от того, что мгновение назад здесь не произошло.

Дни шли, мелькая цифрами на календаре и строчками в моих конспектах. Один, еще один исчерканный лист, перевернула — и снова... Так наступил и прошел холодный ветреный ноябрь. Я вынырнула из дождливой осени, даже не свалившись, как обычно, с банальной простудой.

А однажды под утро, наконец, на землю опустился первый снежок, за ночь выбелив унылый пейзаж до белоснежного скрипучего фаянца, добавив свежих красок уставшей природе. Не задержался, подтаял, безудержно расплзаясь грязными сероватыми дырами на возвышенностях. Но после температура, подчиняясь времени года, уверенно поползла вниз, и пуховик из шкафа все же пришлось извлечь.

Будни тянулись однообразно, постыло, своим чередом. Я неизменно досыпала в теплом такси по дороге на учебу, выкрадывая лакомые кусочки тишины в пробках: водители всегда меня жалели, приглушая каждый свою музыку. Долгие одинокие вечера тратила на зубрежку, закрывшись в своей комнате, а если выдавалась неожиданная передышка — гуляла, расслабляясь, в городе с друзьями — старыми, а потом и новыми.

В университете теперь многие хотели дружить со мной, многие... когда узнали, что я имею определенное отношение... к Максy. И в этом был какой-то скрытый подтекст, всегда казалось — это из-за него, только из-за его популярности меня и замечают... все это потому, что — хочется мне или нет — являюсь неотъемлемой частью его закулисного быта. Уверена, мои подозрения были не беспочвенны, Макс даже в этом умудрился мне подгадить.

А сам Макс... А что Макс? Каждый — я и он — жили своей собственной жизнью, но если я старалась не вмешиваться в его, то Макс случая, чтобы нагло вторгнуться в мою, не упускал никогда. Наши отношения развивались, но не так, как мне бы хотелось. Порой приходило в голову неприятное сравнение: если поначалу Макс не знал, что со мной делать, то со временем я превратилась в него в кого-то вроде комнатной собачки — эдакого забавного маленького зверька, зубастого, но в то же время неопасного — питомца, которого он привык держать поблизости, на расстоянии вытянутой руки, поддразнивая, провоцируя, заводя, но не давая откусить весь палец, вспоминая о моем присутствии, когда желал развлечься.

Это меня обижало, я откровенно дулась на него. Но Макса мои детские обиды не трогали, ужимки только еще больше смешили, подначивали, добавляя хвороста в костер. И костер горел... Да, может, шутки его зачастую были острыми и колючими, но границ разумного Макс никогда не переходил. И тогда я перестала вести себя с ним, как ребенок. Резко изменив поведение, бросилась в другую крайность. Сменила тактику, изолируя свою гордость от него. Взамен ставших такими привычными перепалок... включила полный, по всем фронтам, игнор.

И вот, когда прошло достаточно времени, чтобы он усвоил урок, где-то к середине декабря, кажется, добилась своего — Макс тоже перестал меня замечать. Не знаю, что там произошло на самом деле, но между нами вдруг наступило неожиданное затишье, безмятежность, совсем как после сильной метели, и выросла надежная стена, раскидав по разным сторонам. Мне на моей было комфортно.

Неделю, а может, дольше, Макс совершенно не доставал меня. Не замечал, когда проходила мимо, не дразнил за завтраком или ужином, не подтрунивал, стремясь испортить

настроение. В конце концов, больше не доводил до белого каления, используя излюбленный прием: не запирался надолго в ванной комнате именно тогда, когда я опаздывала в университет, заставляя битый час в нетерпении приплясывать под дверью, уговаривая его выйти. А когда выходил, оказывалось, что горячей воды в бойлере для меня совсем не осталось.

Тетя выдохнула с облегчением, заметно повеселела, не слыша наших склочных — на весь этаж — препирательств, и даже дядя перестал на него то и дело коситься да покрикивать, а я... я оступилась... посмела надеяться... решила: вот же оно, такое долгожданное перемирие между нами, священный нейтралитет, добрососедство, к которому привела моя блестящая политика самоизоляции.

Как оказалось, я поспешила принять желаемое за действительное... Слишком поспешила.

С замиранием сердца я глядела на себя в зеркало, не доверяя собственным глазам. А Маринка, и вправду, мастерица в искусстве нанесения макияжа. Длинные пушистые ресницы, хищным серым обведены глаза, подчеркнуты жирными стрелками, не чересчур, в самый раз: глаза стали больше, точно лазурь неба распахнулась. Тональный крем, тон в тон, смотрелся естественно, как и пухлый изгиб влажных от блеска бледно-розовых губ. Завитые светлые локоны спускались, изящно закругляясь у висков, делая образ ярче, юнее, и вместе с тем... порочней.

Я тряхнула головой, заставляя их в беспорядке рассыпаться по плечам. Мне нравилось мое отражение. Короткое платье с высоким поясом делало фигурку тонкой, как песочные часы, но высокие ботфорты прибавляли и роста, и солидности. И я с удивлением отметила, что, кажется, начинаю потихоньку превращаться в хорошенькую женщину. Крутилась и так, и эдак, вызывая восхищенные реплики девчонок, радуясь сама. Студенческая новогодняя вечеринка, куда мы намеревались сегодня пойти, определенно, станет для меня значимым событием...

— Ждите в машине, я сказал... Эй, Темыч, ключи лови... — вдруг раздался негромкий низкий голос, — а это что еще за переполох в курятнике? — и мы все, не сговариваясь, как по команде, повернули шеи.

Макс: удивленный, озадаченный, настороженный. Но его же не было дома, когда мы пришли, я это точно знала. Вот незадача. И когда только он успел вернуться? Еще и не один, с друзьями. Видимо, проходя по коридору, отстал от ребят, отдал приказание спускаться, а сам, привлеченный нашим щебетанием, приоткрыл двери и остановился в проеме, наблюдая за приготовлениями. Почему раньше этого не заметила? Собой была занята, потому ненадолго потеряла бдительность. Слишком поздно для сожалений. Я не успела налечь на дверь: краем глаза заметив хаотичное движение, Макс успел ловко просунуть носок ботинка в щель, потом толкнул дверь плечом, небрежно смахнув меня в сторону, вошел, и я мысленно выругалась — и чего раньше не замкнула двери на ключ? — вынужденно отступая ему за спину.

Его настрой мне не нравился. Ни смешинка в глазах, ни благодушная улыбка, ни расслабленная поза не убеждали в добром расположении — уж меня-то не проведешь. Не иначе, будет стегать наотмашь, как кусачая крапива, а без него ведь было так хорошо. Черт. Да и перед девчонками неудобно. Они все уже растаяли, глядя на него. Все до одной. И —

да, их можно было понять.

Пахнуло свежим ароматом туалетной воды, и я невольно задержала дыхание. Опять надушился. Он стоял совсем рядом, но на меня по-прежнему не глядел, будто я была недостойной внимания привычной частью интерьера, и это здорово било по самолюбию, как ни старалась уверить себя в обратном. Идеально растрепанные волосы, темно-серая рубашка под цвет глаз, руки в карманах черных брюк, напрягшийся узел бицепса совсем близко, прямо перед носом — только руку протяни, испытай на твердость.

Он разглядывал моих подружек с пристальным вниманием удачливого браконьера, будто территорию помечал, а я даже на каблуках смотрелась карлицей, с трудом выглядывая из-за его плеча. Подруги были не против кастинга, приосанились, улыбаясь, засмутились, одна за другой уводя в сторону глаза. Ну, точно девки на смотринах. Фу. Даже смотреть противно.

— Макс, а ты что скажешь? Нравится тебе моя работа? — желая подчеркнуть свои таланты, Маринка так некстати перенесла интерес на мою скромную персону, — правда, Веронику сегодня не узнать? Это я ее так накрасила. И это новое платье ей очень идет, да?

Жаль, что слово не воробей, потому что он сразу развернулся ко мне, сразу же... а едва разглядел за своим плечом, замер, и взгляд его почему-то из удивленного вдруг стал... растерянным. И он только водил им вверх-вниз по моей фигуре, точно художник кистью по холсту, и обратно, моргал... и ничего не говорил. Что он там себе рисовал? Я растерялась не меньше.

Нашей безмолвной дуэли никто не заметил, и подруга без задней мысли продолжала:

— На вечеринке ей парни прохода, ну, точно не дадут... только и успевай отбиваться...

И снова Макс не нашелся с ответом. И почему-то чем дольше молчал этот парень, тем тревожнее мне становилось. Неугомонная Марина, расхрабрившись, опять дровишек подбросила.

— Макс, а можно мы с вами поедем? Поедем все вместе? Ведь на одну вечеринку... Скажи, в твоей машине еще остались места?

Брови его взлетели, рот издал что-то вроде рваного выдоха или неуверенного смешка, и Макс, наконец, резко пришел в себя, а взгляд его из расфокусированного стал сфокусированным... на мне. Нехорошо прищурился.

— На вечеринку приделась? Ты. Собралась. Идти. На вечеринку? Собралась идти... вот так?

Глаза вдруг сверкнули какой-то беспричинной злостью, он медленно вытащил руки из карманов. Я насупилась, но сил достало гордо вскинуть голову.

— А что не так-то?

— А то, что ты похожа на маленькую шлюшку, — выдал он теперь откровенно грубо, — а в моем доме малолетних шлюшек никогда не водилось, поняла?

— Забери свои слова обратно или...

— Или что?

Он вдруг стал угрожающе надвигаться. Я инстинктивно выставила руки перед собой, отступая.

— Макс, не надо...

Он только криво ухмыльнулся, делая новый шаг ко мне. Подруги заинтересованно ели нас глазами, прислушиваясь к странному диалогу и танцу, но пока только мы двое понимали, дело — труба.

— Макс, ну, я прошу, — еще не осознавая, о чем прошу, чего мне от него ждать, прошептала, чтобы он один меня понял, — ну, пожалуйста... я что хочешь сделаю... что хочешь. Макс...

— Что хочешь, говоришь? — тоже перейдя на шепот, снова нагло прищурился и повторил, — сделаешь то, что я захочу, да?.. Так да или нет?

И я отбросила маску, решив сыграть ва-банк, надеясь, что он не слишком далеко зайдет в своих бредовых фантазиях. Мне очень не хотелось испортить вечер, наступления которого так ждала.

— Ты слышал. Сделаю, что скажешь.... только уйди сейчас. Просто уйди, пожалуйста...

— Я уйду. Но не раньше, чем исполнишь одно мое желание. Я тебя за язык не тянул, он у тебя сам развязался.

И тогда я поняла, что загнала себя в ловушку. Почему с ним всегда так? Но в какую ловушку? И как глубоко мне падать? Спросила обреченно, понимая, что под ногами разверзается пропасть:

— Так чего ты хочешь? Говори уже... и проваливай отсюда.

— Сейчас ты отправишься в ванную и как следует умоешься, — не моргнув глазом, приказал он, — этого хочу.

Слова стегнули гораздо сильнее крапивы, еще сильнее было от ошеломленного молчания подруг, которые слышали каждое слово. И все внутри вдруг возмутилось, восстало против его самодурства. До каких пор я буду терпеть его выходки?

— Нет, я не стану этого делать! Вот еще... убирайся к чертям из моей комнаты... или пожалуюсь тете! Да я всем пожалуюсь! И ты мне вообще... никто.

Угол рта и кадык дернулись одновременно, глаза почему-то полыхнули гневом, пока руки сжимались в кулаки, хотя я лишь вернула его собственные слова, но Макс сдержался:

— Пока не умоешься — за порог не выйдешь, — припечатал, — давай, шевели граблями. Я жду.

Невозмутимо сложил руки на груди, показывая, что уходить не намерен, но стоило мне бросить быстрый взгляд в сторону лестницы и подумать, что можно незаметно прошмыгнуть мимо него, намерения были тут же разгаданы, а пальцы крепко сомкнулись на моем предплечье, не дав сделать и полшага. Сжал до боли. Откуда в Максе столько злости на меня?

— Куда собралась?.. Да ты никак еще и глухая?

— А ну-ка, пусти! — красноречиво переведя взгляд с руки на его лицо, сказала я, начиная бледнеть от ярости, — пусти, тебе говорю...

Он внимательно наблюдал, как меня накрывает. Наконец, я увидела откровенную улыбку от уха до уха.

— Не хочешь по-хорошему? Не хочешь... Ну, значит, будет, как обычно... по-моему.

С легкостью, будто ничего не весила, он забросил меня на плечо. Я успела увидеть, как подруги изменялись в лицах, прежде чем ударила о его каменную спину и принялась отчаянно молотить по ней кулаками. Кажется, моего сопротивления он даже не заметил, а может, оно лишь подстегнуло его к следующим действиям.

Несколько шагов до ванной. Он бросил меня в душевую кабину, зафиксировал одной рукой у стенки, и сразу, не давая ни опомниться, ни двинуться с места, включил струю холодной воды. Сильный напор. Очень холодной воды. Я завизжала, но он лишь сделал душ теплее, снял насадку и направил мне прямо в лицо, не обращая внимания на то, что брызги

заливают и его рубашку тоже.

Я ругала его последними словами, я просила, я заклинала и проклинала, отплевываясь, вертя головой, но он был неумолим, и вскоре от вечернего макияжа не осталось ничего, с чем можно показаться на люди. Глаза щипало, кожу стягивало, а когда я с трудом смогла разлепить склеившиеся ресницы, наткнулась на его горящий азартом взгляд. Руку даю на отсечение, в тот момент Макс был в восторге от того, что со мной сделал.

— Так-то лучше, — удовлетворенно кивнул, выключая воду. Потянулся, возвращая насадку на крепление.

Я глядела на него исподлобья, чувствуя, как с волос продолжает литься за шиворот.

— Ненавижу тебя! Ненавижу...

— Вижу. Подрастешь — еще спасибо скажешь, — снова нагнулся ко мне, прошипев, — но, кажется, ты до сих пор не до конца уяснила правила этого дома? Если я запрещаю тебе выходить, значит, за порог ты выйдешь только с моего разрешения. И никак иначе. Так вот: сегодня я тебе запрещаю! А здесь один я решаю, кому что можно, а кому — нельзя... это ясно? Все. Нарыдаешься — сладких тебе снов в обнимку с медвежонком, куколка... Бывай.

— Я тебя ненавижу, Макс. Как же я тебя ненавижу, — только и повторяла я. Слезы мешались со струями воды, но я уверена, он все равно, уходя, их заметил, потому что по его лицу разлилось что-то вроде умиротворения, — никогда тебе этого не прощу. Никогда...

— Никогда не говори никогда. Мала еще для таких громких слов, — бросил на прощанье, лишь на миг обернувшись. Прежде чем двери за ним захлопнулись, услышала сказанное совсем другим тоном, — веселым, интригующим, заигрывающим:

— Ну, что, девчонки, погнали? Минус один, но все еще полный боевой комплект. Только рубашку сменю и сразу отчалим. Дождетесь меня? Дождетесь?... — кто-то из девчонок радостно взвизгнул, должно быть, Макс игриво ущипнул, — давайте, спускайтесь вниз, ребята уже застоялись в стойле. Идите, ну же? Закончу и сразу приду. Одна нога здесь — другая там.

Ненавистный голос отдалялся, наконец, я поняла, что осталась одна. Девчонки, конечно, скоро будут писать, извиняться... а после примутся выкладывать совместные фотки... ради меня лишаться компании Макса и его друзей они не станут. Точно не станут. Какой же он редкостный гад. Какой же он...

Открылась и закрылась дверь. Значит, Макс тоже спустился. Тяжело, как утка, я перевалилась через бортик, хлюпая водой в размокших сапогах и соплями, подошла к зеркалу, уперлась обеими руками в раковину. Это была катастрофа вселенских масштабов. Черные разводы на щеках, размазанная тушь под глазами, масляными жирными пятнами сверкал поплывший тональный крем. От прически совсем ничего не осталось. Унижение и ярость. Как ему отомстить? Все, о чем бы ни подумала, мне было мало. На этот раз Макс перешел все мыслимые границы. В груди у меня мучительно пекло от жажды мщения.

Сквозь приоткрытое окошко слышала сдвоенный гудок его внедорожника, визг шин по гравию. Это для меня. Даже не отреагировала, только машинально вскинула руку в неприличном жесте. Это для него. Потянулась за ватными дисками, смочила, поднесла к щекам, слушая постепенно стихавшую музыку — ребята отъезжали от дома. А когда полностью избавилась от испорченного макияжа, решительно выпрямилась и принялась торопливо сбрасывать мокрую одежду прямо на пол. Заметалась в поисках фена.

Я знаю, как отомщу Максиму. И где проходит вечеринка, я тоже знаю. Полчаса... час... я тоже буду там. И юбка у меня будет еще короче. Баш на баш. Посмотрим, что он скажет,

когда... когда я неожиданно и ему испорчу веселье.

Я опоздала совсем немного — народ все еще подтягивался. «Апогей». Старая заброшенная фабрика, искусно переделанная под современный ночной клуб. Кто-то не пожалел средств и времени, вложившись, и не прогадал: затраты быстро окупались. Внутри было атмосферно, масштабно, но просто, без претензий на столичный пафос. Да ему здесь и не место.

Торопливо скинув верхнюю одежду в гардеробе, стала пробираться сквозь толпы танцующей или шныряющей, как я сама, в поисках знакомых лиц или халявной выпивки молодежи. Вот сейчас найду Макса и... что будет дальше? Так далеко в своих дерзких мечтах я пока еще не заходила. Одно знала наверняка: у меня найдется, чем его разозлить, чем вывести из себя, конечно, кроме моего внезапного появления здесь. Один мой внешний вид теперь чего стоит.

Как нарочно, кто-то сбоку восторженно присвистнул, присовокупив к этому весьма сомнительный комплимент, и я невольно ускорила шаг, не отвечая, уже немного коря себя за то, что так легко пошла на поводу у слепой ярости. Это все Макс виноват! Мое платье ведь и вправду было очень коротким, а вдобавок вызывающе обтягивающим и таким же блестящим, как броская новогодняя мишура. Не помню, когда и зачем его приобретала, да я вообще не собиралась его больше надевать: слишком узко стало в подмышках. И как, собственно, это чудо затесалось в мой шкаф? Я ведь тщательно перебирала вещи перед отъездом. Еще и в нужный момент попало точно под руку...

Стол, за которым расположились мои девчонки, вычислила довольно быстро. Просто сделала пару звонков. Конечно, они выглядели расстроенными, ведь Макса рядом с ними уже не наблюдалось. Ну, разумеется, он слился. Я с торжеством и снисходительной улыбкой выслушала их пропитанный негодованием рассказ о том, как бессовестно он их кинул, замаскировав свой уход под случайную встречу со старыми приятелями.

— Теперь понимаете, с чем мне приходится иметь дело каждый день? — намеренно подначила, вызвав к жизни новую волну возмущения, приправленную праведным гневом.

А сама, задумавшись, озадаченно повертела головой. И где теперь мне искать самого Макса? Отправиться к бару? Потолкаться в очередях у туалетов? Да уж, если я и столкнусь с ним здесь, то лишь невзначай. В клубе сегодня отдыхает масса народа, целый копошащийся муравейник студентов в огромном помещении, пронизываемом громкой, долбящей нутро музыкой, окутывающим полумраком, то и дело резко разрываемым дергаными пучками света, в котором не просто даже сосредоточиться, не то чтобы чье-то лицо разглядеть. Увы, эту неприятную составляющую я совершенно упустила из виду.

Однако спустя всего пару-тройку ритмичных композиций, во время которых девчонки, махнув, наконец, на Макса и его дружков рукой, ушли танцевать, вдруг выяснилось, что я терзала себя напрасно. Оказывается, Макс сам меня нашел, и даже не скрывал своей находки.

В очередной раз обводя глазами зал, рассеянно шаря в толпе поверх голов, я вдруг споткнулась о его взгляд, как о кочку на ровной дороге, и это ни с чем нельзя было перепутать: таким неподвижным, абсолютно непробиваемым взглядом он меня жег. Всматривается пристально... пристально до жути, сканирует с высоким разрешением. Как давно он меня заметил?

Внутри все тягостно оборвалось, ладошки сразу вспотели, а пустота в желудке быстро заполнилась липким страхом перед фактом неминуемой катастрофы. Спинной мозг отчаянно сигнализировал об опасности. Все случилось, не успев даже начаться. Вот сейчас Макс встанет, подойдет... чтобы уничтожить меня. Что он сделает? Накинется при всех? Опозорит?.. Или подождет с обвинениями, пока не вытащит на улицу?

Странно. Прошла минута, потом другая, но Макс даже не шевельнулся. Так и продолжал сидеть в пассивной позе у бара — на высоком стуле, непринужденно облокотившись локтем о столешницу, притоптывая ногой в ритме музыки, глядя в упор прямо на меня. Вокруг были его друзья, много людей, среди которых я почему-то не заметила Ланы, но он не обращал внимания на оживленный разговор, на их веселую возню, даже не участвовал в ней. Что он замышляет? Мне показалось, в уголке его губ затаилась адресованная мне усмешка. Нехорошая такая, очень гаденькая усмешка.

Приподняв стакан, что грел в руке, вдруг незаметно отсалютовал мне, даже подмигнул. Или мне померещилось? Я поперхнулась. С ума сошел, что ли, а может, уже успел накидаться? Вряд ли, не похож он на пьяного. Добро дает, восхищен моей решительностью, или все это часть какого-то дьявольского плана — его плана, о задачах которого мне ничего не известно? Голову ломать не стала, все равно орешек не по зубам. Фыркнув, просто отвернулась. Ой, да пусть смотрит, мне не жалко... лишь бы под ногами не вертелся.

А вскоре я вообще забыла и про Макса, и даже про тот недавний неприятный инцидент у нас дома. Все плохое, связанное с ним, выветрилось из головы, как мусор, и стало так легко, воздушно... Как давно ждала я этого вечера, отвязной студенческой вечеринки! После второго коктейля, решившись, тоже отправилась к девчонкам, танцевать. Моему телу уже просто не терпелось пуститься в пляс.

Но даже на танцполе, где провела достаточно времени, Макс почему-то ко мне так и не подошел, хотя я видела: пару раз мелькала неподалеку за спинами знакомая рубашка. Мелькала... а потом пропала. И это был последний раз, когда я вообще видела его в клубе. Может, они с друзьями решили сменить локацию и отчалили по-тихому? Так мне же лучше!

А спустя пару часов с раздражением поняла: надеть это платье сюда было огромной, непростительной ошибкой. В нем мне было неудобно, тесно, а еще — очень жарко. Чертово платье совершенно не дышало, не давая дышать и мне. От резких движений в танце приходилось все время целомудренно одергивать подол, потому что платье еще и грозило задраться неприлично высоко, как у гулящих женщин, и все это в совокупности не давало мне толком расслабиться.

К тому же от настойчивого внимания кружащих рядом парней я очень скоро начала уставать, еще быстрее — устала уворачиваться от их бесцеремонных рук. А они как сговорились! Когда мне это окончательно надоело, расписавшись в собственном бессилии, я возвратилась за наш пустующий столик, рассчитывая взять небольшую паузу в танцах.

Увы. И здесь меня не оставили в покое, навязывая общение, которого я не желала. Категорично, в глаза, отказывать людям я еще не научилась, поэтому молча смотрела на парня, что без приглашения приземлился рядом, бросая руку на спинку дивана, а другую — на краешек стола, тем самым загоняя меня в ловушку. Пришлось отодвинуться назад, на самый угол, но и там я сидела, как на гвоздях.

Уверенный в себе старшекурсник, пьяный в меру, но с крайне раздутым эго. Что может быть хуже? Не нравился мне его грубый натиск, и выражение, с которым он меня читал, мне тоже не нравилось. Да и находиться рядом с ним было как-то... тревожно. В самом деле, не

пора ли вызвать такси? Кажется, я уже все всем здесь доказала, и не раз. Да и Макс, основной персонаж моей любительской постановки, скорее всего, уже давным-давно отсюда убрался.

— Может, познакомимся? — с полуулыбкой предложил сидящий напротив брюнет. — Меня зовут Тимур, для тебя — просто Тим. А тебя как звать?

— А у меня нет желания сейчас заводить новые знакомства... — неуверенно начала я, но он, как бы извиняясь, покачал головой, указывая пальцем на ухо, мол, ничего же не слышно, музыка на разрыв. Я без задней мысли приблизилась, чтобы повторить слова. Он дождался, когда замолчу, а сразу после этого я ощутила широкую твердую ладонь на своей спине. Дернулась, но он нажал сильнее, за малым не прижав к груди, потом принялся успокаивающе поглаживать.

Острый, резкий запах его одеколona накрыл меня. Все это было неприятно, еще неприятнее стало от осознания того, что я больше не контролирую ситуацию. Удалось ловко вывернуться, сверкая глазами, я оттолкнула мужскую руку, ударив по ней, отодвинулась еще дальше. Он комично потряс пальцами и снова противно ухмыльнулся. Подался вперед, стараясь перекрыть музыку:

— Строптивая... обожаю строптивых малышей... в откровенном шмотье. Считаю, ты меня заинтересовала. Хочу узнать тебя поближе. Давай продолжим общение в другом месте?

Глядя на него из-под нахмуренных бровей, мысленно ругала себя за тупость. Ну, кто заставил меня надеть это злосчастное крошечное платье? Кто заставил прийти сюда в нем? Теперь понятно, чему втайне злорадствовал Макс, что было у него на уме, когда так смотрел. Предвидел подобную ситуацию в начале вечера, когда сама я еще пребывала в эйфории от своего смелого решения. И ведь даже пальцем не шевельнул, чтобы предостеречь. Но... поделом мне...

Я решительно встала, недвусмысленно давая понять, чтобы передо мной расчистили путь. Даже бесстрашно сделала шаг вперед, чтобы показать: тоже не лыком шита.

— Мне надо выйти. Немедленно.

Останусь наедине с собой, запрусь в кабинке и подумаю, что делать дальше... скорее всего, вызову оттуда такси...

Я не сразу поняла, что парень не сдвинулся с места, теперь лукаво глядя на меня снизу вверх, даже в таком, казалось бы, невыгодном положении оставшись на коне. А потом у меня глаза полезли на лоб, потому что я почувствовала... его рука зашевелившейся змеей вдруг скользнула вверх по моей ноге, задела коленку, огладила бедро под платьем, обернулась вокруг, туго сжимая мягкую плоть.

— А ты, оказывается, нетерпеливая... Вот так совпадение, я тоже.

Возмущение на миг лишило меня дара слова, а вот непроизвольная реакция не подвела. От звонкого удара голова парня резко мотнулась в сторону. Пальцы из-под подола быстро упорхнули, позволяя отпрянуть, пока он медленно поворачивал голову, впиваясь в мое лицо. Я сразу поняла: то, что ему залепили пощечину, случай штучный, а значит, реакция, которая последует, может оказаться совершенно непредсказуемой.

— Играть со мной вздумала, коза? — неожиданно выбросив руку вперед, сгреб своей ручищей мою сумочку со стола, повелительно кивнув в сторону, грубо бросил, — идем!

Я растерянно смотрела, как он удаляется. Опомнившись, немедленно бросилась следом, даже не взглянув в сторону танцпола, где продолжали активно дергаться под забористое техно ничего не подозревающие подружки. Не было времени что-либо им объяснять.

Тимур шел быстрым шагом, не оборачиваясь на меня, не проверяя, иду ли я вообще за ним. В сумке были все мои банковские карты, наличные... даже паспорт, что опрометчиво взяла с собой. Конечно, я следовала за ним, как привязанная, боясь хоть на мгновение потерять из виду эти широкие раздраженные плечи.

Миновав открытое пространство, он вдруг нырнул куда-то влево, в темный проем, провел меня пустым коридором, наконец, толкнул какую-то дверь. В лицо сногсшибательно дохнуло свежим морозцем, концентрированно — мочой, чем-то еще, гораздо более отвратительным, и я поняла, что мы оказались на заднем дворе. За мусорными баками душераздирающе вопили уличные коты, раздражая мои и без того натянутые нервы.

Здесь, на небольшой квадратной площадке стояли несколько машин. Скорее всего, они принадлежали персоналу, а может, завсегдатаям клуба, которые брезговали пользоваться общей парковкой. Тимур подошел к ближайшей из них, черному седану. Снял блок сигнализации. Не давая опомниться, сказать хоть слово поперек, швырнул мою сумку на заднее сидение, захлопнул дверцу. Тут же деловито открыл переднюю пассажирскую.

— Забирайся, — не предоставляя выбора, — поехали.

Бодро выстукивая пальцами по крыше, поглядывал на меня, в ожидании, когда сяду. В пустой салон я не торопилась, не имея ни малейшего желания оказаться внутри, с тревогой и даже отчаянием огляделась по сторонам: прямо над нами, мерцая, одиноко догорал фонарь, но вокруг не было ни души. Никого, кто был способен мне помочь выбраться из щекотливой ситуации, в которую сама себя загнала. И что теперь делать? Я чувствовала себя потерявшим весло рулевым. Попыталась выиграть время.

— Куда? — сказала первое, то пришло на ум, — в лес меня отвезешь, что ли?

В лес совершенно не хотелось. С ним не хотелось вообще никуда. Запоздало вспомнила, что верхняя одежда осталась в гардеробе, а номерок — в сумке. Парень мрачновато, натянуто мне улыбнулся.

— Зачем же в лес? На тебя, крошка, у меня сегодня совсем другие планы. Запрыгивай! — повторил настойчивее и раздраженней. Определенно, он был одним из тех, кто умеет настоять на своем, и прекрасно знает, как это сделать. — Ну, долго мне еще ждать?!

— Она не поедет.

Тимур тут же вскинул голову, отыскивая источник звука, и взгляд его скоро зацепился за что-то за моей спиной. Он близоруко сощурился.

— Это кто сказал?

Я обернулась.

— Это я сказал, — спокойно ответил Макс, неторопливо спускаясь по ступенькам, щелкая костяшками пальцев, разминая руки.

Мгновение Тимур оценивал соперника, скользя взглядом по его крепкой фигуре, играющим мышцам. Ослабилась.

— А ты еще кто? Ее ревнивый парень? — Макс только усмехнулся, — нет? Чего тогда впрягаешься? Братан, девчонка по своей воле со мной пошла, так что... все по-честному, а ты в пролете. Считаю, сегодня мне повезло больше.

— И вовсе не по своей... — возмутилась я.

Нарвалась на ледяной, искоса, полный презрения взгляд Макса.

— Заткнись.

Прошел мимо, приблизившись к Тимуров почти вплотную. Надо отдать должное, тот не

спасовал. Так они стояли какое-то время, пристально изучая друг друга, не двигаясь с места, не говоря ни слова. Примерно одного роста и возраста, оба были крепко сбитые, с развитой мускулатурой, однако фигура Тимура смотрелась массивнее, тяжелее. Мне стало очень тревожно — за себя, но почему-то еще больше — за Макса, хотя уже знала: Ярцев умеет драться.

— Верни ей вещи, — наконец, лениво процедил мой защитник, — так и быть, тогда я разрешу тебе уехать.

— Разрешешь? — с притворным дружелюбием повторил Тимур, — а если я не соглашусь? Тогда что сделаешь? Дай угадаю... устроишь истерику?..

— Не угадал.

Эти слова послужили спусковым крючком. Я вскрикнула. Первый удар Тимур пропустил, слишком неожиданно, с близкого расстояния Макс пробил. Он так и не успел принять защитную стойку, не успел даже вскинуть руки, чтобы вовремя заблокировать атаку. Кулак пришелся точно в переносицу, и парень охнул, завертелся волчком, взвыл от боли, посылая противнику сдавленные проклятия. На шелковую рубашку брызнула кровь.

— В сторону отойди! Живее! — только и успел бросить мне Макс, а Тимур, оправившись от первого шока, уже кинулся на него, рыча от ярости, врезаясь головой в живот.

Я не отреагировала, потому что нырнула в машину, спеша забрать свою сумку, подцепила пальцами тонкий ремешок, но выпрямиться до конца не успела, как не успела закрыть дверь: меня сшибло с ног их сцепившимися телами. Дверца снова распахнулась, она и приняла весь удар на себя, но я, оказавшись по другую сторону и по инерции отлетев вперед, больно приложилась головой о боковое зеркало, сворачивая его на сторону. И сразу отодвинулась подальше, сжимая сумочку в руках, совершенно дикими испуганными глазами глядя на то, что происходит рядом. Что там фильмы... в настоящих драках никаким благородством даже не пахнет, здесь только кровь, и ужас, и хаос... Не в силах оторвать от них глаз, пятилась и пятилась, желая одного: бежать со всех ног, бежать подальше отсюда, но разве я могла оставить Макса?

Под самым фонарем, когда прислонилась к бетонному столбу спиной, силы оставили меня, и я беспомощно сползла по нему, скользя, оседая прямо в снег, до сих пор не чувствуя холода. Лоб, которым ударилась, саднило, завтра точно вырастет шишка, я коснулась пальцами: уже сейчас ушибленное место припухло, наливаясь пульсирующей болью... Этого только не хватало. Мне стало жаль себя, а еще — обидно и страшно...

Под звуки мощных ударов и отрывистых мужских возгласов сквозь сцепленные зубы я прикрыла лицо руками, сжимаясь в комочек, мечтая испариться, да хоть травой прорасти сквозь землю. Кулаками ребята уже махали без разбору, не жалея друг друга, и было непонятно, кто на кого насаждает, кто кого теснит, кто у кого выигрывает... Нервы сдали. Несколько всхлипов невольно сорвались с губ, прежде чем я успела их сдержать. Как все это закончить?

И вдруг что-то изменилось: парни устали или произошла другая непредвиденная заминка, но драка на мгновение прервалась, и я осмелилась взглянуть на них сквозь пальцы. Макс медленно выпрямлялся, тяжело дыша, упершись руками в колени, внимательно наблюдая за противником в ожидании нового нападения. Но Тимур, бревном откатившись в сторону у него из-под ног, в атаку уже не спешил. Посидел, потряс головой, вытирая рукавом разбитые губы. Потрогав языком внутреннюю сторону щеки, усмехнулся, сплюнул

окровавленный сгусток на землю.

— Это дело так не закончится, — поднялся, покачиваясь, даже не взглянув на меня, сразу направился к водительскому сидению, — с тобой, — наставил на Макса указательный палец, обходя машину кругом, — мы еще встретимся, приятель.

— А чего тянуть? — в запале бросил Макс, — мы еще даже не расстались. Вот он я. Эй Вернись, над твоей рожей еще можно поработать...

Явно нарываясь, сделал несколько шагов вперед, вдогонку, но тот уже успел сесть в машину. Макс с ноги захлопнул приоткрытую заднюю дверь, оставляя, как личный автограф, приличную вмятину, но все же нехотя остановился. Мы оба слушали, как с пол оборота завелся мощный двигатель. Фары сочными лучами прорезали темноту, и седан резко, с пронзительным визгом, стартанул. Макс развернулся, провожая его глазами, долго глядел вслед. О чем он думал?

Мы остались на заднем дворе одни. Звук двигателя еще только затихал вдали, а вокруг вдруг сделалось очень тихо, как бывает только зимой. Я прикусила губу, потому что между нами повисла почти могильная тишина. Ждала, когда Макс повернется. И вот, наконец, он это сделал.

Чем ближе он подходил, тем громче слышалось его дыхание: глубокое, раздраженное. А еще было в его лице что-то такое... звериное, необузданное, то, что невозможно не подчинить, ни одомашнить... Я вдруг испугалась, что он способен причинить вред мне, на глазах мгновенно, без усилий выступили крупные слезы, потекли. А может, это была запоздалая реакция организма на стресс.

— Дура... чего реवेशь? Я победил.

Он стоял надо мной, посылая в пространство волны злости. Стесанная о кулак или о дверцу машины скула, глаза все еще горят пьяной яростью схватки. Я видела, как не терпится ему излить свой неутоленный гнев на меня. К сожалению, я не могла ему в том помешать.

— Знаешь, а ведь так всегда бывает с непослушными девочками. Всегда. Но ты, конечно, этого не знала...

Я продолжала тянуть носом. Простое действие, остановить слезы я была не в состоянии, а он будто не понимал.

— Не смей реветь, иначе оставлю тебя здесь! Не смей, я сказал... или...

Я подняла голову.

— Ну, что? Что ты сделаешь? Что? Опять унизишь? Может, ударишь? Расскажешь родителям? Что?? Что будет на этот раз?..

— Что бы я ни сделал, тебе не понравится, верно? Так какая тебе разница, что именно будет? Теперь вставай.

Но я продолжала сидеть, с трудом контролируя громкие частые всхлипы. Тогда он сам присел на корточки передо мной, я не успела отстраниться, — взял за подбородок, вздернул, заставляя задрать голову.

— Дай посмотрю. Не бойся, я только взгляну... Хватит дергаться... бесишь, — осторожно обхватил мое лицо, разглядывая ссадину, — выглядит скверно. Причем довольно скверно. Болит сильно? Нет? Что-то я сомневаюсь... Точно нет? Хорошо. Потому что сейчас я сам тебя прибью, — он, наконец, отпустил меня, но продолжал сидеть, сжимая кулаки, пристально и будто огорченно глядя, — и где только ты набралась такой борзоты, куколка? Хотел бы я знать, кто на тебя так плохо влияет...

— Ты! — буркнула, отстраняясь, слишком угнетало его присутствие, — у тебя вот и набралась!

Он не двигался и молчал, сводя меня с ума этим своим необъяснимым молчанием, потом вдруг уронил лицо в ладони и шумно выдохнул. Разбитые руки его скользнули вверх, прошлись по волосам, пару раз, туда-обратно, вконец испортив прическу. А потом Макс выпрямился, мгновенно вырастая до великана, снова напугав меня. Оттуда, сверху, жалея, протянул ладонь.

— Поднимайся, пока не примерзла окончательно. Пожалуй, на сегодня с тебя хватит. Самое время отсюда свалить.

Я запнулась, впервые услышав какие-никакие человеческие интонации в голосе, но все же сердито пробурчала:

— Вот сам... и вали. Я без тебя доберусь, сейчас найду девчонок и...

Он нетерпеливо пошевелил пальцами.

— Руку дай. Какие еще девчонки? Не гони... Ника, слышишь меня? Ну, куда я без тебя уеду? Давай руку, вставай...

Я изумленно на него таращилась, а он ничего не замечал... даже когда помог подняться, когда, забрав одежду в гардеробе, добрались до его машины, когда завел двигатель, и я отогрелась, когда мы вдвоем с ним летели сквозь слепящие огни ночной автострады. От сумасшедшей скорости, что задал Макс, захватывало дух и обрывалось что-то внизу живота, а может, дело было вовсе не в скорости. Кажется, готова пойти за ним хоть на край света... совершить вдвое, нет, втрое безумнее поступок, чем тот, что недавно привел к драке... лишь бы снова услышать, как он произносит мое имя...

Я чего-то ждала от него, но за всю дорогу Макс ни разу не взглянул на меня, не сказал ни слова. Притормозил у самой подъездной дорожки, но к гаражу почему-то не свернул.

— Чего сидишь? Дуй домой. И быстро.

Я уже взялась за ручку.

— А ты?

Он почесал бровь, явно думая о чем-то своем, но покладисто пояснил.

— Подожду, когда зайдешь и уеду.

— Куда? — слова вырвались прежде, чем я прикусила язык.

Он повернулся, чтобы посмотреть мне в глаза. В салоне царил полутьма, глухая зона между фонарями, выражения лица разглядеть не удалось, но этот голос был мне хорошо знаком.

— По тонкому льду ходишь, куколка. Лимит почти исчерпан. Это была разовая акция, эксклюзив, понимаешь? И она только что закончилась. А теперь свалила нахрен из моей машины... или мне тебя за шкуру отсюда выкидывать?!

Старый добрый Макс вернулся, и мне сразу захотелось его ударить, но вместо этого я оглушительно хлопнула дверью его драгоценного автомобиля. Уходя, еще успела услышать, как возмущенно, громко он выругался. А потом внедорожник сорвался с места, оставив меня одну посреди тротуара.

Макс вернулся домой лишь глубокой ночью, когда все давно уже спали. Наверное, не хотел светить свежими ссадинами перед родителями, а может, у него были другие неотложные дела. Самой заснуть мне так и не удалось, я даже глаз ни на секунду не сомкнула, раз за разом прогоняя по кругу все известные события. Потом — во всех унижительных подробностях — заново. Так что к моменту, когда услышала возле дома знакомый гул машины, уже вся извелась. Значит, Макс вернулся трезвым, раз позволил себе сесть за руль. Это хорошо.

Конечно, чувствовала за собой вину. Не могла не чувствовать. Макс чисто по-человечески помог мне, а я... я его даже толком не поблагодарила, наоборот, мелко напакостила напоследок. Выходит, я думала о нем хуже, чем он того заслуживал, а о себе — лучше. Но себя-то я знаю. И завтра будет только поганее. Вина перед ним будет грызть меня с упрямым хрустом, как заяц кочан капусты.

Макс почти не шумел, но я догадалась, что он направился напрямиком в душ. Ко времени, когда он оттуда вышел, я уже успела казнить себя всеми известными мне способами, безостановочно ворочаясь в кровати, как в гробу. Очередной поворот — и на ум вдруг пришло гениальное решение — зачем мучиться до утра? Сколько сейчас? Я торопливо привстала, засветив экран смартфона на тумбочке. Полтретьего... ну, не так уж и поздно, в принципе...

Помаявшись еще немного, изведя себя окончательно, но понимая, что моя вина сама по себе не рассосется, спрыгнула с кровати, зажгла ночник. Придирчиво оглядев себя в зеркало и не найдя огрехов, решительно запахнула халат, затянула потуже атласный поясок. Ну, что может случиться? Макс не спит, я тоже. Только загляну краешком глаза в его берлогу, быстро извинюсь, и сразу вернусь назад, к себе в комнату, с очищенной до райского блеска совестью. Сладко спать. И, наконец, вычеркну из памяти тот позорный случай. Риск, все же, дело благородное... да и удача любит храбрецов...

Я не ошиблась, Макс еще не ложился. Я сразу напоролась взглядом на него, лениво кружащего по комнате, разговаривающего по телефону. Он удивленно обернулся на звук открывшейся двери, но все мысли с извинениями из головы у меня вышибло не поэтому.

— Да, дома... да, нормально добрался... что такое? Уже успела соскучиться? Нет, завтра не приеду. Нет... и нет. Опять мимо. Увидимся, говорю, в конце недели. Ну, что еще? Что еще, спрашиваю... я же полчаса назад уехал... тебе не спится? Ах, я должен переключиться на видеозвонок, чтобы ты убедилась, что я действительно дома... один? А что еще ты хочешь, сладкая? Моего гребаного слова, значит, тебе уже недостаточно?

Макс был абсолютно обнажен. Должно быть, не успел одеться после душа... и даже обтереться, как следует, не успел: махровое полотенце и сейчас белоснежной тряпицей свисало с его пальцев. Капли дрожали на кончиках влажных волос, мокрые следы на скуле, между лопаток, отпечатки босых ног на полу. В отличие от меня, он совсем не выглядел смущенным. А чего ему смущаться? Тело просто изумительно сложено, все развитые мышцы находятся строго в тех местах, где им полагается быть. Я, конечно, и прежде догадывалась, что регулярные занятия спортом идут ему на пользу, но реальность превзошла все мои ожидания. Он выглядел, как безусловный победитель конкурса атлетов, досрочно вышедший в финал.

Прижав телефон щекой к плечу, не разрывая зрительного контакта со мной, Макс неспешно и как будто нехотя обернул полотенце вокруг бедер, но я успела увидеть не только пару синяков на ребрах, заработанных в драке, и идеальные косые мышцы живота... черт возьми, я уже успела увидеть все, что мне не положено было видеть ни при каких обстоятельствах, и оторопела... как ни запирайся, а ведь там было на что посмотреть.

В мозгу взорвались сразу несколько шутих, своим девичьим умом я понимала: следует немедленно, тотчас уйти, но отчего-то продолжала торчать в проеме... так и стояла, пялясь на него во все глаза, как законченная идиотка. Его бархатный тягучий голос гипнотизировал, затягивал в омут, в содержание слов я не вслушивалась, хотя голос постепенно приобретал раздраженный оттенок.

— И на хрена тебе это случилось?.. Ну, допустим. Что было, то было... ты когда-нибудь забудешь об этом? А мне это на хрена?.. Расслабься. Не ори. Лана, ты загоняешься из-за пустяка... Да, я считаю, что это какой-то пустяк... Слушай, это обязательно? Тебе это обязательно... постоянно выносить мне мозг?.. Или надо было тебя натянуть еще разок напоследок, чтобы крепче спалось?.. И тебе того же. Все. Отбой, красавица... Я сказал отбой. Твой новый личный рекорд — задолбать парня за шесть минут выполнен, мои поздравления. Закажи бутылку самого дорогого шампанского, я оплачу, отметь дату в календаре, купи медаль, носи с гордостью. А я — в койку.

Макс, наконец, отнял телефон от уха, опустил руку, словно размышляя над чем-то, а потом, нахмурившись и за малым не зарядив по носу, резко, со всей придури, с грохотом захлопнул передо мной двери. Будто от назойливого комара избавился. Последним, что я успела хорошо разглядеть, был его прищуренный потемневший взгляд — так бывает, когда зрачки затапливают радужку — и этот взгляд не обещал мне ничего хорошего. Вот тебе и извинилась.

Всю оставшуюся часть ночи я была сама не своя, металась по комнате, не присела ни на минуту, не зная чего ждать. Но ничего не происходило, и от этого становилось только паршивее. Не то, чтобы я подслушивала под дверь, но, судя по всему, Макс из комнаты больше не выходил. Меня же бросало то в жар, то в холод, так что даже пришлось приоткрыть окошко.

А в самый темный час, внимая моему состоянию, город накрыла чудовищная буря. Это была поистине кошмарная ночь для меня. Длинная. Бессонная. Жаркая. Исполненная сожалений, вспышек сухих белых молний сквозь трепещущий тюль занавески и искусанных в мясо губ. Ночь, в которую я сражалась с собой, не жалея сил, не щадя головы, терзая себя бессмысленно, беспощадно.

Но и на следующий день Макс ничего не сказал. Я спускалась в столовую как на каторгу, зачесав волосы на лоб, чтобы как-то прикрыть ссадину. А точнее, всходила на плаху. Но не могла не пойти: руки ведь связаны, в спину толкают, да и палач... ждет. Макс с расправой не торопился: спустился чуть погодя, своим внезапным появлением доведя меня до предынфарктного состояния, поздоровавшись со всеми, как ни в чем не бывало, уселся напротив с чашкой дымящегося кофе в руках — свежий, выспавшийся, бодрый.

Тетя, конечно, тут же принялась расспрашивать его о причинах поврежденной скулы, но Макс привычно отболтался от матери и даже не покраснел, незаметно уводя разговор в сторону от опасной темы. Дядя на его объяснения только хмыкнул, одним глазом мазнув по разбитым костяшкам его пальцев, другим — проглядывая свежие новости. Уж его так просто не проведешь.

Я слушала, как льется его голос. Я слышала голос Макса много раз до этого утра, но щеки почему-то вдруг затопил пожар, разметав по углам все остатки самообладания, даже кончики ушей загорелись. Чувствовала себя жалкой перед ним. Жалкой я и была: ерзая на стуле, как на иголках, ни жива ни мертва, даже глаз не смогла на него поднять — мужества не достало. Только трясущимися руками отложила выплясывающую вилку, что вдруг сделалась скользкой: кусок в его присутствии мне в глотку не лез.

Но совместный завтрак проходил по всем канонам гостеприимства богатого дома, и все было как обычно, пока тетя не сказала, с тревогой глядя в окно, где небо снова обложило, и начал сыпать рыхлый, словно разваренные хлопья, снег:

— Да уж, погода нынче — дрянь. Такси по этим пробкам вызвать будет проблематично... Сынок, а может, в порядке исключения подвезешь Нику на учебу?

И надо же ей было предложить такое именно сегодня! Вскинувшись, я запротестовала так рьяно, так горячо, что едва не перевернула под собой стул. Тетя удивленно перевела на меня глаза. И не только тетя. Его цепкий, как плющ, внимательный и чуть насмешливый взгляд я почувствовала сразу, вновь мучительно, но неизбежно краснея, медленно опускаясь обратно на стул. Один-единственный его взгляд пригвоздил меня к месту, а я ведь себя уже наказала, извела, уничтожила. Наказала так, как он никогда не сможет наказать. Наказала столько раз, на сколько у него никогда не хватит терпения.

— Подвезу, не вопрос, — неожиданно отозвался Макс, а потом многозначительно прибавил, заставив меня пребольно прикусить щеку изнутри, — нам с Никой сегодня как раз по пути.

Все взоры обратились к нему, избавляя меня от ненужного внимания, а разговоры на отвлеченные темы продолжились. И только я, помертвевшим взглядом уставившись в стол, беспомощно перебирала в уме разные варианты, и один казался хуже другого. Почему он так легко согласился, что намеревается со мной сделать? Опять выбросит по дороге? Заставит извиниться? Прикажет всю неделю мыть его машину... машины? Отдать ему все карманные деньги? Ну, не утопит же он меня в ближайшем карьере, в самом деле? От мысли о том, что придется какое-то время провести в тесном салоне спорткара, один на один с Максом, утонув в его парфюме, мой бедный желудок зашелся жестокими спазмами, а сердце вновь затопило сожаление. Сдались ему мои извинения. И какого черта я вообще вышла вчера из своей комнаты?..

И вот, наконец, это случилось: мы остались наедине. Когда оделись, в узкой прихожей он галантно придержал двери, но когда я неуверенно подошла, убедившись, что поблизости никого нет, вдруг резко подался ко мне, перекрывая доступ кислорода в легкие, а заодно и проход на волю.

Я прилипла спиной к стене, вжалась в нее, мечтая слиться с шершавой поверхностью декоративной штукатурки, со страхом и ожиданием глядя на него снизу вверх. А Макс молчал, пристально изучая мое лицо, как умел он один — тяжелым нечитаемым взглядом, от которого мне немедленно захотелось расплакаться навзрыд. А когда изнутри, действительно, родилась дрожь, решил, что с меня достаточно, усмехнулся и негромко произнес:

— Любишь подглядывать? Так-так... вот, значит, к чему с возрастом проявилась нездоровая тяга у послушной маленькой девочки. Неожиданно... никогда бы не подумал, что ты такая испорченная, — я лишь сильнее закусила губу, а как только это сделала, он перевел глаза на мои губы, заставив прокусить нижнюю до крови. Увидев, что натворил, сглотнул,

слегка увеличивая расстояние между нами, — а теперь серьезно. И советую слушать внимательно. Еще раз войдешь в мою комнату без разрешения, я оборву тебе уши. Усекла? Не слышу.

Я вынужденно кивнула, вновь покраснев до корней волос. Забавляясь моей реакцией, а может, неловкой ситуацией, в которую угодил по моей вине, Макс не торопился меня отпускать. Я нервно дернулась в сторону выхода, но он впечатал ладони в стену по сторонам от моей головы, включая режим долбанного охотника.

— Я разве закончил? Уйдешь, когда я тебе разрешу... Ну, и как... понравилось? — я расслышала в его голосе смелую улыбку превосходства, он зачем-то заглянул мне в лицо, впустую пытаюсь поймать мой ускользающий нетвердый взгляд, — а сегодня ты тоже придешь? Ты ведь знаешь, мне есть, что предложить... а тебе? Как насчет того, чтобы этим вечером устроить честный обмен? Ты — мне, я тебе. Пошалим? Совсем чуть-чуть? Обычно я не связываюсь с малолетками, но раз сегодня день исключений... — нежно переместил волосы на одно плечо, и добил, шепнув с придыханием прямо в голую шею, от чего та немедленно покрылась мурашками, — Ника, скажи мне да... Чего дрожишь? Боишься? Или завелась? А я ведь к тебе еще даже не прикоснулся, к тому же, как видишь, полностью одет, — от его наглого грудного смеха у меня остановилось дыхание, — не надо строить из себя тихую скромницу, вчера ты ею не была. Давай... решайся... хороших девочек никто не любит. Я не трепач, о твоём новом тайном визите в мою комнату никто не узнает, даю честное... благородное... слово.

Это было чересчур. Макс размазал меня по стенке в буквальном смысле слова. Моя уязвленная гордость пробила ламинат, самолюбие растеклось лужицей, став грязью под его ногами, а кровь превратилась в расплавленную магму, и только тогда, поняв, что членораздельного ответа не последует, он соизволил убрать свои грязные руки.

Ринулась сломя голову вниз, по ступенькам, едва не поскользнувшись, мимо крыльца, а потом и по узкой дорожке, пересчитывая подошвами ботинок хрупкий ледок лужиц. Какое унижение.

Услышала его резкий, как хлыст, прозвучавший на всю округу окрик:

— Стой!!

А чего он ожидал? Поздно. Я пулей вылетела на дорогу, едва не угодив под колеса соседской машины, только завизжали гневно шины на гололеде. Побежала по элитному поселку, иногда прямо по чужим газонам, через сугробы, сверкая пятками под удивленными взглядами водителей, что прогревали двигатели дорогих авто своих влиятельных господ. Плевать на их мнение. На мерзкие и пошлые намеки Макса мне тоже плевать. Бежала, как одержимая, словно следом гнались все демоны преисподней.

И только когда оказалась за пределами квартала, шмыгнув в густые заросли лесополосы, срезая дорогу, чтобы успеть на автобус, яростно раздирая руками побеги подмерзшего дикого винограда, так что в разные стороны летели целые грозди, смогла сделать глубокий рваный вздох полной грудью. А грудь болела. А может, это ныло сердце. Я ломилась напролом неуклюже и слепо, как бурый медведь, не разбирая дороги, слезы обиды сжирали кожу, ветки царапали кисти, рвали волосы, лохматя прическу. Да Макс же и есть демон. Демон в человеческом облики, посланный, чтобы испортить мне жизнь. Какой же он ужасный человек. Чудовище. Подонки. Тиран...

Какого черта?! Его машину на парковке университета я увидела сразу. Такой едкий цвет заметишь даже издали. Потом разглядела Макса у капота авто, окруженного пестрой толпой девчонок, и сделала то, чего бы никогда не сделала еще вчера: просто проехала нужную остановку. Так что свою первую прогулянную пару я провела в заросшем парке, примыкающем к старинному кладбищу, сидя на изъеденной временем лавочке в компании деловито прохаживавшихся под деревьями ворон, уставившись в одну точку.

Желаний не было. Сил тоже не осталось. Я с ужасом осознала, что не смогу вернуться вечером в тот дом. Снова увидеть его глумливый взгляд, услышать что-нибудь похуже. Просто не смогу. А Макс теперь не остановится... Это было сильнее меня, опустив лицо в ладони, я малодушно расплакалась. Какая же я, оказывается, трусливая и слабая.

Внезапно кто-то опустился возле меня, хотя я не слышала шагов, даже вороны не разлетелись с сиплыми криками, седлая верхние ветви. Я не успела отнять рук от лица, меня мягко качнуло, и сильные руки взяли в плотное кольцо, требовательно прижали к себе. Даже не открывая глаз, я поняла, кто сидит рядом. Макс. Я чувствовала его запах. И его тепло я тоже почувствовала. Он подловил нужный момент, сейчас я не способна была сопротивляться, лишь разревелась громче, даже не пытаюсь скрыть отчаяния, не говоря уже о том, чтобы вырваться из плена навязанной им близости.

Макс тяжело вздохнул, словно мои слезы могли хоть как-то размягчить его каменное сердце, а вот объятия стали крепче, но вместе с тем будто нежнее.

— Дуреха, — тихо, грустно констатировал он и снова вздохнул, — ну, какая же ты все-таки дуреха.

— Как ты нашел меня здесь? — выговорила сквозь слезы.

— Оглянись вокруг, куколка. Мы с тобой живем в век продвинутых технологий, а современные устройства творят настоящие чудеса. Вот и твой телефон меня не подвел.

— Да я сейчас же отключу эту дурацкую опцию... а лучше выброшу телефон.

Я попыталась отодвинуться, но он не дал.

— Не стоит. Отключишь, выбросишь или нет, если придется, я тебя хоть из-под земли достану, веришь?

Вынул сухую веточку из моих волос, мимолетом коснувшись костяшками пальцев заплаканной щеки.

— Не придется, — буркнула, — зачем пришел? Мы, кажется, с утра уже поговорили, или на закуску ты придержал что-нибудь более оригинальное?

— Нет. Я искал тебя... потому что хотел извиниться.

Я хмыкнула. Вырвавшись, резко отодвинулась на другую половину скамьи, приводя себя в порядок. Он меня не остановил.

— Ты? Извиниться? Ага, конечно. Ври больше. А придумать что-нибудь более правдоподобное мозгов не хватило?

— Закрой рот, Ника, — неожиданно резко и хрипло приказал он, и я закрыла, — ты меня не дослушала... черт, испортила такой офигенный момент. Ладно. Я все равно продолжу. Сегодня утром... я сказал все это, не подумав. Я перегнул палку, однозначно... сильно перегнул... я не должен был этого говорить. Знаю, как это выглядело, но... я не имел в виду ничего... такого, поняла? Да я вообще ничего не имел в виду. Считаю, я просто неудачно пошутил. Согласен, это была не очень смешная шутка, но я не ожидал, что ты отреагируешь на мои слова так... по-детски глупо... даже не попытавшись дать мне отпор.

— Хреново ты извиняешься, Макс.

Он дернул плечом, было видно, даже эти слова дались ему нелегко.

— Как могу, так и извиняюсь. Не придирайся, тебе это не идет. Ну, если настаиваешь, вечером пришлю белого голубя с оливковой ветвью в клюве, хочешь? Нет?.. А парочку голубей?

— Не хочу. Я ничего от тебя не хочу. Не надо ничего присылать. Лучше не подходи ко мне. Ни вечером, ни вообще... Чтоб ты знал... мне вообще не интересно... ни эти твои извинения... ни твоя комната... ни все твое... огородное хозяйство... Я приходила, чтобы поблагодарить тебя за то, что вписался за меня... вчера... и только...

Макс не дал договорить, расхохотался, безудержно и откровенно, как глупый несдержанный мальчишка. И этот смех — задорный, чистый, заразительный — был так ему к лицу. Я смотрела на него, еще дуюсь, но уже с недоверчивой полуулыбкой, с изумлением, позабыв, над чем он смеется. Потом опомнилась. И что смешного, собственно, нашел в моих словах?

— Договорились, — хлопнув себя пару раз по бедру, наконец, смог выдать из себя, — в этот огород мы больше не лезем. Будем считать, ты меня поблагодарила, а я перед тобой извинился. В расчете, куколка. По рукам?

Я брезгливо посмотрела на протянутую ладонь, в искрящиеся весельем серые глаза. Сморщила нос.

— Просто оставь меня в покое, идет?

Он пожал плечами, согнув руку в локте и приподняв манжету, вдруг обеспокоенно глянул на часы.

— Как скажешь... Мне надо ехать, Ника. Так и быть, подвезу тебя... в качестве жеста доброй воли. Если поторопимся, еще успеешь к следующей паре.

— И чего ты вдруг стал таким любезным? — подозрительно сощурилась, поднимаясь вслед за ним, — не иначе, не всех девчонок в универе успел окучить... Что, уже ищешь себе новую подружку, потому что старая вот-вот бортанет?.. Не все телефоны утром собрал? Неурожайный день, да? Стареешь, Макс?

Я не знаю, почему меня так понесло, хотелось ударить его побольнее хоть чем-то. Он сразу догадался, о чем говорю, и, конечно, использовал эту информацию в свою пользу.

— Так, значит, ты меня видела на парковке. А чего тогда не подошла? Поиграть в прятки решила? А может... нет, этого просто не может быть! Ты, что же, приревновала меня к другим девчонкам? Потому и укрылась тут, рыдая как белуга? А ты, оказывается, законченная собственница, вот уж кому-то не повезет...

— Ну, вот, ты опять начинаешь! Что и требовалось доказать. А ведь десяти минут не прошло... Иди уже себе куда шел. Катись отсюда. И чего вообще приперся, не знаю... видеть тебя не могу.

— Эй, ты выражения-то фильтруй... И пошевеливайся... я опаздываю в одно место.

— Вот и вали... в одно место.

— Ника, все это уже пахнет абсурдом. У меня нет времени, чтобы тебя уговаривать, не в куклы играем, я итак убил на тебя полдня... а мне это вообще нахрен не упало, поняла? Последний раз спрашиваю: едешь со мной или нет?

— Черта с два я с тобой куда-нибудь еще поеду, ты же гоняешь, как придурок.

— Сама ты дура. Но дело твое, играй дальше в свой имбецильный детский сад... и добираться, как знаешь, — сунув руки в карманы парки, Макс сделал несколько шагов по пустынной аллее, осыпаемый редким снежком, но вдруг остановился, обернулся, мазнув по

мне прощальным жестким взглядом, — именно по этой причине я и не связываюсь с малолетками. Вы же тупые как пробки, чувство юмора отсутствует напрочь. А еще — просто феерически обидчивые и ревнивые. Все до одной. А ты... так даже с опережением графика.

Издавательски козырнув мне ребром ладони, отвернулся. Еще ни разу не вышло так, чтобы последнее слово осталось за мной. Мы с Максом, донельзя недовольные друг другом, решительно разошлись в разные стороны... А к следующей паре я из-за него, естественно, опоздала.

Обычно допоздна никогда не засиживалась, но в тот зимний вечер пробрало: почему-то не спалось. Долго сидела на балконе, слушая ветер в голове и особенную морозную тишину. Потом надоело — воткнула наушники, раз за разом прогоняя по памяти излюбленные треки, мечтая. Пока совсем не замерзла. И даже толстый плед, в который завернулась — нос наружу — не спасал.

Закрыв на щеколду балконную дверь, плотно задернула шторы. Не люблю, когда в ночное время комнату видно с улицы. Воздух внутри бодрил. Свежо. В пижаме, когда переоделась, стало совсем зябко. Надо было прикрыть балконную дверь, пока проветривалась. Вот балда... Прохватило до костей. Сдернув со спинки стула теплую кофту, набросила на плечи. И вдруг услышала стук в дверь. В такое время? Не успела повернуться — дверь отворилась, а в образовавшийся проем вдруг просочился... взъерошенный Руслан. А этот что здесь делает так поздно?

Не дожидаясь, когда мой рот начнет выдавать нежелательные обертоны, вихрастый торопливо заговорил:

— Только не ори, блин. Я стучал, но ты не открывала... а свет горит. Ты почему не открывала?

— На балконе была и... — остолбенело ответила. Пришла в себя. И он меня допрашивает?! — А что ты вообще здесь...

— Аптечка есть? — я подавилась следующими словами, а он настойчиво продолжал, — так есть или нет? Соображай быстрее... Если нет, пойду вниз... поищу. Не хочу будить его родителей...

— Зачем?.. А что случилось? — подошла, уже замечая, что Руслан выглядит неважно: кровь на рассеченной губе успела засохнуть, видать, рана неглубока, одежда грязная, оторванный карман висит на честном слове, руки прячет. — Ты что, подрался? — догадалась, смекая, — есть пара бинтов, перекись, салфетки. В общем... ты садись... — он увернулся от моей руки, и я нахмурилась: не время играть в героя, — садись сейчас же, надо обработать...

Засуетилась, хлопая створками шкафа.

— Да это не мне, — поморщился Руслан, — со мной-то порядок.

Какой там порядок, когда щека опухла. Парень бравирует передо мной, это ясно. Выудила, наконец, аптечку из третьего ящичка. А потом вдруг по меня дошло. Дошло так, что руки опустились. Если Руслан смог попасть ночью в этот дом... в мою комнату, значит, это Макс его привел... А где сам Макс?

Похолодела, оборачиваясь, но уже не от ночной свежести.

— Где он? С Максом что? Он здесь? Говори. Руслан?!

— Не шуми. Просто дай мне аптечку, — настойчиво протянул руку, — и я пойду. Макс не хочет, чтобы ты...

Я решительно схватила аптечку со стола, показывая, что без меня он ее получит вряд ли. С вызовом посмотрела. Плевать мне на то, что хочет Макс.

— Так. Веди меня к нему.

Было видно, Руслан колеблется. Прикидывает. Сомневается. Даже положил руку на дверной косяк, перекрывая проход. Неуверенно мялся, хмуря разукрашенное лицо. Но

другого выхода не было.

— А ты... не боишься вида крови? — моргнула, — потому что, если тебя сейчас откачивать придется, Макс будет в ярости...

— Не боюсь, — отрезала. — Теряем время. Веди!

У приоткрытой двери в ванную комнату Рус попросил еще раз:

— Ты только не шуми, ладно? Его родители не должны слышать...

В ответ я молча распахнула двери. И то, что открылось глазам... уж лучше бы повременила...

Макс сидел на краю ванны. Сидел босой, с подвернутыми до голени штанами, прижимая смоченную тряпку к лицу. Лица его я не видела. И на том спасибо. Некогда бежевое полотенце в руке стало коричнево-красным. Я растерялась. Взгляд машинально убежал в сторону, охватывая всю панораму, превратился в испуганный. Бурые пятна — в раковине, на раковине, вокруг нее... Столешница... беспорядочные разводы, отпечатки пальцев на приоткрытых шкафчиках, потеки на светлой поверхности... Аптечки не нашел, потому что я унесла ее к себе. А под его ногами...

Должно быть, умываясь, Макс пролил на пол достаточно воды, чтобы реки на кафельной плитке превратились в целое море крови. Хоррор в чистом виде. Затошнило. Со спазмом проглотила слюну, не зная, что делать дальше. По глупости притопала сюда босиком, не наступать же прямо туда, в эту кровавую лужу... а пижамные штаны? Они же почти волочатся по полу... испорчу враз...

Макс, наконец, нас заметил. Выматерился. Исключительно грубо. Исключительно в адрес Руслана. Тот остановился на пороге, рядом со мной. Не отреагировал никак, а я покраснела.

— Ты что здесь забыла? Нафига приперлась? Поставь аптечку и давай на выход, — это уже мне, резким раздраженным голосом, — исчезни. Я что, не ясно выражаюсь?

Если прежде сомневалась, то это послужило мощным катализатором. Определяющим. Сдвинула брови.

— Подержи, — решительно сбросила кофту на руки Руслану. Будет только мешать. Сверху — аптечку.

Согнувшись пополам, по примеру Макса деловито закатали штанины, а потом под восхищенным взглядом того же Руслана мужественно зашагала вперед. И все же это было неприятно. Шлепать, стараясь не поскользнуться. Контролировать каждый свой шаг. Каждое движение. Стоило заикнуться на этом, нога неудачно поехала в сторону.... Балансируя, всплеснула рукой, ища и не находя, за что ухватиться...

Макс поймал меня за мгновение до удара о кафельный пол. Поймал на корпус, выбросив руку вперед, но от глухого стога не удержался, да и сам едва не соскользнул с бортика.

— Извини, — прошептала, замерев без движения, как кукла, пока он хрипло сыпал ругательствами у меня над ухом, прижимая теснее.

Металлический запах. Тревожащий. Мерзкий. Очень близко. Макс держал меня крепко, так же крепко зажмурился. Наверное, чтобы купировать приступ боли. Или не разнести все вокруг. Дышал часто, ртом, опустив голову. Завтра точно будет синяк. Полотенце съехало, из носа снова часто закапала кровь, пачкая мне штанину, и грязная тряпка сердито вернулась на место. Меня отодвинули.

— Подними голову, — попросила, выравниваясь. Ощутила его убийственный взгляд, но

не спасовала, — только не запрокидывай.

— Сам знаю.

У меня были медицинские салфетки. Дам ему, пока буду охлаждать полотенце под струей ледяной воды. Придерживая сумочку на колене, суетно закопошилась, чтобы найти их, не растеряв при этом остального содержимого. Стоять над ним, шатаясь на одной ноге, как цапля, было неуклюже. Салфетки, как нарочно, лежали где-то на дне.

Сорвав с крепления на стене (вместе с креплением) последнее чистое банное полотенце, Макс швырнул его под ноги, а когда наступила, злым шепотом:

— Достала. Сядь!

Не сразу дошло, чего он добивается, тогда, вновь зашипев от боли, он дернул меня на себя, силой усаживая на свое колено. Неожиданно. Чтобы не доставлять ему дополнительных страданий, старалась не сильно ерзать, но и он не поворачивал головы.

— Я так понимаю, сама ты отсюда не уберешься?

— Не уйду, пока кровь не остановится, — сказала твердо, — давай полотенце, — взамен протягивая салфетку. — Давай, Макс.

Наверное, понял: спорить со мной бесполезно. А может, просто устал.

— А, ну, и черт с ним, — и он убрал полотенце.

Я нервно сглотнула. Захлюпала. Губы разъехались сами собой. Задрожали.

— Тебе надо к врачу... Макс, тебе надо к врачу. Макс...

Ничего не видела из-за набежавших слез.

— Да что за... Убери ее отсюда... — прорычал. — Рус, ты оглох? Пусть она уйдет. Пусть...

Вихрастый не шевельнулся. Но и я уже взяла себя в руки, растирая слезы по щекам.

— Тише. Не говори. Не морщись. Твоя рана открылась...

Одно дело кровотечение из носа, но...

Правый глаз, в красноватой сетке лопнувших капилляров, смотрел на меня мрачно, а второй... левое веко набрякло, и глаз почти закрылся. Сюда пришелся убийственный удар, а может, не один. Висок распух, разбит, в крови. Это же сотрясение в чистом виде. В лучшем случае. Макс выглядел, как боксер во время минутного перерыва в своем углу ринга. Предыдущий раунд, судя по всему, засчитан будет не ему.

— ...вот, прижми посильнее.

Сунув ему в руки салфетку, уже без боя отобрала полотенце.

Метнулась к раковине, отвернувшись, принялась тщательно ополаскивать, пока вода не стала бледновато-розовой. От холода пальцы совсем заледенели, ногам тоже было некомфортно, но я не чувствовала ничего. Ничего, кроме двух внимательных мужских взглядов за спиной, казалось, сопровождавших каждое мое движение. Это слегка напрягало. Будто они ждали, когда ошибусь.

Вернулась к Максиму. Встала между его расставленных коленей, заставив приподнять голову. Какое-то время он просто смотрел мне в лицо, прицениваясь. Потом вырвал из рук полотенце со словами:

— Сам справлюсь.

В руках у Руслана вдруг завибрировал телефон. Обменявшись быстрым взглядом с другом, он вышел в коридор, плотно прикрывая за собой двери.

Кровотечение, в конце концов, остановилось. Оно бы остановилось раньше, но Макс слишком нетерпеливо и часто отнимал тряпку от лица, чтобы это проверить, пока я, как

умела, обрабатывала остальные раны. Вот и теперь: сразу же опустил руку, размазывая кровавые дорожки по подбородку. По-хорошему, ему бы снова умыться. На щеке, внизу, под отросшей щетиной обозначилась припухшая ссадина. Или даже две. Над ними бы тоже поработать... Он шмыгнул носом, комкая в руках полотенце, словно не знал, куда его деть.

— Не спеши, — вернула на переносицу, — надо еще чуть-чуть подержать, вдруг снова... у тебя же кровь долго не останавливается... — сказала, и сразу прикусила язык.

Теперь Макс смотрел на меня с любопытством. С легкой усмешкой. Но было там кое-что еще — то, что выводило из равновесия...

— Кажется, это уже становится традицией, — угол рта дернулся — то ли вверх, то ли вниз, — нашей с тобой традицией, — я смотрела на него с непониманием, но озвучить вопрос не успела, — да, маленькая заика?

От неожиданности едва не выронила тряпку, но руку отвести не успела, как не успела отступить. Он обхватил запястье, удерживая возле себя.

— Держи уже. Не заставляй пожалеть, что не выгнал тебя сразу...

— Ты... Макс... так, значит, ты... помнишь? — изумленно спросила. — Тогда... той зимой... на свадьбе... но... — поражено уставилась, чувствуя, как ликует, аплодируя, кто-то внутри. — А я думала... а я не думала, что ты вспомнишь...

— Девчонку с испуганными синими глазницами в пол лица? Конечно, я помню. Альцгеймером пока не страдаю.

— Братан... — позвал с порога Руслан.

— Ну, что там? — сразу посерьезнел. Отклонился влево, чтобы заглянуть мне за плечо, — наши?

— Да... это... тут ребята, короче, решили с нами...

— Просто дай сюда, — прервал раздраженно, искоса бросая взгляд на меня. Значит, не хотел, чтобы я слышала.

Рус, наконец, шагнул в ванную, протягивая ему телефон. Бегло, по диагонали проглядев сообщение, Макс кивнул, возвращая обратно.

— Я знаю это место. Двадцать минут, не больше... пиши...

Рус снова вышел, а Макс отодвинул меня, поднимаясь. Полотенце было забыто, просто валялось на полу. Расстегнув молнию, зазвенел пряжкой ремня, снова уселся, стягивая штаны по ногам.

— Я...ты... а ты... что ты делаешь? — испуганно попятилась.

— Забавно. Снова начала заикаться... Не видишь? Раздеваюсь, — кивнул на мою штанину, — твоя пижама, кстати, тоже ни к черту. Забрось ее в стирку. Сегодня же... И про мои вещи не забудь.

Оставшись в одних облегающих боксерах, поднялся, ничуть не стесняясь. Две-три гематомы с гусиное яйцо были и на боках, но Макса, по-видимому, они не особо беспокоили.

— А ты куда... куда ты собрался? — глупо смотрела на вещи, которые он сунул мне в руки, проходя.

— Да есть у меня одно незаконченное дельце...

Направился в свою комнату. Вышла следом, стараясь не глядеть ему вслед. Неудобно все же... но — как магнитом...

— Вы что, — беспомощно оглянулась на Руслана, — вы же не собираетесь...

Он на меня не смотрел, подпирая косяк — только в телефон. Услышала звук очередного

входящего смс.

— Пацаны почти на месте.

— Значит, выдвигаемся, — оборвал Макс, стремительно скрываясь в своей комнате.

Я прибилась к Руслану.

— А... кто это его так? Вас?.. Кто это, Руслан? Ты знаешь?

— И ты знаешь, — огорошил, отрывая глаза от экрана. Желчно усмехнулся, — Тимур. Что... припоминаешь такого? — я прижала пальцы к губам, а Рус продолжал. — Караулил, урод... выжидал, когда он окажется один... вот, дождался... и пару друзей прихватить не забыл, чтобы держали, пока удары на нем отрабатывал... Жаль, я слишком поздно приехал... должны были встретиться, а я... если бы не опоздал...

— Рус, — Макс уже вышел из комнаты, на ходу застегивая олимпийку, — кончай трепаться. Погнали.

Руслан успел шепнуть:

— Только ему не проговорись, что в курсе. Он запретил тебе...

Возле меня Макс остановился. Зачем-то посмотрел на мои руки, поочередно влезая в рукава куртки.

— Вещи постирать не забудь, — напомнил. До сих пор сжимала их, не чувствуя веса, — и... — огляделся, хмурясь, — здесь приберись, как сможешь, идет? Я в долгу не останусь.

Какой долг? Это все из-за меня.

— Может, не поедешь? В таком состоянии тебе... останься, Макс.

Он удивленно на меня посмотрел.

— И все пропустить? — поддернул рукава. Спohватившись, снял с руки ролекс, передавая мне, — давай... закончишь здесь, ложись спать. Поздно уже.

— Подожди... — попыталась задержать, — пообещай, что заглянешь, когда вернешься... пообещай... во сколько бы...

Резко передернул плечами, освобождаясь.

— Я не знаю, когда вернусь. Все.

Пошли по коридору, друг за другом исчезая в провале лестницы. Я машинально следовала за ними, не в силах остановиться, точно нитка за иголкой. И только поэтому случайно услышала тихие, вполголоса фразы, которыми они перебрасывались в темноте, спускаясь.

— ...а лет ей сколько?

— Нике? Малявка еще совсем...

— Да ну? А мне так не показалось... вроде все при ней... еще и при мозгах девчонка...

Почудилось, внезапно остановились.

— Не понял... слюни подбери, Рус... и чтоб я этого больше не слышал...

— Да я не в том смысле... — шаги возобновились, — нет...ну, ты чего, Макс... погоди, да я же просто...

Сон не шел. Время тянулось медленно, тягуче. Или вообще остановилось. Я не смотрела на часы. Не до того было. Долго, тщательно прибирала в ванной комнате. Потом дожидалась, когда стиральная машинка закончит цикл. Ночной режим. Пониженные обороты. Поэтому затянулось.

Устала, но сна по-прежнему ни в одном глазу. Мыслями была не здесь — там, где-то рядом с Максом. Переживала, конечно. Но, видимо, организм оказался слабее...

Проснулась мгновенно, точно с кровати сдернули, едва слышала шаги в коридоре.

Макс старался ступать неслышно, но я все равно подскочила. На часах около четырех... ночи или утра. В два прыжка оказалась у двери, распахнула: он как раз миновал дверной проем. Конечно, будить не собирался. Так бы и не знала ничего до завтра. Только обернулся — уцепилась за рукав, добиваясь, чтобы остановился, настойчиво предлагая войти в комнату. И это все без слов.

Он сам закрыл за собой дверь. Бросил аляску на стул. Сначала просто стояли друг против друга. Мягкий рассеянный свет за моей спиной.

— Ты... ты... — принялась зачем-то неуклюже ощупывать его лицо.

Он сначала оторопел, растерялся и даже не пытался отодвинуться. Потом поморщился. Наконец, рассмеялся. Избавился от моих дрожащих пальцев.

— Да цел я, цел... ничего со мной не случилось... — и ледяная рука отпустила сердце, разжимаясь. Значит, все это время держала, — чего не спишь?

Пробежался взглядом, изучая меня в полумраке, и... сразу отвернулся, прочищая горло. Понимаю: сверху на мне только короткий трикотажный топ. Метаться, прикрываясь, было поздно... да и вообще... как-то нелепо оправдываться, что сплю в открытом топе.

Прошелся по комнате, спеша завершить смутившую меня сцену, подошел к туалетному столику. Остановился там, где были в беспорядке разбросаны мои украшения... завтра собиралась прибраться, вот честно. Усмехнулся, ведя рукой по безделушкам... Какие-то сдвинул с места. Какие-то — покатал. Зачем-то напялил на палец одно из колец — то, что видел на моей руке чаще остальных. Дальше первой фаланги мизинца дело не пошло, и интерес был потерян.

Двинулся дальше. Долго не раздумывая, опустился прямо на расстеленную кровать. Опустился тяжело. Устал, наверное. Конечно же, он устал.

Я тоже без дела не стояла: искала тревожные перемены, изменения. Тонкий след на щеке. Кровь засохла. Наверное, рана снова открылась, а он не заметил. Потянулась за влажной салфеткой, чтобы это исправить. Порывистое движение от внимания Макса не ускользнуло.

— Ну, что еще?

— Я только сотру. Тут... опять... — приблизилась, — давай, откинься на подушку... сюда... под свет... Макс...

Села на подлокотник кресла, чтобы ему не приходилось задирать голову. Указания он выполнять не спешил, раздраженно глядя. Тогда, набравшись смелости, сама осторожно повернула его лицо к торшеру. Всего на несколько градусов. Подчинился. Просто смотрел на меня — смотрел, не отрываясь, пока мои руки касались. Глазами не встретились, думала о другом. О том, что пришло время... время задавать трудные вопросы.

— Макс... это был Тимур? — тихо, — это ведь он, да?

— Что? — он напрягся, — а ты откуда... — озарило, от резкого выдоха всколыхнулась прядка моих волос. — Руслан... ну, конечно... эх, когда-нибудь он у меня...

— Скажи, чем все закончилось? Я хочу знать...

— Ты за него беспокоишься, что ли? — в голосе появились какие-то новые, язвительные интонации. Даже на локте чуть приподнялся, чтобы услышать ответ.

— Я беспокоюсь за тебя, — уверенно. Это ведь сушая правда, — у тебя из-за этого будут неприятности?

— Из-за драки? Вряд ли... ничего я ему не сделал, не переживай... так, раз-другой в корпус пробил, чтобы не зазнавался. Наши разногласия урегулировала... дипломатия... ну,

или то, что он принес мне искренние извинения... так сказать...

Конечно, полной картины того, что сегодня произошло, мне никогда не покажут. Нечего было и надеяться.

Макс расслабился, только когда я закончила. Снова откинулся на подушки — с легким вздохом, теперь лелея запястье.

— А с рукой что? Покажи...

На этот раз не подчинился. Настаивать было бесполезно, уперся рогом.

— Завязывай, Айболит, — пренебрежительно бросил, — я, конечно, не против ролевых игр, особенно если медсестра симпатичная... но не с твоим участием. Ты что, в больничку в детстве не наигралась? — увидев, что я неестественно выпрямилась, смурнея лицом, снизошел до объяснений, — нечего там показывать, Ника. Всего-то небольшое растяжение... скоро пройдет...

Нет, так нет. Я итак сделала на сегодня достаточно. Поднялась, чтобы выбросить салфетку. Укладываясь поудобнее, Макс заложил руку за голову. Другой устало потер глаза, с трудом держа их открытыми. Поморгал сонно, пытаясь сфокусироваться на мне.

— Сейчас... я только переведу дух и пойду к себе... хотя бы немного надо поспать. Да и ты тоже... — взглянул в окно. — Почти утро... Завтра будет некогда... завтра у меня суматошный день... придется по городу помотаться, так что...

Голос звучал все тише. Стоило принять вертикальное положение, усталость навалилась, тяжестью вжимая в матрас. А мне ведь даже в голову не пришло сказать: тебе пора уходить. Наоборот.

— Хочешь, выключу свет? — предложила.

— Не надо... он мне не мешает... если боишься темноты... оставь...

К тому времени, когда вернулась к кровати, Макс уже заснул. Одетый, поверх одеяла, но все-таки... Макс Ярцев в моей постели. Уму непостижимо. Удобный случай, чтобы разглядывать его без стеснения. Без стыда. Без обычной робости. Спящий, Макс выглядел таким беззащитным... уязвимым... и таким убийственно милым... Резко тряхнула головой, пока воображение совсем не разыгралось. Случаем не воспользовалась... может, завтра буду корить себя. Скорее всего... Скорее всего...

Вздохнув, потушила свет. Скинула тапки, забираясь на кровать с противоположной стороны. Кровать широкая, толкаться локтями не придется. Угнездившись на краю, по миллиметру, не дыша, вытащила из-под его плеча запасную подушку, но он все-таки пошевелился. Затаилась, прислушиваясь: Макс глубоко вздохнул пару раз, пробормотал что-то, но так и не проснулся.

Моя постель творила чудеса. Размякла тоже. Лежала в тишине, рассматривая тени на потолке. Бездумно. Очертания комнаты неторопливо проступали, являясь взору из небытия. Бесцветную темноту комнаты плавно разматывала по углам тусклая акварель приближающегося утра. Светлело уверенно, с каждой минутой все больше, но по-настоящему светать будет еще не скоро. Вечные зимние сумерки.

Слушая ровное дыхание спящего рядом мужчины, прикрыла веки. Ведь тоже надо поспать. Надеюсь, Макс не храпит. Будильник, конечно, меня разбудит, как обычно, но... Поняла, что очень рассчитываю: пусть он уйдет в свою комнату прежде, чем кто-нибудь заметит, что ночевал — в моей.

Когда утром, не выспавшаяся и потому недовольная, подскочила на постели, воскрешая в памяти ночные события, в комнате, действительно, я была одна. И лишь примятая подушка

со стороны, где он лежал, подсказывала: все это мне не приснилось.

Забытая на стуле в углу аляска так и пролежала незамеченной до самого вечера.

Глава 8

Сразу после успешной сдачи сессии я улетела к родителям в Америку. Все эти месяцы очень тосковала по родным, хоть и старалась не показывать вида: мы ведь никогда так надолго не разлучались. Дядя с тетей вызвались проводить меня в аэропорт. С Максом мы смазано простились накануне, столкнувшись в дверях все той же злополучной ванной комнаты. Мой чемодан дядя уже спустил, такси прибыло точно по времени, я нервничала, собираясь выходить. Рейс был ранним, за окном еще туманная ночь не до конца рассеялась.

Прощальная сцена. Я неловко строила предложения. Макс слушал, кривясь, сонно и неадекватно моргая — кутил где-то полночи, и алкоголь еще не до конца выветрился из его крови — поэтому не вполне понял, о чем говорю. А может, не понял совсем. Торопился занять освободившееся помещение. Тогда, обрывая себя, я просто шагнула в сторону, уступая ему дорогу. Дверь за ним затворилась, я же в растрепанных чувствах побрела вниз, ссутулив плечи. Чертов Макс. Даже попрощаться нормально не способен. Я думала об этом всю дорогу, и злилась, и расстраивалась впустую, пока такси гладко утюжило улицы пустынного города под неторопливо светлеющим небом.

А вот долгий перелет пережила, уже предвкушая скорую встречу с близкими. Сессию я сдала без сучка без задоринки, и до начала следующего семестра еще оставалась пара недель, чтобы шикарно провести время. И я действительно провела его именно так.

Прямо в аэропорту меня встречали — встречали меня с огромным плакатом! Моя семья. И я летела к ним, как на крыльях, только багаж успевал подскакивать колесиками за спиной. Потом бросила. Оторвавшись от земли, прижалась, тая, как мороженое, к теплой шее папы. Богдан над ухом что-то лепетал, нетерпеливо тянул ко мне ручки, мама издавала подозрительные звуки, и я обняла их обоих вместе, пока отец подбирал чемодан...

А потом аэропорт закончился, и грусть стряхнулась, как шелуха. Машина с откидным верхом, солидное авто насыщенного небесного цвета. Солнце и приветливый ветер на губах, на коже, местная, вполголоса, радиоволна — все, все были рады мне! Ведущего мы не слушали — болтали громче.

Моя комната в мансардном этаже пришлась мне по душе сразу. Приоткрыла окно, с усилием потянув створку вверх: прямо перед носом гостеприимно шелестела острыми листьями пальма, овеваемая суховеем. Взвизгнув от восторга, бросилась к кровати, рванула молнию на чемодане. Поверх лежали бикини и панамка. А больше ничего не надо — в бассейне на заднем дворе такая бирюзовая манящая вода! Даже не верится, что мой родной город сейчас усыпан снегом, скован морозами... И только мне посчастливилось попасть с корабля на бал, из зимы — прямиком в лето.

Здесь было весело и так непривычно. Уверенный плюс на термометре, жаркий влажный климат, другой язык, чужие открытые лица, сильные и энергичные, иной менталитет... Эти дни были наполнены суматохой, экскурсиями, культурными мероприятиями и всевозможными увеселениями. Я даже слегка загорела, хотя обычно моя кожа с трудом поддается воздействию ультрафиолета. Но и слегка похудела... Никогда не жаловалась на плохой аппетит, а тут как бабка пошептала.

Мама грешила на то, что мой организм еще не успел адаптироваться к новому часовому поясу, без устали пичкая меня здоровой, на ее взгляд, пищей. Папа с видом знатока жарил на решетке барбекю, выуживая для меня самые сочные куски мяса. Малыш великодушно

протягивал свою бутылочку. Но я-то знала: дело в другом.

Вечерами, когда оставалась в комнате одна, наедине со своими мыслями, внезапно ловила себя на том, что очень жду возвращения в свою холодную страну, в тот, чужой дом с нежно-фисташковыми стенами... почему-то жду возвращения туда, где меня никогда не встретят жаркими объятиями. И, вопреки всем доводам рассудка, скучаю. Думаю, сама того еще не сознавая, я скучала по Максусу.

Однажды он мне даже приснился. Я проснулась в темноте, разметавшись на постели, с оглушительно колотящимся в горле сердцем. Сжалась, закрыв пылающее лицо руками, сдерживая дыхание, инстинктивно прислушиваясь к звукам в комнате, в коридоре — показалось, он здесь только что был. Но в нашем американском доме по-прежнему безраздельно царила только сонливая безмятежная тишина. Значит, ошиблась, приняла видение за реальность. Успокаиваясь, стала дышать ровнее. А потом каждый день с опаской ждала наступления темноты. Но страхи мои так и остались страхами: аномалия с тех пор больше ни разу не повторилась.

Если не считать этого небольшого недоразумения, в остальном я провела время прекрасно. Но все хорошее, как и плохое, имеет свойство заканчиваться. Когда наступил день отъезда, мы с мамой даже не скрывали слез, а папа морщился, крепился, отворачиваясь и отворачивая Богдана. Они же — мужчины. В следующий раз увидимся только в июне, чтобы, надеюсь, больше уже не разлучаться.

За время, проведенное здесь, я внимательно изучила рекламные буклеты двух ближайших высших учебных заведений. Прошерстила, как следует, их сайты, отыскивая информацию для поступающих, и пришла к однозначному выводу: перевод в один из них вполне мне по силам. Надо только за весну подтянуть свой разговорный английский. Не беда, найду толкового репетитора. Это ведь не трудно. С этим я справлюсь.

— А Максим разве не может помочь? — удивилась мама, — английский ему как родной, он же в совершенстве им владеет, чем не носитель языка? Да и тебе ведь не с нуля начинать. Попроси с тобой позаниматься, это не отнимет много времени. Уверена, он не откажет.

— Вот уж не знаю, — только и усмехнулась я, не представляя, как к нему можно обратиться с подобной просьбой. Да я лучше язык себе откушу, — Максим, знаешь ли, мама, человек очень... занятой.

Пролетая над Атлантикой, испытывала... какую-то странную радость. Подозрительно похожую на ту, которую чувствуют люди, когда возвращаются домой, к родным. Но ведь мое положение было диаметрально противоположным. Почему тогда... Попытки здраво оценить ситуацию ни к чему не привели, тогда, устав понапрасну гонять по извилинам серое вещество, я просто закрыла глаза.

Сон избавил от навязчивых мыслей, прочистил мозги, я так и проспала практически весь полет, разлепила веки, лишь когда самолет готовился зайти на посадку. С наслаждением потянулась, нечаянно задев локтем соседа. Получила в отместку неприязненный взгляд. Пусть. Несмотря на разливающуюся во всем теле дорожную усталость, с удивлением обнаружила, что полна сил — с каждым километром, что приближал меня к аэропорту, сама я как бы... оживала.

Спустившись по трапу, в мессенджере прочла сообщение от тети. Объяснения были путанными, но главное я поняла: обстоятельства складывались таким образом, что встретить меня было поручено Максусу. Я даже остановилась, чтобы перечитать смс еще раз, вызвав

острое недовольство следующих за мной пассажиров. Замечательно. Лучше бы на такси добралась, сейчас я совершенно не готова к встрече с ним. Но делать нечего. Пришлось взять себя в руки и шагать дальше, чтобы не задерживать остальных, теперь уже озираясь со страхом и внутренним трепетом, боясь и одновременно надеясь угадать неподалеку знакомые черты.

Он встретил меня в зоне прилета, когда я тащила свой раздутый от подарков чемодан, с трудом сняв его с ленточного транспортера. Просто подошел сбоку и отобрал ручку со словами:

— Дай сюда.

Голос раздраженный. Никакой романтики. Никакой радости в глазах. Похоже, кто-то уже успел испортить Максу настроение до меня. А может, это из-за меня. Наверняка из-за меня он злится.

Чемодан уже стоял рядом, мы отошли в сторонку, чтобы нас не затолкали топчущиеся за спинами пассажиры. Все были недовольны, все устали после перелета, никто не хотел ждать. Отыскав и забрав свои вещи, расходились, спешили каждый по своим делам, чтобы никогда не встретиться вновь. Обычная аэропортовская суэта.

Макс не спешил. Остановился напротив, разглядывая мое лицо, смотрел пристально, цепко, словно чего-то ждал от меня. Но и я молчала, точно так же разглядывая его — жадно и в то же время с толикой смущения. Просто снова видеть его — этого было уже достаточно... этого сейчас мне было выше крыши.

— Ты... — он запнулся, словно нужное слово подобрать не сразу сумел, потер подбородок, скреживая руки на груди, — ты как-то изменилась...

— Загорела, наверное, — нервно перебила, и уже уверенней, — я же загорела, Макс. Ты разве не заметил мой шикарный золотистый загар?

Попыталась улыбнуться, но на фальшивую улыбку он не купился. Покачал головой.

— Заметил. Но нет... в смысле не только это. Ты изменилась, — упрямо повторил, — но я пока не понял как...

Как будто было за что извиняться, глубоко пожала плечами, понимая, как по-дурацки смотрится этот жест. Он почесал в затылке, отводя при этом взгляд. Я и сама не знала, куда деть руки. Объявили о задержке какого-то рейса, сменились данные на электронном табло.

Встряхнувшись, Макс первым съехал с темы, распорядясь:

— Ну, что, обнимемся? Мы же до сих пор с тобой не обнялись, — я не упала в его объятия в ту же секунду, поэтому он нетерпеливо раскинул руки. Серьезно? — после разлуки вообще-то принято обниматься... ты что, не в курсе, деревня?

Переминаясь с ноги на ногу, почему-то стала озираться.

— Ну... ээ... что... здесь? Столько народу... вокруг.

Услышала негромкий смех. Но рук не опустил. И плевать ему на то, что выглядит нелепо.

— Расслабься. Всем на тебя пофиг.

Я все же колебалась.

— Иди уже сюда, мямля.

И он шагнул первым. И вдруг легко приподнял меня, и закружил, совсем как в старых добрых фильмах, заставив судорожно вцепиться ему в плечи. Я ведь не очень люблю высоту, а Макс такой высокий. Словно почувствовав мой страх, остановился, вскинул голову, врежаясь в меня взглядом — снова глаза в глаза, но уже как-то иначе.

Улыбка на его губах замерла, я видела, как она сползала, наверное, как и с моих, потому что Макс не отпустил — напротив, сжал меня крепче, но так осторожно, словно боялся ненароком сломать. А потом — невероятно — зарылся лицом в мои волосы, прижался щекой, потянул носом — я почувствовала, как распрямляются его легкие. Медленно выдохнул, обдавая шею жаром. Мои легкие, напротив, вообще перестали работать... Задвигалась, краснея, вырываясь... И он сразу же поставил меня на место — туда, откуда взял.

Его лица так и не увидела: сначала боялась поднять глаза, а потом Макс нагнулся, подхватил мой чемодан, выдвигая ручку, направился к выходу. Шагов через пять обернулся, посмотрел с недоумением, заметив, что я почему-то не следую за ним:

— Эй, ты чего там застыла? Шевелись, куколка, — самый обычный Макс с обычным голосом. И лицо у него самое обычное, — худшего дня, чтобы вернуться, ты придумать не могла, сегодня не город — одна сплошная пробка... так что надо поспешить... конечно, если ты не рассчитывала заночевать в моей машине.

У самого выхода, перед стеклянными раздвижными дверями вдруг резко остановился. Я задумалась о своем, и потому со всего маху впечаталась ему в плечо, словно в бетонную стену влетела. Раздраженно цокнула, отступая на шаг и потирая лоб.

— Надеюсь, ты не везешь там запрещенку? — с подозрением покосился на мой чемодан, — проблемы с законом мне сейчас ни к чему.

Шутник. Я только закатила глаза, обходя его сбоку, выходя наружу через рамку металлодетектора, глотая, давясь, обжигаяще холодный воздух.

Парковка оказалась переполнена, и я не сразу отыскала глазами нужный автомобиль. Конечно, Макс припарковался строго под знаками: «Стоянка запрещена». «Работает эвакуатор». Эвакуаторов поблизости я не заметила, поэтому расслабленно направилась к пассажирской двери, уже предвкушая, как томится мое тело, погружаемое в горячую ароматную ванну.

— Не туда, — срезал меня Макс, заставив непонимающе обернуться, — давай сразу на заднее, чтобы потом не ерзать.

— А это еще почему?

— Кое-кого заберем по дороге.

Забросил вещи в багажник, хлопнул дверцей.

— Кого это? — напряглась я, следя за ним, пока Макс обходил машину.

— Ты ее не знаешь, — кивнул, — садись.

Допрашивать дальше не стала. Зачем? Приоритеты уже расставлены. Только обиженно буркнула, забираясь в салон:

— Я и на такси могу пересесть, раз так. Не стоило тебе утруждаться.

Макс мое замечание полностью проигнорировал. А может, и не услышал.

Я сразу поняла, что это она. Подпирала обочину, а стоило ему поиграть сигналом, сверкнула глазами, нацеливаясь. Сапожки на высоких шпильках, стройные ноги, бархатная шубка, изящно обхватывающая гибкое тело, едва прикрывая бедро. На этот раз яркая шатенка, с глубокой сочной рыжиной. Красивая. А Макс, оказывается, тонкий ценитель прекрасного. Разборчивый черт.

Едва машина притормозила, девица с завидной прыткостью заскочила внутрь, радостно потянулась к нему, здороваясь. Салон заволокло сыростью с дороги и цветочным букетом ее духов. Совершенно не смущаясь моего присутствия, Макс поприветствовал ее долгим

поцелуем. Я раздраженно отвела глаза. Услышав томный несдержанный женский вздох, кажется, смутилась за всех троих. Да что он там с ней делает? Для моих ушей эти звуки точно не предназначены. Неужели обязательно устраивать здесь репетицию? Так и подмывало спросить, нарушая идиллию, а где же Лана? Но я сдержалась.

— Ой! — громко сказала девушка, наконец, отлипая от Макса и замечая меня. Похлопала пушистыми ресницами, переводя глаза с меня на него и обратно, протянула, — а мы не одни?

Знакомьтесь, мисс очевидность. Макс только усмехнулся.

— Как видишь. Это Ника. Помнишь, я говорил тебе... Ника, а это — Кристина.

Я сухо кивнула. Вот интересно, что он там про меня говорил.

— Ника? Так ты — Вероника? — повернулась полным оборотом, с бесцеремонным любопытством, будто витрину разглядывая, — а я не так тебя себе представляла... Ты же из Штатов сегодня вернулась, да? Вот только что? И как там жизнь... в Калифорнии?

— Да без понятия, — рубанула излишне резко, выплескивая на нее все скопившееся раздражение. На красивом лице отразился несложный мыслительный процесс. — Я была во Флориде.

В зеркале заднего вида столкнулась с давящимся от смеха Максом. В глазах его было много веселья. Чересчур много веселья, даже выплескивалось через край. Определенно, забавляется, а может, и наслаждается моей злостью. Продолжать разговор ему на потеху не стала. Вздернула брови, вынуждая его отвернуться.

Зажегся зеленый, и Макс включил поворотник, вновь сосредотачивая внимание на напряженной дорожной обстановке. Уж здесь не погоняешь. Не слушая, о чем продолжает спрашивать Кристина, вынула из бокового кармашка наушники и отвернулась к окну, отключаясь от происходящего, с головой ныряя в обновленный плей-лист. Пусть грубо, но я испытывала неоднозначные чувства: Макс ничего мне не сделал, вместе с тем ощущала себя так, будто он меня в грязную лужу только что с головой окунул, еще и тину со дна взбаламутил. И думала только о том, чтобы дорога поскорее закончилась. К сожалению, пробки от одного моего желания так и не рассосались.

Наконец, поселок. Вот и знакомый тупик. Шея от неудобного положения давно затекла, но я ни разу не посмотрела между сидений на эту парочку, ни разу не коснулась их глазами. Уши, как и голова, успели донельзя разболеться от многообразия музыки, терзающей слух, но наушники я сняла, только когда почувствовала, что вибрация полностью прекратилась: Макс заглушил двигатель.

Девушка из машины не вышла, так я поняла, что это не конечная точка их пути. Странно, почему Макс никогда не приглашает их в дом? На моей памяти случайных подружек он сюда ни разу не приводил, предпочитая развлекаться где-то на стороне.словно это было табу. Суеверие. Невидимая граница, которую не каждой дозволено пересечь. В его комнате ведь даже Лана не бывала.

Чемодан чиркнул колесиками по дорожному покрытию. Опустилась дверца багажника. Опустилась и его рука.

— Сама докатишь? — смотрел оценивающе, сузив глаза. Будто намеренно хотел унижить. Опять. Но мне итак хватило. Поджала губы.

— Не сомневайся.

Потянулась за ручкой, но он не отпустил. Так и стоял, опираясь на нее.

— Что, даже ни о чем не спросишь? — повел взглядом в сторону, явно намекая на особу

внутри.

Я тоже покосилась на машину. Оставшись по другую сторону, девушка внимательно за нами наблюдала. Но стекло было поднято, значит, слышать, о чем говорим, она не могла.

— Не спрошу, Макс. С чего бы мне спрашивать? — комментариев от меня он точно не дождется. — Это твоя жизнь... твои правила.

— Фу, как-то... шаблонно, — поморщился он.

— Может, и так, но... А вообще, думай, что хочешь... мне, знаешь ли, без разницы...

Макс почему-то нахмурился. Думал о чем-то, не сводя с меня глаз. Потом медленно, по слогам выговорил.

— Ну, если так...

Девушка внутри зашевелилась, откинула ремень, будто собиралась выйти, перетягивая внимание на себя, и я сразу почувствовала новый прилив какой-то нездоровой враждебности. Решила, что надо уйти, пока не наговорила здесь лишнего.

— Ладно, я устала с дороги... хочу отдохнуть, — нетерпеливо протянула руку, — чемодан отдай, я пойду. К тому же, там тебя ждут... не дождутся.

Макс кивнул своим мыслям.

— Как скажешь... — изящно подкатил чемодан, развернул для удобства, — увидимся утром.

Повернулся и направился к машине. Я — не мешкая и кипя от негодования, к дому. Но у самого крыльца он меня окликнул.

— Эй, Ника! — нехотя обернулась. Макс стоял у водительской двери, облокотившись на крышу, опустив голову на сцепленные пальцы рук. Оказывается, все это время провожал меня задумчивым взглядом, — помнишь, там, в аэропорту... я сказал, что ты изменилась?

— Помню, — так же крикнула я, — дальше что?

— Я, наконец, понял, в чем дело, — Макс мягко улыбнулся мне. Настроение, видать, у него уже выправилось, теперь, не в пример моему, было на уровне. На его уровне, — повзрослела, куколка. Ты — повзрослела.

— Вот так сразу? — не удержалась от иронии. — Всего-то за две недели?

— Именно, — ответил без тени улыбки, — именно так, — ответил, словно наградил.

Глава 9

Когда угасли первые — острые и яркие — впечатления после возвращения, колесо жизни покатило прежней колеей, входя в привычное русло. Отшумели мои рассказы, заняли почетные места на полках мамы сувениры, слегка стерлись, заветрились эмоции, даже немного отмылось мочалкой золото американского загара. А как-то однажды, за обедом в кафе, подружки вдруг огорошили меня, когда дружно решили закатить... вечеринку по случаю моего возвращения. Спустя, собственно, две с половиной недели после моего приезда в город.

Скорее всего, им просто нужен был повод, чтобы собраться. Да я не особо сопротивлялась. Учеба — учебой, но всем хотелось отдохнуть, точнее, взять и оторваться — и чтоб на полную катушку, и чтоб совсем не думать о последствиях, ошибки молодости никто не отменял. А ведь моя копилка все еще пустовала, и этот пробел я собиралась скоро восполнить.

Именно с такими мыслями я натягивала джинсы, застегивала мелкие пуговицы на блузе, вставая на каблуки, пристально разглядывая себя в зеркало. Мне нравилось то, что видела. Но если я и изменилась, то совсем незаметно, чуть. Я так и не поняла, что именно Макс тогда имел в виду. А понять ведь очень хотелось. Но мы не часто виделись. Теперь — нечасто. Да и спросить его об этом я бы никогда не решилась, опасаясь нарваться на привычную насмешку в глубине серых глаз.

Макс где-то пропадал вечерами. И так изо дня в день. Изо дня в день. Я не знала, где он... не знала, с кем. Прислушивалась к звукам в коридоре, потом мне это надоело. Ведь коридор оставался пуст независимо от времени суток, независимо от моего внимания, вопреки моим желаниям или капризам. Утром, когда спускалась в столовую, Макс снова мистическим образом исчезал. Словно... избегал меня, моего общества. А может, ему было на меня плевать. Откровенно плевать. Однажды даже дядя не выдержал, спросил за ужином у тети, где ее непутевый сын. А та не смогла ответить.

Я делала вид, что меня все это не касается. Посещала репетитора, который усердно ставил мне правильное произношение. Преуспевала. Досконально выполняла домашние задания, даже внепланово клепала рефераты или эссе. Сначала себе, потом и другим. Так со временем выбилась в лидеры среди однокурсников. Эдакая отличница-зубрилка. Просто супер. Конечно, искала себе новых друзей. Находила. Я общалась с разными ребятами, перебирая их, перелистывая, и мессенджеры порой фонтанировали, забрасывая личку сообщениями, на которые мне почему-то не хотелось отвечать...

Вот и сейчас, когда крутилась перед зеркалом в ванной, Макса не было дома, и я нарочно позволила себе чуть больше: косметики на лице, кудряшек в волосах, соблазнительности в одежде. Была мысль пригласить его на вечеринку, правда была, да и девчонки советовали, но удобного случая это сделать так и не представилось. Пришлось солгать, что Макс отказался... занят... у него другие дела... Пусть просто выберут нужный вариант, поставят галочку, где пожелают.

Прямо в такси наши планы внезапно поменялись, и место дислокации было успешно перенесено. Такая спонтанность была всеми встречена на ура, проголосовав единодушно, мы отправились в новый ночной клуб, где прежде никогда еще не бывали. Ехать пришлось долго, загадочно петляя по незнакомым улицам. Передавая по кругу фляжку с каким-то

горячительным, мы оглушительно смеялись всю дорогу, настраиваясь на мажорный лад, ужасно расстраивая водителя.

Потеплело, и снег немного подтаял, тревожа утрамбованный настил. Дружно вывалившись из машины, скинувшись и оставив Маринку расплачиваться, мяли сапожками слякоть и лужи, торопясь войти внутрь, приплясывая от нетерпения. Вышибалы все это время сканировали нас суровыми взглядами, но, когда подошли, препятствовать не стали, так что двери перед нашей веселой возбужденной стайкой оказались распахнуты.

Перешагивая через порог, уже будучи слегка навеселе, подняла глаза на мерцающую неоновую вывеску — размашисто, сверху вниз по всему фасаду. Клуб назывался незамысловато, но емко: «Нора». Выглядел соответственно. И находился в правильном месте. Не знаю, каким чудом мы сразу умудрились попасть в нужный тупик, ни разу не промахнувшись, но выбираться отсюда таксисту, должно быть, будет нелегко.

Нас было пятеро, разместились за шикарным столиком с диванами у стены, стреляя глазами в сторону танцпола. А потанцевать хотелось, атмосфера располагала к отдыху. Много людей, полутьма и взрывные ритмы — все это помогало размагнититься, забыть обо всем. Скоро запасы спиртного подошли к концу, с первым заказом мы разделались весьма успешно, а публика жаждала продолжения. Юльку уже прилично вело в сторону, когда она отправилась попытать счастья к приглянувшемуся парню под наши подбадривающие выкрики за спиной.

Меня, как самую трезвую и рассудительную, после недолгих обсуждений, снарядили к бару. Бармен пододвинул два наполненных стакана и отвернулся, чтобы обслужить следующего клиента. Дело за малым. Донести это добро до столика, не расплескав содержимое. Держа по коктейлю в каждой руке, не дыша, развернулась. И как нарочно, стоило оторваться от барной стойки, едва с кем-то не столкнулась.

— Осторожнее! — вскрикнула, в последнюю секунду уходя от нежелательного контакта. Выдохнула с облегчением, восстанавливая равновесие. Кажется, пронесло. Только собралась двинуться дальше, как меня придержали за руку.

— Вероника? Вот так встреча! Не ожидал тебя здесь увидеть...

Я подняла глаза. Прищурилась, собрав складки на лбу, судорожно копаясь в памяти, пытаюсь извлечь оттуда хоть какую-то полезную информацию. Копаться уже было трудно: сплошные буреломы, заросли сорной травы в глубоких теснинах.

— Женя, — напомнил парень, так и не дождавшись ответа. И я сразу все вспомнила: и первый день в универе, и старшекурсников, и Джона, и Руслана и... Макса... И — Макса... И — Макса... — идем, я провожу. А ты с кем здесь отдыхаешь?

Сморгнула болезненные сентябрьские воспоминания, усилием воли возвращая себя в сегодняшний день.

— С девчонками, — вздохнула, — ну, пойдем, что ли... поможешь донести.

Джон нашему цветнику пришелся ко двору — общительный, веселый парень. С ним были еще двое ребят — все из той же тусовки, они к нам тоже вскоре присоединились. И понеслось. Атмосфера стала дружелюбнее, жизнерадостней и, конечно, развязней. Много шутили, смеялись до слез. Пили тоже много. Не помню, почему разговор зашел о Максе. Может, кто-то из девчонок в очередной раз посетовал, что его с нами нет. А Джон обронил:

— Макс? Видел его на днях в «Апогее». Вместе с Ланой.

— Они что, помирились? — Маринка посмотрела на меня. Они все на меня уставились. Я обиделась.

— Мне-то откуда знать? Летопись его личной жизни я вести не собираюсь.

Залпом допила стакан до дна, грянула о столик. За малым не разбила. Взгляд Джона чуть дольше, острее задержался на моем лице. А дальше он снова принес мне выпивку.

Потом мы уже сидели на диване. Сидели с ним в обнимку, глубоко утонув, кажется, мне это даже нравилось. Точно не помню. Но стеснения не было. А Джон вдруг вытянул руку, медленно раскрыл ладонь — с интригой отгибая палец за пальцем. Посмотрел в глаза, гипнотизируя, точно заправский змей-искуситель.

— Хочешь расслабиться? Я же вижу, ты — хочешь, Ника. А я могу тебе помочь.

Да, я хотела расслабиться. Я, действительно, хотела — расслабиться, развлечься, насладиться музыкой и непринужденной атмосферой. Только почему-то не могла. Поколебавшись, аккуратно обхватила пальцами белоснежную таблетку, коснувшись подушечками гладкой кожи. Может, завтра я об этом пожалею? А впрочем, может быть, и нет. Ведь если не попробую — это навсегда останется секретом. Послушно открыла рот...

— Умница, — выдохнули в ухо.

Запила коктейлем.

Женя одобрительно поднял палец кверху. Я и сама уже чувствовала себя храброй маленькой девочкой.

А скоро — Алисой в стране чудес. А может, Буратино в стране дураков. А Джон не отходил от меня, смотрел, не отрываясь, потом — уже не отлипал. Все время шептал что-то, уговаривал, склоняясь все ниже, почти укладывая на диван, наваливаясь, пытаюсь поцеловать, как-то отметить, запатентовать что ли. Мне не хотелось. Мне ничего не хотелось. Но как ему помешать?

— Поднимемся в вип-зал? Тебе хорошо, Ника? Хорошо? Сейчас будет еще лучше. Какая же ты красивая... ты так приятно пахнешь... так вкусно... ммм... мне хочется тебя съесть, всю... целиком. Ну, пойдём?..

Сделала слабую попытку высвободиться. Мало-помалу получилось. Мне не хотелось быть съеденной. Не им. Отпечаток жадных торопливых губ остался на моей шее. Липкий неприятный след. Загорелось немедленно пойти умыться. Вот же он... выход. Пусти...

— Мне нужно в туалет. Мне нужно...

Тогда, наконец, он отпустил меня.

— Возвращайся скорее. Я жду тебя здесь.

Нашла нужный коридор. Почти без усилий. Хотя уже плохо ориентировалась в пространстве. Пройдя сквозь людей, мимо парочек, что зажимались по углам, нашла свободный угол, куда музыка почти не доставала. Это было непросто, но я — нашла. Забилась. Уперлась лбом в стенку. Закрыла глаза. Хотелось плакать. Хотелось сделать себе больно. Очень больно. Чтобы потом стало хорошо. Потому что потом обязательно будет хорошо. Ведь так?..

— Слушаю, — отрывисто произносит кто-то. Кто-то, кто способен без мата снять трубку после второго гудка в полпервого ночи, чтобы ответить на мой вызов.

И я с удивлением узнаю голос Макса в трубке. Только вот зачем я ему звоню, из головы выветрилось напрочь. Почему именно ему? Сейчас? Мысли плывут по воле сумбурных волн... с абсолютно обвисшими парусами. Зюйд-вест, что был подвластен мне когда-то, исчез, иссяк, и ног коснулось дно...

Макс устал ждать.

— Ну, говори, я тебя слушаю.... Ника, я знаю, что это ты, у меня забит твой номер. И твое молчание, конечно, загадочно и даже поэтично, но со мной это не прокатит... Скажи, что ошиблась, повесь трубку. Я пойму.

— А если я не ошиблась?

— А если не ошиблась, скажи, зачем звонишь мне.

— А если... просто поболтать?

— Поболтать? — удивленно переспрашивает Макс. На заднем плане — приглушенная музыка, ласковый женский голос вновь окликнул его по имени, но Макс не отозвался, только стукнула дверь, и все звуки стихли. Я узнала этот голос. Значит, он действительно сейчас с Ланой.

— Ты хочешь поболтать со мной? Сейчас? Что за детские выходки? Ты, случаем, берега не попутала?

— Ничего я не попутала. Почему ты всегда такой невыносимо грубый со мной? Что я тебе сделала? — смертельно оскорбилась, — и я давно уже не ребенок, вот так. Если ты еще не заметил... И у меня вообще-то есть мысли... и чувства... у меня есть свои собственные личные чувства, Макс. Но знать тебе об этом необязательно. И я тебе никогда не скажу. Никогда и ничего... потому что тебе все это па-па-ра-лель-но... ты понял?

— Понял я, понял. Ты где?

— А тебе-то что? Завидуешь, что мне весело? Без тебя? — противно хихикаю, — вот и не суй свой нос, куда попало.

— Чего?? Это ты меня набрала, помнишь? Где ты находишься, чудила?

— Я не чудила, — снова обиделась, — и я ничего тебе не скажу. Ничего!

Макс молчит. Точнее, недовольно пыхтит в трубку.

— Ника, ты лучше не зли меня сейчас. Откуда ты звонишь? Говори. Я приеду и заберу тебя... пока ты не натворила глупостей. Если уже не натворила...

— Я не... да не знаю я, где...

— В смысле не знаешь? Але. Ты на приколе? Где ты, Ника? С кем? А родители в курсе? — все больше распаляется Макс.

— В курсе. Конечно, в курсе. С друзьями. Я — с друзьями в... клубе. Мы, кажется... в каком-то новом клубе. В какой-то мрачной темной... дыре...

— С какими еще друзьями? Диктуй адрес клуба.

— Я не знаю адреса. Не знаю я никакого адреса! Ну, до чего ты приставучий... в самом деле...

— Это я приставучий?? А ну-ка, кидай геолокацию. Живо, — на заднем плане слышится какая-то суета, возня, посторонние звуки, что-то упало, и Макс выругался, кажется, он собирается в спешке. — Я все еще жду, Ника. Черт, или мне самому тебя отыскать? Но тогда тебе не поздоровится, куколка, это я тебе обещаю... В этом можешь даже не сомневаться... влетит по самое не хочу... и совсем скоро...

— Ой, да сейчас скину... тоже мне нашел проблему... И чего ты такой нервный, Макс... расслабься...

Все происходящее кажется сном, видится грезой наяву, будто не со мной происходит...

Я отняла трубку от уха, наморщила лоб, прикрыв один глаз, чтобы лучше сфокусироваться, пытаюсь сообразить, как определить геолокацию. Но едва мои пальцы пустились в пляс по кнопкам, экран вдруг погас. Это я так сделала? Кажется, нет. Выходит, батарейка все же села. Как водится и как назло, в самый неподходящий момент.

— Нет, нет. Только не это... ну, не сейчас же... — я продолжала нажимать, пытаюсь реанимировать телефон, еще не понимая, что без питания это невозможно. Надо найти зарядку, спросить...

Почувствовала чужое присутствие. В моем закутке, действительно, появился Женя.

— Ты звонила Максусу? Это был Макс? Ты же с ним сейчас разговаривала? Я слышал...

Кивнула, с тихой грустью в ожидании чуда продолжая глядеть на вырубившийся экран.

А Джон вдруг заволновался.

— Что он сказал? — я не ответила, и он настойчиво потрепал меня по плечу, — Ника что сказал Макс?

Я удивленно воззрилась на него.

— Что такое? А почему ты нервничаешь? Не любишь Макса? Ты почему не любишь Макса... ааа?

Он усмехнулся, а потом вдруг вкрадчиво спросил, одновременно пытаясь взглядом:

— А ты, Ника? Ты его любишь? Скажи... ты, что ли... ты влюблена в Макса?

Наверное, я глубоко задумалась над услышанным, подвисла, потому что он даже немного меня потормошил, пытаюсь вернуть в чувство. Ну, нет, так просто я ему не сдамся.

— Тсс... не шуми. Это же тайна, — засмеялась, — а ты что, не знал? Все любят Макса. Здесь все любят Макса. Любую девчонку спроси... любую. Как его можно не любить? Это же Макс... Это же...

Женя поморщился, быстро останавливая поток моего сознания. Видимо, не готов был к таким откровениям.

— Так что он тебе ответил, Ника? Он приедет? Макс едет сюда?

Я хотела, чтобы этот коварный человек, наконец, отвязался, оставил меня наедине с моими мыслями. Поэтому убежденно сказала, снова нехотя отрывая глаза от выключенного экрана.

— Конечно. Макс приедет за мной. Он обязательно приедет. Обязательно. Вот увидишь. Даже не заметила, в какую из следующих минут осталась совершенно одна.

Вернуться назад, к девчонкам, оказалось непростой задачей. Практически непосильной. Судя по всему, наркотик, помноженный на алкоголь, уже начал действовать, по-свойски хозяйничать в моем организме, совершенно не заботясь о том, что испытывает при этом его владелица. В глазах двоилось, потом начало трояться. Кажется, я зацепилась пальцами за чье-то незнакомое плечо, и люди сочувственно расступились. Благо, никто из них не воспользовался ситуацией, а может, они сами были под дозой. Скорее почувствовала, чем увидела: меня куда-то усадили. Мне было все равно куда. Немного напрягши зрение, поняла, что сижу за барной стойкой. Сажу мертво, лицом к танцполу, блаженно прикрыв глаза. До столика мне не добраться. Ни за что не добраться. А вокруг нет никого. Никого, кто хоть отдаленно был похож на знакомого. Старого или нового. Неважно. Это все ерунда. Я же хотела остаться одна... мне хорошо одной...

Не знаю, сколько времени провела, сидя там без движения. Точно кукла в красивом платье на полке магазина. Вот только я не кукла, а куколка, платья на мне нет, да и покупатели проходят мимо, даже не пытаясь прицениться. Яркая вспышка. И я в новой фазе. Она мне нравится больше. Я хотя бы могу шевелиться. Вдруг резко захотелось двигаться, руки и ноги начали понемногу отмирать, шевелиться, как и губы. Невероятно, жгуче, до рези в горле захотелось пить. Ничтоже сумняшеся развернулась, хлебнула из чужого стакана, беспрепятственно утоляя возникшую жажду. Поглощенный флиртом с соседкой хозяйин даже

не заметил. Снова повернулась лицом к диско-шару, как к солнцу подсолнух. Допинг был засчитан, мне уже просто до одури хотелось танцевать.

Глаза открылись и... неверяще, а потом восхищенно расширились. Там, по ту сторону танцпола... стоял Макс. Провела руками перед носом, будто липкую паутину желая снять. Новый пас в другую сторону. Нет, не помогло.

— Ты нашел меня... — прошептала, глядя, как он решительно пробирается ко мне сквозь толпу, видит в толпе только меня. Благодарность и теплота... до нестерпимо острой, разрывающей душу боли разлились по сердцу. Все остальные чувства отступили, неизбежно, как морские волны с отливом. Только Макс. Совсем близко... Но почему мне хочется сбежать?

Хочу уйти. Не могу сделать ни шага, и накрывает слепая паника: ноги будто свинцом налились, да и он держит взглядом. Вспышки света, яркие всполохи неоновых огней, колдовские ритмы музыки. Я не здесь, я — в капкане, будто в одной альпинистской связке. Только если он успеет в последнюю секунду оттолкнуться от склона, меня по нему просто размажет. Кажется, он об этом догадывается. А может, знает наверняка: губы чуть вздрагивают в едва заметной усмешке, угадываю вибрацию тихого дразнящего смеха. Он смеется над моей беспомощностью, упиваясь собственной властью. Делает шаг ко мне... перед глазами плывет, и я теряю точку опоры, больше не чувствую почвы под ногами... и я падаю...

В последний момент чувствую его руки, сомкнувшиеся на предплечьях, они шелком скользят по локтям, оглаживают плечи. Он не дает мне упасть, держит твердо, уверенно. Расслабляясь, оседаю глубже, позволяя обнимать меня, управлять мною, смело отвечаю на его улыбку. Но, увы, улыбка Макса стерлась без следа, его жесткий голос опускает меня на землю.

— Дай сюда свой телефон.

Улыбаясь, протягиваю ему севший аппарат. Наблюдаю, как Макс проводит с ним несколько нехитрых, но бессмысленных манипуляций, потом раздраженно запикивает в свой карман. Все это кажется мне очень забавным. И я не сдерживаю себя, смеюсь.

Сердито хмурится от своей догадки, склоняясь к самому моему уху:

— Смешно тебе? Смешно, да?! Ты что нахрен под кайфом?

В ответ расплываюсь в глуповатой улыбке, набираюсь храбрости, сегодня я смелая, как никогда, потому что он так близко... тянусь, чтобы поцеловать его. Промазываю, не успеваю коснуться даже щеки, Макс не обращает внимания на эти мои нежности, резко встряхивает меня, так же резко отпускает. Щелкает пальцами перед глазами, а когда я не реагирую, его большой и указательный вдруг обхватывают скулы, впиваются цепко, сдавливают, заставляя широко распахнуть глаза. Наблюдая за выражением моего лица, хмурится все сильнее. Злится.

— Я спрашиваю. Ты — отвечаешь. Под чем ты? Что приняла? Отвечай! Не слышу.

— Таб... таблетку.

— Где взяла? — почти рычит в лицо, — кто тебе дал таблетку? Кто?!

Мне так трудно сосредоточиться, неужели он не понимает? Сейчас не время для глупых ребусов. Сейчас не детское время. Ноги не могут остановиться, воля и разум спят беспробудным сном, тело продолжает топтаться под ритмичную музыку, покачиваясь, я таю в этих волшебных ритмах, утекаю, совершенно теряясь в незнакомых дурманящих ощущениях. Напряжение потрескивает, искрится в кончиках волос, отдается в бедрах.

Почему Макс не может просто расслабиться, как я?

— Потанцуй со мной. Давай же... Маакс...

И он, действительно, берет меня за руку. Еще мгновение — закружимся в танце. Что будет после, я не знаю... Мы будем танцевать всю ночь или...? Но вместо этого хватка становится крепче, я морщусь, разочарованно хныкая, пока он тащит меня куда-то на буксире. Тащит в пустоту. Танцпол остается позади, я с сожалением провожаю глазами его призывные огни, веселая музыка больше не будоражит кровь, стены давят, коридор никак не хочет заканчиваться. О, нет, он заканчивается внезапно — ослепительным светом. Значит, это тоннель? Кручу головой по сторонам. Мы на станции? А где же поезд?

Здесь кто-то визжит, будто по живому режет. Скрежет, грохот и медь... Платформа? Едет состав? Я устала угадывать, прикрываю глаза, прислоняюсь к холодной стене. Чего-то жду. Тук-тук... тук-тук... стучит сердце и пульс в ушах. Где-то бьются тарелки, их становится все больше — на кухне настоящее побоище. А может, это бьют в литавры. Если это оркестр, я хочу сидеть в первых рядах.

— Все вон! На выход! Пошли вон отсюда!

Свирепый голос Макса не дает мне насладиться музыкой, женский визг уже прекратился, хлопают двери. Или это аплодисменты? Спohватившись, тоже начинаю хлопать в ладоши. Не хочу стоять белой вороной.

Руки бессильно опускаются. Что-то неуловимо изменилось. Нас двое. Мы стоим перед огромным зеркалом. Я замерла, как кролик перед удавом. Вижу только его отражение в своих расширенных зрачках. Полумрак. Тенью падшего ангела Макс за моей спиной, распростер свои крылья, лопатками чувствую их тепло... как от печки. Он хочет покарать меня, я это знаю, по его красивому лицу разливается ярость, затапливает глаза. Еще немного, и он не сможет сдержаться, но Макс молчит.

В полнейшей тишине разворачивает меня к себе, осторожно убирает спутанные волосы с лица. Я думаю, он, наконец, решится меня поцеловать, и не сопротивляюсь, не дышу. Он стягивает волосы в хвост, действует осторожно, прибавляет волосок к волоску, как заботливая мать, моя голова покорно, непроизвольно запрокидывается. Макс может сейчас сделать со мной все, что захочет, и я позволю. Он это знает, я читаю это в его сумрачных глазах. Я знаю, что он это тоже знает. И он делает. Требовательно нажимает на подбородок, заставляя приоткрыть рот, и... уверенно вводит два пальца прямо в плотку. Глубоко. Непозволительно глубоко.

Тошнота затапливает неожиданно и ментально, ударяет, как таран. Горло сжимается от спазмов, в желудке просыпается спящий клубок недовольных змей, он шевелится, растет, что-то подскакивает прямо к glandам, едва успеваю крутнуться — и меня выворачивает наизнанку прямо в раковину. Макс включает воду.

Не знаю, как долго я стою, низко склонившись над сливом, кашляя, пытаюсь отдышаться. Пальцы, вцепившиеся в края раковины, совсем онемели. Звонким ручейком журчит вода, медленно закручиваясь по спирали. Это единственный звук, что меня окружает. Уже все?

Едва рвота прекращается, Макс умывает меня. Его руки грубые и мстительные, он хочет, чтобы я захлебнулась, хочет заставить меня страдать. Начинаю потихоньку сопротивляться, но он снова разворачивает меня к себе. Вижу горлышко прозрачной бутылки. Из нее льется вода. В меня. Насильно. Безжалостно. Я не хочу пить, мой желудок итак расстроен, в горле саднит, желчь раздражает трахею. Мне холодно. Мне мутно и больно. Я начинаю мелко

дрожать, пытаюсь оттолкнуть его руки... Сколько же у него рук?

Ненавистная вода продолжает литься, заливая нос, подбородок, топит воротник и блузу, попадает даже на рукава его свитера, и он закатывает их до локтя. Мы оба мокрые и злые. Мы дрожим. Или дрожу только я, а Макс просто злится? Он матерится сквозь зубы, но попытки меня напоить не прекращаются, и пытка продолжается... Конечно, Макс побеждает. Он всегда побеждает. Как только бутылка пустеет, меня снова немилосердно рвет перед ним. Это неизбежная реакция организма. Но как же это унижительно.

В дверь неустанно стучат, молотят, точно гвозди в голову вколачивают. Там кричат, ругаются, они нас ненавидят, и меня пробивает озноб. Теперь меня бьет крупная дрожь, точно пойманного в силки зайца. Я потеряна. Сломлена. Что я делаю в этом ужасном месте? Хочу отсюда уйти. Кажется, произношу это вслух, потому что мы сразу уходим.

Лица вокруг... сколько же вокруг людей, целые колонны, полчища. Фигуры сливаются в единую размазанную массу, наступают, уродливо кривляются, растягиваются, извиваются. Я теряю его руку... испуганно отступаю за его плечо, хочу забыться, исчезнуть, затеряться в толпе, но он снова ловит мои пальцы, жестко стискивает, выдергивая из-за спины, ловко, точно с грядки морковку. Земля воздушным шариком уплывает из-под ног, а когда я понимаю, что он несет меня на руках, вжимаюсь в плечо, теперь боюсь отпустить, сминаю свитер на его груди, растягиваю, до одурения сжимая в кулаке. Больше не отпущу. Если кто-то способен спасти меня сейчас, только Макс.

— Не бросай меня, — прошу, мой голос звучит так жалко, но я повторяю снова и снова, — пожалуйста, только не бросай. Не бросай...

— Не брошу, — покосившись, криво усмехается Макс, — мощно же тебя накрыло.

Я прихожу в себя только в машине. Озноб не прекращается, но Макс уверяет, это скоро пройдет, накрывает плечи своей курткой. Я ему верю. Я верю этому запаху. Это надежный запах.

Он наклоняется ко мне, спокойно смотрит прямо в глаза, а потом с его губ слетает только одно слово:

— Кто?

Как ни странно, я его понимаю. Опустив глаза, нехотя называю имя. Если он не дурак, должен был уже успеть потеряться из клуба. Навсегда.

Получив ответ, Макс сразу уходит, предусмотрительно заблокировав двери в машине. Но мне итак некуда идти. На берегу больше ничего не держит. Оставшись одна, отчаливаю, уплываю. Перед глазами пелена, я расслабляюсь, будто в лодке покачиваюсь. На рассвете. В камышах. Здесь мне тепло и комфортно.

Когда туман рассеивается, вижу, что Макс сидит рядом. Давно он вернулся? Его руки расслабленно лежат на руле. Окровавленные руки... Между пальцев одной — тлеющая сигарета, дым тонкой струйкой вьется, просачиваясь через щелку в окне.

Он замечает, что я открыла глаза. Поворачивает голову. Его взгляд ничего не выражает. Совсем ничего. Там, внутри — только пугающая пустота.

— Ты его наказал? — тихо спрашиваю, заранее зная, каким будет ответ.

Подумав, он кивает головой. Я изучаю каждую намечающуюся морщинку на его лице. Запоминаю.

— Меня ты тоже наказал, — слова даются с борьбой, — теперь мы можем ехать домой? Не соглашается, медленно мотает головой.

— Ты обдолбанная. Домой сейчас нельзя.

Я выворачиваю шею, скольжу рассеянным взглядом по окнам, пытаюсь разглядеть, что за вид снаружи. Напрасно, кругом глубокая ночь, мрак. Ничего не вижу, только темные силуэты домов, что нас стражами окружают, машина стоит в каком-то глухом проулке, здесь даже фонари не горят.

— Тогда давай спать?

Сидение давно разложено, осталось улечься поудобнее. Я это и делаю, сворачиваюсь уютным клубочком, прижимаюсь щекой к тканевой обивке. Смотрю на него. Я долго на него смотрю. Слишком долго. Подозрительно долго. Я все еще не в порядке, не могу себя контролировать. Макс больше не злится, откинувшись на сидении, смотрит в ответ. Смотрит с какой-то необъяснимой нежностью, смотрит так, словно внутри прячет еще много недосказанного, невысказанного. Внутри его молчания целый ящик Пандоры.

— А ты итак спишь, Ника. Осталось только закрыть глаза. Ну же, закрывай.

И я послушно смеживаю веки. В ушах мгновенно появляется шум. Морской. Ракушечный. А в нем — приливы и отливы, и вой прибоя, и шелест ласковых волн. Меня качает... уносит... нянчит...

— Мы уже на море? — бормочу какую-то нелепицу под нос сквозь эту баюкающую полудрему, — уже здесь?

— Ты хочешь на море, куколка? — спрашивает Макс, а может, его нежный голос мне только снится, но все равно отвечаю. Не знаю, вслух ли?

— Очень хочу. Макс, отвези меня на море...

Не успеваю договорить: мгновенно, как в омут с моста, падаю в объятия Морфея.

Я открыла глаза, и взгляд непонимающе задержался на потолке. Машина. Я до сих пор в машине Макса. Значит, мне все это не приснилось. Поморщилась. Так и есть. Какой ужас. Вчерашние события хотелось стереть из памяти, раз за разом безжалостно пропуская через щедер. Вплоть до полного уничтожения.

В голове гудело, будто волна за волной на берег накатывала. Таким и бывает отходняк? И вот я стала наркоманкой. Сомнительное достижение. Гул не проходил. Но ведь я уже проснулась, и я трезва, как стеклышко, тогда откуда этот неясный рокошущий звук. Он вроде бы в голове... или снаружи? Не понимаю. Осторожно пошевелилась, села, раздраженно сбрасывая с плеч куртку Макса, под которой умудрилась вспотеть. Сидение рядом пустовало, двигатель не работал, хотя, могу поклясться, всю ночь я слышала его тихое урчание. В машине я была совершенно одна. Выпрямилась, с любопытством взглянула вдаль сквозь лобовое стекло, и... обомлела.

Занимался суровый рассвет. Прямо перед капотом раскинулось серо-зеленое, безбрежное, не сразу и взглядом окинешь, море. В первую секунду захотелось протереть глаза с мылом. Море штормило, шипели сердитые волны, перекатываясь ртутью, а пляж был совершенно пустынен, вот только... взгляд не сразу зацепился за одинокую фигуру. Макс. Он стоял спиной ко мне, рядом с машиной, неподвижно, почти сливаясь с облачно-дымным горизонтом, заложив руки за голову, глубоко вдыхая свежесть морского воздуха. На капоте — пара стаканчиков, такие обычно продаются на заправках.

Я нервно сглотнула. Опять нестерпимая жажда. Пить хотелось страшно. Выбралась из машины. Макс не обернулся, даже когда хлопнула дверь. Встала рядом, молча, по-деловому протянула его куртку, он так же молча принял ее из моих рук, нырнул в рукава. Здесь было

очень холодно, сыро, свирепо сыро. Наверняка он замерз невероятно, пока ждал моего пробуждения в одном тонком свитере. Холодный ветер усиленно трепал волосы, развеивая поземкой песка под ногами остатки сна и сонного тепла.

Где-то над волной пронзительно-огорченно закричали чайки, стоило мне заговорить:

— Ты сумасшедший. Тебе же пришлось столько ехать, чтобы... и только из-за того, что я ляпнула, не соображая...

Макс не ответил, не оглянулся на меня, а я вдруг со всей полнотой осознала, какая я дура, что зря я набрасываюсь на него с этими нелепыми обвинениями, что почтительного молчания между нами сейчас было бы достаточно, а все эти слова... Это никому из нас не нужно, все это наносное, лишнее. Как обрывок вчерашней газеты. Как надтреснутая тарелка. Как скомканный конфетный фантик. И сдавленно произнесла:

— Спасибо, Макс. Я этого не забуду.

И он эхом отозвался.

— Не забывай.

Протянул руку, а когда я приблизилась, присел на капот, поставил меня перед собой, осторожно обнял. Ладони грел бумажный стаканчик, я осмелела, позволила себе доверчиво облокотиться на Макса спиной, а он только прижал меня крепче, дыша в затылок, соединил перед собой руки в замок. Я не сбегу. И мы надолго так застыли, восхищенно наблюдая, как над могучей древней стихией лениво разгорается новый день. Ненастный. Мглистый. Ворчливый. Наш.

Я не отводила глаз от сердито вздыхающего левиафана, вышедшего из первозданного хаоса, тонула в нем, погружалась все глубже, растворялась, становилась его маленькой капризной песчинкой, и это чувство поглотило меня с головой, полностью. Я ушла в него, меня затянуло, как в стремительный пенный водоворот. А может, дело вовсе не в опьяняющей близости моря, а в том, кто внимал его далекому зову вместе со мной.

Когда стаканчик опустел, я повернулась к Максиму, чтобы прижаться щекой к груди, слушая, как умиротворенно, размеренно стучит его сердце. Так же, как мое собственное. Он не пошевелился, не оторвал взгляда от горизонта, только улыбнулся самым краешком губ, согревая своим теплом мои руки.

Наконец, когда в моем животе неожиданно громко и ультимативно заурчало, я услышала его вздох. Нехотя отлепилась, потому что он уже завозился подо мной, поднимаясь.

— Пора ехать. Придется тебя еще и накормить. Так и быть, по пути где-нибудь остановимся, перекусим.

Перед тем, как опуститься на сидение, я замаялась, не зная, как он отреагирует на мое предложение. Все-таки решила озвучить.

— Давай я сяду за руль, — он молча смотрел, слушал, — хотя бы часть пути, Макс... ну, хотя бы до города... я поведу... ты же устал... Я умею водить, ты не думай... меня папа научил...

Он отреагировал предсказуемо, в своей неподражаемой максовской манере.

— Минуточку. Хочешь, чтобы я пустил тебя за руль моей машины? Моей. Машины? — уточнил, а когда я кивнула, обидно рассмеялся, — губу закатай, куколка. Я что, похож на сказочного джинна? Я не собираюсь исполнять ВСЕ твои желания. Так что сядь на свое место и постарайся не отсвечивать... не то, чего доброго, еще начну припоминать твои вчерашние чудачества. А мне ведь есть, что вспомнить, дорогая...

Домой мы вернулись уже где-то между обедом и ужином. Я берегла Макса, проторчав в придорожном кафе чуть больше времени, чем требовалось, да и сам он, по-моему, обратно не особо спешил. Перебрасываясь шутками, вошли в дом и застали необычную для рядового буднего дня картину. Дядя и тетя вместе в гостиной безмолвно и жутко на нас смотрят.

— Что случилось?

Это потом я узнала: если у моего телефона села батарейка, то свой телефон Макс по привычке отключил на ночь сразу после встречи со мной, даже не удосужившись сообщить родителям, что мы — вместе. Да так и не включил... Но если к его внезапным исчезновениям они давно привыкли, то к моим — нет и еще раз нет. Каюсь, я ведь и сама не догадалась сообщить родственникам об изменившихся планах. Но мне, лежащей в отключке, было простительно.

Ко времени, когда мы вернулись, тетя успела обзвонить каждую больницу в городе, каждую мою подружку, чей телефон по сарафанному радио смогла раздобыть. А поскольку ни одна толком не сумела объяснить, на чем мы вчера расстались, тетя готовила себя к звонку моим родителям, иступленно сморкаясь в платочек. Дядя, который провел бессонную ночь рядом с ней и сегодня забил на работу, уже несколько часов подряд рвал и метал, с нетерпением поджидая первоисточник своей злости.

Стоило нам появиться, не поздоровавшись со мной, чего никогда не бывало, угрожающе бросил Макс:

— Ты — идешь за мной! Немедленно!

Задвигался Макс, задвигалась и я — машинально пошла следом, чувствуя, как заполошно колотится сердце, но он вдруг с силой нажал на мои ключицы всей пятерней, оборачиваясь и выставляя вперед руку.

— Куда собралась? Сам все объясню. Я сказал — останься.

Мы слышали, как дядя кричал на него в кабинете. Обычно спокойный и уравновешенный мужчина пребывал в состоянии крайнего бешенства, с трудом владея собой.

— ТЫ можешь делать все, что пожелаешь. Все! Я никогда ни в чем тебя не ограничивал, ты знаешь. Катись, куда вздумается... хоть к черту на кулички. Ночуй в полицейских участках... вытаскивал. Ввязывайся в потасовки... отмазывал. Вытворяй, что в голову вступит... Ты всегда так и поступал. Я тебе слова не сказал поперек, ты — сам за себя отвечаешь. Ты! Но не она!! Вероника еще несовершеннолетняя... ответственность за нее лежит на нас! На нас с матерью! Случись что... Ничего с ней не случилось? А это не твоя заслуга, сын! Чем ты думал? Нет, ты чем думал, а? Это было так сложно? Предупредить... А сам... ты что, сидел пьяным за руль? Не лги, Максим, говори как есть... я же все равно узнаю... В таком случае где вас носило столько времени?? Ну, куда тебя понесло на ночь глядя? Скучный день выдался... развлекаться? Ах, просто на море смотались?? Туда и обратно... Да что за наказание мне с тобой. Ты издеваешься? Нет, ты точно был пьян... точно... лучше признайся сейчас... Ладно, а ее зачем за собой поволок? Прихватил? За компанию?? Тебе компании не хватает? Тебе, черт возьми, компании не хватает? А ты знаешь, что твоя подружка звонила сюда всю ночь? Каждый час звонила... всю эту проклятую ночь! Не знаешь... На матери уже лица нет!! Тебе на всех плевать, да? На всех?

Запомни: для Вероники ты — плохая компания. Ты очень плохая компания, сын, и чем быстрее ты это поймешь...

Вселенная оказалась очень мстительной стервой, потому что в этот момент в дверь требовательно зазвонили — долгой отчаянной трелью — заставив нас с тетей встревоженно переглянуться. Она шевельнула занавеской за плечом, сразу же поднимаясь:

— Кажется, Лана приехала... но как же не вовремя...

Я нервно и кривовато улыбнулась. Не слишком много драмы для одного дня? Кто-то из прислуги уже отправился открывать, и мы немедленно услышали ее голос. Звонкий возбужденный голос. Очень разгневанные вопли.

— Макс! Я знаю, ты дома! Твоя машина стоит во дворе... Выйди ко мне, имей смелость! — ей что-то ответили, и Лана повысила голос, уже с намечающимися истерическими нотками, — я просто хочу его увидеть. Пусть он выйдет! Нет, пусть немедленно выходит! Пусть все мне расскажет... Макс!! Тебя видели в новом клубе! С кем ты был? Скажи, ты мне... ты снова... Это тоже пустяк, да?? Пусть он расскажет, если не трус... я хочу услышать его объяснения... или я сама войду. Я — его девушка, я войду, пропустите!

Тетя немедленно забарабанила в двери кабинета, но те итак уже распахнулись. Мужчины прекрасно расслышали, что происходит у порога. Решительно убрав с дороги мать, Макс направился напрямиком к дверям.

— Чудесно... Просто отлично! Bravo! — напутствовал его раскрасневшийся отец, выходя следом, — и здесь отличился... только скандала нашей семье сейчас и не хватает. Давай, действуй, сын! Действуй! Соседям просто не терпится узнать подробности твоей насыщенной интимной жизни!

Макс хмуро глянул на меня, проходя. Я в ответ — виновато. Мой необдуманный поступок повлек за собой целую лавину неприятных последствий, я знала, это надо срочно исправлять: я должна что-то сделать, восстановить справедливость. Все неприятности сыплются на голову Макса, а не на мою, бестолковую... а ведь он ни в чем не виноват. Ни в чем. Ну, разве что не позвонил родителям... но это тоже из-за меня, из-за моего ночного звонка ему.

А Макс вдруг притормозил, словно без слов разгадал мои намерения.

— Даже не вздумай сейчас облегчить свою совесть. Ни перед кем, — пригрозил шепотом, — будет только хуже. Стой, где стоишь, поняла? А лучше — иди к себе, — я продолжала смотреть, и он закончил со стальными нотками, взявшись за мое плечо, — ты меня слышала, Ника?

Пришлось кивнуть, закусывая губу.

— Хорошо, — кивнул в ответ.

Оттеснив прислугу, закрыл проем своей грудью, не давая Лане пройти внутрь. Прежде чем дверь за Максом затворилась, мы все услышали:

— Где ты был?? Я прождала всю ночь... твой телефон отключен... Это что... на тебе вчерашняя одежда?! Твой вчерашний свитер, я не слепая... Ты что, только сейчас вернулся?.. За дуру меня держишь? Где ты был? С кем?? — Лана уже визжала, — скажи, с кем ты был! Я хочу это услышать! Нет. Не трогай меня, мерзавец... Не трогай! Кто она? Кто — она?! С кем ты меня делишь? Ты с кем-то переспал, да? Ты ублюдок... ты мудака... Макс, какой же ты... конечно, переспал!

— Прикуси свой язычок, Лана. Нахер весь этот цирк?

Под любопытными взглядами соседней они спустились с крыльца.

Не выдержав, разъяренный дядя первым покинул аванпост, оглушительно громко хлопнув дверью, так что осыпался кусок штукатурки. Я только обернулась на звук. Дядя пребывал в ярости, наверное, действительно, ему лучше побыть одному. Оседая в мягкое кресло, тетя залилась слезами, роняя лицо в ладони. Нужно было предложить ей стакан воды... подать салфетки... хотя бы что-то утешительное сказать, но сейчас я была просто не в состоянии кого-либо успокоить, так и застыла столбом, пока Макс один там разгребал все это дерьмо. Потом подошла к окну. Меня туда тянуло неодолимо.

Они стояли возле машин. Лана кружила вокруг, суетилась, нападая с обвинениями, отскакивая, как шарик для настольного тенниса — пинг-понг — не зная, с какой стороны к нему подступиться, я видела, как открывался в крике ее рот. Машина, на которой приехала — поперек площадки, вывалившись задним колесом на улицу, брошенная, с открытой водительской дверью. Лана туда не смотрела, все ее внимание сейчас занимал Макс. Мое — тоже. Стоял — вполборота ко мне, опираясь на крыло внедорожника, скрестив ноги, сунув руки подмышки. Расслабленная, но закрытая поза. Он не подпускал ее к себе. Не пускал, отгородившись. А меня? Меня он тоже никогда к себе не пустит? Может, не умеет?

Кто-то из соседей прошел по улице со шпиром на поводке, неприлично приоткрыв рот, явно наслаждаясь скандалом. Макс заметил, лениво помахал ему, и поводок послушно натянулся, уводя питомца.

Я отошла. Я видела достаточно. Поднялась по ступенькам, предупредив тетю, что буду у себя. Не хотелось ни с кем говорить. Никого видеть. Я не знала, что мне думать. Поведение Макса меня озадачило. Он взял всю вину на себя. Зачем? Значит, ему на меня не плевать. Ступенька. Не плевать. Еще одна ступенька. Не плевать. На самом верху, взявшись за перила, я остановилась, глубоко вздохнув. Захотелось немедленно прояснить ситуацию. Убрать Лану с дороги. Мне поговорить с ним важнее. Понять, почему так сделал. Решила дожидаться его здесь, прислонившись к стене, перебирая последовательно в памяти все недавние события. Как это тягостно — ждать его.

Услышав глухой металлический удар внизу, в момент очнулась от водоворотных мыслей, бросаясь к окну, впиваясь в подоконник. Лана уже сдавала задним ходом, но не надо быть Шерлоком, чтобы понять: выезжая, она поцарапала внедорожник Макса — процарапала весь бок, оставив в отместку за свою оскорбленную гордость глубокие, длинные, как ее ногти, царапины. Похоже, разговор на подъездной дорожке закончился скверно.

Это был удар ниже пояса. Чувствительный. Запрещенный. Я знала, как Макс относится к своим машинам. Лана тоже это знала, не могла ведь не знать, наверное, потому так поступила. Она его раскочакала напоследок — от былой невозмутимости не осталось и следа. Сначала Макс просто сидел на корточках, взявшись за голову, запуская пальцы в волосы, разглядывая повреждения. Оценивал критический ущерб. К нему присоединился отец с непрошенными, наверное, советами, а может, разделяя его чувства. Тетя осталась в открытых дверях, ближе подойти не решилась.

Потом Макс снова остался один. Разговаривал по телефону с сервисом, безостановочно кружа вокруг авто, прикасаясь, словно перед другом извиняясь, постоянно трогая искореженное покрытие. Начался дождик. Сначала — хмарью, с легких воздушных капель, потом усилился, наседавая. Он словно не замечал. Не укрылся под навесом, не зашел в дом, хотя мать звала, пока не вымок до нитки. Из-за дождя наступил ранний вечер, весь мир пролился тусклыми серыми красками, размазывая картинку за стеклом. И на душе было так

же пасмурно.

Дождь плавно перешел в мокрый снег. Ударил входная дверь, и я вздрогнула. Не отзываясь на голос тети, как неуправляемая баллистическая ракета, Макс взлетел вверх по ступенькам, здесь поднял голову и... наткнулся на меня. Я стояла в полутьме, пошевелилась. От неожиданности он остановился, ведя ладонью по мокрым встрепанным волосам, и этого хватило, чтобы я зачестила, подходя и заламывая руки:

— Макс, прости меня. Это я во всем виновата. Прости. И что перед родителями так вышло... И за Лану тоже прости... Ну, хочешь, я позвоню ей... все объясню... я ей все объясню, вот увидишь, она выслушает... поймет...

— Лана умеет слушать только себя.

Вжикнув молнией, вынул из кармана мой предательски сдохший телефон, вернул, я машинально сомкнула на нем пальцы, отметив, что рука у него ледяная. Ветер теперь бросал пригоршнями мокрые хлопья в стекло, ветки били по карнизу, и пришлось повисить голос, уговаривая его.

— Но... может быть... если я поговорю, она поймет, что ты не виноват... вы помиритесь...

Он только усмехнулся.

— Думаешь, меня это парит?

Попытался пройти мимо. Конечно, Макс был очень зол. Очень. Еще — сильно расстроен. Это было видно невооруженным глазом, и надо было дать ему остыть, успокоиться, но во мне уже проснулась жажда бурных действий, и я снова не смогла промолчать, неотрывно следуя за ним:

— Просто дай мне ее номер... я объясню и...

— Объяснишь... Что ты ей объяснишь? — раздраженно оборвал, вдруг разворачиваясь ко мне, цепляя меня, — что?? За каким хреном я сорвался из ее теплой постели к тебе и так и не вернулся? Даже я не знаю ответа на этот вопрос, — я прикусила губу, с мукой и мольбой на него снизу вверх глядя. Наверное, мои страдания отразились на лице, потому что грубый голос несколько смягчился, — забей, Ника. За-бей. Ты тут ни при чем. Просто... там было тонко, вот и порвалось.

— Почему ты это делаешь? — всхлипнула, когда он отпустил руку.

Прищурился. Потом нахмурился, увидев мои слезы.

— Что я делаю?

— Я знаю, что виновата. И только я одна. Мы оба это знаем. Почему защищаешь меня? Почему пытаешься защитить меня... ото всех? Почему, Макс?

Вопрос прозвучал неожиданно для него. Проще было отвернуться.

— Я... не знаю. Не знаю.

Пошел прочь, направляясь в свою комнату.

— А я думаю, что знаешь, — схватила его за рукав, пытаюсь остановить, — ты знаешь. И скажешь мне!

Он высвободился грубо, буквально стряхнув меня с себя, как букашку. Было очевидно — Макс на грани, а я вот-вот нащупаю брод.

— Что тебе сказать?.. Что??

Пошел дальше, но я не отставала, мешалась, не давая ему пройти.

— Почему, Макс? Скажи... нет, подожди! Скажи мне!

Вынудила остановиться. И он встал, как вкопанный. Будь что будет. Смотрел с яростью,

тщетно пытаюсь совладать с эмоциями, что-то взвесить. Я видела, как переполняется чаша его гнева. Сорвался.

— Потому что ты выглядишь как та, которую я хочу защищать! Которую могу защитить! Которую способен, может быть... — запнулся, вдруг отводя глаза, дыша тяжело, часто. Его чувствительно потряхивало. Как и меня. Разжала пальцы и с носочков опустилась на ступню, пойдя на попятную. Усмехнулся, — это все?.. Довольна?

Я молчала, да и он теперь смотрел в стену, словно не хотел встречаться со мной взглядом, почти робко попросил:

— Пропусти...

И я просто отошла в сторону. Еще несколько его порывистых шагов, сделанных в вязкой тишине, и нас разделила закрывшаяся дверь.

Вечер за вечером Макс снова где-то пропадал, то ли избегая меня, то ли душа жаждала простора. Снег закончился. Все члены семьи примирились, а страсти улеглись: лакокрасочное покрытие было успешно восстановлено специалистами. Лана и ее проступок остались в прошлом. Но в женском внимании Макс дефицита никогда не испытывал, и сейчас, со статусом: свободен, был желанной, как никогда, для многих, но труднодоступной добычей. С головой погрузился в работу, потом мучительно сдавал сессию, а потом дядя отправил его в соседний город в командировку на перспективу, лишая нас последних крох его присутствия.

Я, впрочем, тоже восстановилась. Довольно быстро. Всего ведь раз промахнулась, может, и не повторится никогда. Опасаясь новых опрометчивых шагов, засела за учебники, ведя домашний, комнатный образ жизни. Меня устраивало. Тетю и дядю тоже. Подруг расстраивало, поэтому соглашалась на посиделки в кафе, но уже без сумасбродных выходов. Про Джона вспоминала с болезненной дрожью в конечностях. Пару раз видела его в универе, но подойти он так и не решился, а я, конечно, не настаивала, тоже намеренно избегая его.

Из недельной командировки Макс вернулся накануне вечером. Слышала его бодрый голос в коридоре, перекликающийся с тетиным, хотела выйти, но первый безрассудный порыв сдержала — не сейчас. А он не стал ждать, даже распаковывать вещи не стал, сразу отправился на какую-то тусовку — я видела, за ним заехал Руслан. Радостно хлопая друга по плечам, они запрыгнули в тачку. Значит, увидимся завтра. От ужина отказалась, сославшись на невыполненное задание: почти не слукавила, я, в самом деле, затянула со сроками. А это на меня не похоже. Так и просидела, уткнувшись носом в ноутбук, до самой ночи, безо всякой связи с общественностью.

В коридоре вдруг послышался какой-то неясный шум, потом грохот, но вскоре все стихло. Я уже почти отвыкла от посторонних звуков на этаже, была с головой поглощена проектом, только вскинула глаза, удивленно прислушиваясь. Подождала. Тишина. Ерунда, наверное, кто-то из прислуги что-нибудь обронил. Хотя не поздновато ли для обслуживающего персонала? Равнодушно передернула плечами, приступая к правке следующего абзаца. Меня все это не касается.

И я уже почти забыла об этом подозрительном эпизоде, массируя виски, решила, на сегодня достаточно, пересела к зеркалу, вода расческой по волосам. Тогда шум в коридоре повторился. Глухие ненавязчивые звуки через равные промежутки времени, будто большой кот царапается неподалеку в чью-то дверь. Пусть кто-нибудь уже поскорее осчастливит

этого кота, я намеревалась этой ночью хорошенько выспаться, чтобы встать пораньше и закончить работу, потом будет некогда... Потушив свет, легла в кровать, однако кот все не унимался. Да что там происходит? Раздраженно откинув полог одеяла, прошлепала босиком через всю комнату, дернула на себя дверь и высунулась в коридор, как была, в одной ночной сорочке.

Там, в самом его конце, у своей двери, сокрытый полутьмой, покачиваясь, стоял Макс. Недоуменно окликнула его, а когда он никак не отреагировал, заинтригованно подошла ближе. В нос ударил сногшибательно сильный запах крепкого алкоголя, и все, наконец, встало на свои места. Невероятно...

Устало привалившись плечом к стене, Макс лениво, механически ковырял в замке ключом, пытаясь открыть дверь в собственную комнату... магнитным ключом от гаража! Как давно он здесь стоит? Видать, давненько. Некоторое время я недоверчиво наблюдала за его бессмысленными, но настойчивыми действиями. Макс не сдавался, рук не опускал. И ведь никто мне не поверит, даже если расскажу.

Потом мне надоела вся эта возня, потянувшись, я просто нажала на ручку. Вуаля. Дверь немедленно приоткрылась, уползая вглубь комнаты, и Макс оживился. Вопросительно вздернув брови, тупо рассматривал открывшийся глазам портал, медленно перевел взгляд на ключ, что продолжал сжимать в руке. Поморгал. Кажется, он не совсем понял, что произошло. Его оторопь смотрелась настолько уморительно, что я, не выдержав, прыснула в кулак, и только тогда он заметил мое присутствие, повернул голову, скользнув по мне разбалансированным взглядом, а потом и весь повернулся, прижавшись для устойчивости спиной к стене. Молча меня разглядывал, пристально и удивленно, будто впервые видел. Ну, привет, незнакомец.

— Ты в комнату сегодня заходить собираешься?

Губы его разъехались в совершенно пьяной ухмылке. Макс игриво мне подмигнул.

— Только после вас, мадемуазель, — язык заметно заплетался, — я ведь настоящий джентльмен.

Я засмеялась в голос, но тут же прикрыла рот ладошкой, чтобы не поднять ненароком весь дом. Дядя убьет его, если обнаружит в подобном состоянии. И завтра будет новый взрыв.

— Давай, помогу тебе. Как джентльмен джентльмену. Ты же на ногах едва стоишь, — проворчала добродушно, шагнув к нему. В душе боялась снова почувствовать тот, тревожащий запах — запах чужих женских духов от него. Но не почувствовала. Нет. Посторонних запахов не было. Только его, этот, особенный... ну, еще алкоголь. — Фу, блин, ну и запах! Какой же ты пьяный. Вот скажи, зачем надо было так надираться?

Макс безропотно принял мою помощь, потерянно взглянул, когда моя голова вынырнула у него из подмышки, но когда я снова начала бубнить что-то насчет его кондиции сапожника, сказал, панибратски щелкая меня по носу:

— Офигела? Ау? Это кто... это здесь пьяный?

К слову, по носу он даже не попал. И почему мужчины до последнего отказываются признавать свои ошибки?

— Я, кто же еще. Шагай уже, ты мне совсем не помогаешь.

Вместе мы с трудом ввалились в комнату. На пороге Макс неожиданно запнулся, и только чудом мне удалось устоять, удержать равновесие и за себя, и за него, в противном случае мне бы никогда не удалось поднять эту размякшую тушу с пола, так бы и валялся

мертвяком в проходе до самого утра.

— Извольте на выход, сударь, конечная остановка, — запыхавшись, я кивнула в сторону кровати, осторожно отпуская его горячую ладонь, — нормально? Не качает? Только не вздумай мне здесь упасть. Давай... тебе просто надо проспаться...

Макс уронил голову на грудь, соглашаясь со мной. Послушно начал раздеваться: стянул через голову худи, вернее, попытался это сделать, но быстро запутался в рукавах. Топтался на месте. Я терпеливо помогла ему распутать тугой клубок, но когда он положил руку на пряжку своего ремня, неуверенно оглянулась на дверь. В конце концов, с этим он должен как-то справиться без меня.

— Хм... ну, я, пожалуй, пойду... так что... до завтра, Макс. Если, конечно, ты выживешь...

Он сомкнул пальцы на моей руке, стоило мне отвернуться.

— Подожди... — покачивался туда-сюда с закрытыми глазами, пытаюсь собраться с мыслями. Его море сильно штормило, но Макс бывалый матрос, — подожди. Не уходи... пожалуйста, не уходи... я... я больше не вижу дороги, — так тихо, неуверенно пробормотал, что я удивленно подняла брови, — и я не знаю, куда мне теперь идти... скажи, куда мне идти?..

Секунду раздумывала над этими непонятными словами. И что все это означает? Потом встряхнулась. С чего-нибудь эдакого, вероятно, и начинается у людей белая горячка.

— Ты издеваешься? Круто развернешься, сделаешь несколько шагов и упрешься прямо в свою кровать. Вот же она, стоит прямо по центру. Не волнуйся, мимо этого... аэродрома такой пилот, как ты, не пролетит.

Я снова направилась к выходу, но Макс оказался проворнее. Снова сделал это: снова захлопнул дверь перед самым моим лицом, только на этот раз я очутилась по эту сторону от нее. Неведомо откуда взявшийся ключ провернулся в замочной скважине, и так же быстро исчез в кармане его джинсов. Похоже, этот парень пьян не настолько, как мне вначале показалось.

Оставалось лишь оторопело разглядывать текстуру запертой двери. Если бы он сейчас ко мне хоть пальцем прикоснулся, наверное, я бы закричала. Наверное. Не знаю. Но Макс не прикоснулся. Так и продолжал стоять прямо за моим плечом, очень близко, не шевелясь, молчал, но я ясно слышала, как изменяется его дыхание, учащается, становится тяжелым. Кажется, это было заразно, потому что у меня пульс тоже зачастил. Ситуация становилась все более двусмысленной. Невинные шутки кончились, но страха, как и тревоги, я пока не испытывала. Без суеты развернулась. Я смогу с ним справиться. Это же Макс.

— Немедленно открой эту дверь.

Он смотрел будто сквозь толщу тумана, и в то же время привычно, выгнул бровь дугой. Определенно забавляется, хочет поглядеть, как я выкручусь, решила, осторожно переводя дух.

— Открой сейчас же.

— А если не открою? Может... я не хочу, чтобы ты уходила. Может... спать я тоже не хочу, — и вдруг улыбка совершенно стерлась, — разве только с тобой.

Теперь я растерянно шарила глазами по его лицу. Внутри снова возникло, все больше разгораясь, гнетущее глухое беспокойство. Напряжение в комнате нарастало, мое замешательство тоже. Как договориться с этим Максом, я пока не знала. Рассердилась.

— Тогда я сама открою эту дверь. Дай мне ключ, — уверенно протянула руку, — Макс,

ты же знаешь, я все равно уйду.

Он отступил на шаг, облизнул губы и заложил большие пальцы за пояс. Небрежно пожал плечами.

— Ну, если так... Подойди и возьми. Все просто. Достанешь ключ — сразу выйдешь отсюда. Вот такой незатейливый квест.

Мы оба перевели взгляд на передний крошечный узкий джинсовый карман. Он с удовольствием наблюдал, как моментально я вспыхнула, столкнувшись с непреодолимым препятствием.

— Не стану я туда лезть. Ну, вот еще!

Он нагло ухмыльнулся, покачиваясь на нетвердых ногах, но не двигаясь с места.

— На то и расчет. Итак...

Я сложила руки на груди. Не дождется. Моего страха ему не видать, как собственных ушей.

— Итак... выпускать меня ты не собираешься. Ну, и что теперь, Макс? Чего тебе от меня надо?

Смотрела, как он сокращает дистанцию между нами, а он наблюдал за моей настороженной гримасой. Мягко, боясь напугать, взял за руку, коснулся запястья, нежно, невесомо огладил. И голос его — бархатистый, пролился, точно мед.

— Ничего, о чем бы ты сама уже не думала... Ничего, что бы себе уже не представляла... Хватит убегать от меня... я все равно не отстаю ни на шаг... я дышу тебе в спину... я рядом... а ты в моей ловушке.

Кожа немедленно покрылась мурашками, вздыбились волоски на всем теле, и я окончательно растерялась. Что он говорит? И главное, зачем он говорит это? А Макс выводил узоры пальцем по моему запястью, спустился к ладони, заставив замереть от удовольствия, потому что узоры были уникальными. Прожженный бабник. Эта мысль проплыла стороной: глупое сердце уже колотилось, в горле наступила засуха. Его взгляд поплыл, да я сама видела его нечетко. Услышала негромкий чарующий смех.

— Мне нравится реакция твоего тела на меня. А моя реакция на тебя нравится мне еще больше.

Поняв, куда он смотрит, охнула, резко вырывая пальцы, снова скрестила руки перед собой, вцепившись в собственные плечи. Как я могла забыть, что на мне лишь тонкая просвечивающая ткань, которая почти ничего не скрывает?

Макс подошел ближе некуда.

— Скажешь, просто замерзла? А если и так... согреть тебя я сумею, — я прижалась к двери, упрямо, дерзко поднимая подбородок. Кажется, именно этого он и добивался. Руки опустились мне на талию, а потом скользнули ниже, заставив напрячься, — боишься меня? Не бойся, я никогда тебя не обижу. Никогда. Я только хочу посмотреть... можно? — и он неожиданно сбросил тонкую бретельку. Шелк послушно пополз по плечу вниз, но я поспешила вернуть бретельку на место, заторопилась, будто оправдываясь, тираняя ладонями его плечи:

— Нет, нельзя. Нам нельзя! Не надо так делать! Не надо... Макс...

— Тсс... — почувствовала его руку на своих ребрах, — а как надо?

Теперь он водил костяшками пальцев вверх-вниз, неспешно, умело и очень опасно, всякий раз останавливаясь в миллиметре от груди, обводя ее четкий нижний контур, заставляя трепетать, негодовать... приветствовать.

— Так? — мягко сказал, и вдруг толкнулся вперед бедрами, вжимаясь в мои бедра, и дистанция между нами стерлась, — как ты хочешь? — шепнул, искушая, на ухо, почти коснувшись губами мочки, — будет так, как захочешь. Только скажи мне, как ты любишь... покажи мне, как ты любишь...

Я уперлась руками ему в грудь, силясь оттолкнуть. Не получалось. Накрыла настоящая паника. Я чувствовала на себе все его напряженное звенящее тело. Все. Каждую выпирающую его часть.

— Макс, да отвали ты, я не шучу. Не трогай меня. Не трогай! Отпусти сейчас же!

Он примирительно поднял руки, сдаваясь, но нависать не перестал, по-моему, даже не до конца осознал, что я действительно протестую.

— Хорошо... хорошо... Я все понял. Я понял... Мне нужно придержать лошадей. Я их уже придержал, смотри... И вот мы с тобой пускаемся в медленный неторопливый галоп... Ну, что, поскакали, малышка?

И его губы вдруг без объявления войны накрыли мои губы. Будто в родную гавань зашли. Первые ощущения были довольно смешанными, и сомнительными, и противоречивыми. Я даже не сразу поверила, что это случилось, а Макс уже углубил поцелуй, заставляя открыться ему навстречу, и стал ближе. Ему нельзя было не подчиниться, но я немедленно задергалась, заметалась, как пойманная куропатка. Он лишь крепче прижался, лишая необходимого кислорода, а когда замотала головой, взял за подбородок, обхватил беспокойными пальцами, выдыхая мне в губы:

— Не рвись. Не трать свои силы... Я тебя не отпущу. Никуда тебя не отпущу... сладкая. Какая же ты сладкая... Я так долго мечтал о тебе. Не представляешь, как часто ты мне снилась... — глаза у него было совершенно сумасшедшие, бедовые, — не могу думать ни о ком другом... в каждой вижу тебя... везде ты... кругом только ты... одна ты...

Услышать такое от Макса для меня значило получить пулю в висок. Не иначе. В мозгах мгновенно и страшно все перемешалось, я перестала что-либо соображать, только чувствовала его прикосновения, а они становились все откровенней, настойчивее... желаннее. А когда я неумело ответила на следующий поцелуй, вызвав у него глухой стон, невольно и сама застонала от переполнявших меня эмоций. Было так приятно находиться рядом с ним, заниматься тем, чем мы занимались, ноги стали ватными, босые ступни горели, будто топталась на углях. А он все продолжал шептать что-то между поцелуями, уже пугая русские и английские слова, почти не отрывая от меня губ, а может, мне только мерещился его сбивчивый шепот. И от этих слов все разгоралось внутри, цвет его глаз стал ярче, контур лица — размытым, слова — уплывающими. Только его голос. Его ласковый голос, в который вплетались обрывки фраз, куски воспоминаний, фантазии...

— Только встретил тебя — понял, что пропал. А ты ничего не поняла, и я промолчал, I said nothing, потому что у мужчин тоже есть гордость... Но я погибаю без тебя, don't you see? Я на взводе... drugged... я же сижу на тебе, как на игле. Почему ты не видишь? Stay with me... Ты мне нужна, как воздух... ты — мой воздух... only you... одна ты... your lips... so sweet... я без ума от твоих губ... crazy about you. Всегда был... всегда буду. Моя сладкая девочка... будь со мной... будь моей... begging you... please...

Он подхватил меня на руки, и я покорно обвила руками его шею, застенчиво глядя из-под приоткрытых ресниц. Грудь, к которой доверчиво прижималась, ходила ходуном, наверное, как и моя собственная, он стискивал меня все сильнее, будто боялся, что убегу. Дышал тяжело, точно в гору поднимался. Вместе со мной.

— Поцелуй меня, — вдруг приказал, и я робко повиновалась.

Со мною на руках, не прерывая поцелуя, Макс развернулся, сделал несколько нетвердых шагов в полутьме комнаты. Я уже не боялась, чувствовала: Макс не упадет. Знала, куда направляется, знала, чем это грозит, и все же не остановила его. Скоро он бережно уложил меня на кровать, быстро раскидав по сторонам подушки, лег рядом. Склонился ко мне, подперев скулу кулаком, долго, почти влюбленно смотрел. Его глаза были полны каких-то обещаний, в моем животе порхали бабочки, а может, там поселилась живность покрупнее... и я тоже не отрывала от него глаз.

Потом он погладил меня по щеке, и мы снова слились в поцелуе, отчаянно сражаясь друг с другом, но этого ему уже было мало. Губы вдруг опустились ниже, прочертили пунктирную дорожку от моей шеи к ключице, и сердце замерло в груди, притаилось, как испуганный зайчонок. Он это сразу почувствовал, прерывая ласки, заглянул в глаза:

— Не бойся меня. Поверь. Больно не будет. Сегодня больно не будет. Я никуда не спешу. Хорошо?

Я нервно сглотнула образовавшийся в горле ком. Я ему верила, прошептала:

— Хорошо.

Он поцеловал меня в висок, в щеку, в плечо, а затем, осторожно подцепив зубами бретельку, уверенно потянул вниз, освобождая, наконец, грудь. Я закрыла глаза, ощущая, как бешено мечется пульс, почувствовала мягкое прикосновение его руки, он будто не грудь, а сердце мое заключил в ладонь.

— Идеальна, — почти простонал, — я итак это знал. У меня было много девчонок, но ты просто идеальна. Идеальна для меня... ты для меня... единственная... особенная...

Я таяла, как сосулька, краснела, как брусника в период сбора, только в лукошко успевай кидать. Его рука опустилась ниже, скользнула под подол сорочки, сминая кружево, взлетела по ноге... но когда я испуганно дернулась, вцепившись в его запястье, силясь остановить, наши губы встретились в таком долгом и опьяняющем поцелуе, что я не заметила, как он стянул мои трусики до колен.

— Верись мне? Хочу, чтобы ты расслабилась. Успокойся. Посмотри на меня. Ну же, милая...

Я посмотрела. Макс молил о доверии, я беспомощно цеплялась за его взгляд, именно он придал мне силы, храбрости, бесстрашия. Теплые пальцы коснулись моего живота, надолго задержались, касаясь внутренней стороны бедер, высекая искры из глаз, а потом... Сердце запнулось, но его лоб тут же прижался к моему, не позволяя подняться. Глаза были непроницаемо черными, осипший голос — чуточку дрожал, он же был моим ориентиром.

— Смотри на меня. Не бойся. Я просто хочу сделать тебе приятно. Ты мне позволишь? Расслабься... почувствуй меня... я буду ждать там, на другой стороне... ты увидишь... я умею терпеливо ждать...

Он ловил каждый мой вздох, глубокий и поверхностный, умело, грамотно чередовал их, контролировал каждое движение, направлял, руководил, верховодил... не шевелясь, просто играя пальцами... Я только следовала за ним, натягиваясь, струна за струной, слушала его команды, выполняла каждую просьбу. Наконец, непроизвольно прогнулась в спине, и меня затопила такая мощная, горячая и ослепительная волна, что ему пришлось закрыть мне рот поцелуем, а потом его успокаивающий голос уплыл куда-то далеко, за горизонт, или, наоборот, это меня унесло в неведомые запретные дали. А едва возвратилась в сознание, вдруг снова смутилась, спряталась у него на груди, вдохнула запах, казавшийся теперь таким

родным. Я и не заметила, когда Макс успел освободиться от футболки...

И даже тогда он продолжал шептать, неторопливо, нежно разбирая пальцами пряди моих волос, прикасаясь, лаская, словно не в силах оторваться:

— Ты прекрасна... а когда отпускаешь себя, ты еще прекрасней... то, что надо. Ты — то, что мне надо. Я все-таки не ошибся...

Вяло, сквозь усталую дрему, я улыбнулась этому новому откровенному признанию, а через минуту уже проваливалась в бездну, в блаженный сон без сновидений, проваливалась в негу, как в черную яму без дна, в которую падала слишком долго, слишком искренне, слишком доверчиво...

*

I said nothing — я ничего не сказал
don't you see — разве ты не видишь
drugged — под наркотой
stay with me — останься со мной
only you — только ты
your lips — твои губы
so sweet — так сладко
crazy about you — с ума по тебе схожу
begging you — умоляю тебя
please — пожалуйста

Сквозь непроницаемые темно-серые шторы в холостяцкую комнату Макса был неспособен пробиться ни один, даже самый крошечный солнечный зайчик, и все же я проснулась, едва за окнами забрезжил унылый мартовский рассвет. Макс все еще крепко спал рядом со мной, спал, как младенец, уткнувшись носом мне в шею, я ощущала его спокойное размеренное дыхание на яремной впадине, и это было безумно приятно. Руки его до сих пор сжимали меня в объятиях. Я улыбнулась своим мыслям. Что теперь будет? Что будет, когда Макс проснется? Я помнила каждое его слово, каждое действие, прикосновение. Зарделась. Теперь, после того, что между нами произошло... Поскорее бы Макс проснулся.

И я продолжала лежать, мечтать, кусать губы, млея от свои мыслей, зажмуриваясь, гадая, каким будет первый его взгляд, первая подаренная мне фраза.

Наконец, Макс пошевелился. Хриловато, со сна, прошептал, не поднимая век, и я увидела, как на его губах расцвела приветливая утренняя улыбка. Пусть всегда мне так тепло улыбается.

— Я чувствую, что ты на меня смотришь. У тебя очень... чувствительный взгляд. Он меня разбудил.

— Прости, — тоже прошептала я.

— Не прощаю. Твоя кожа нежная, мягкая, как шелк... это преступление... я могу спать, прижавшись к тебе, сутки напролет. Но... поскольку я проснулся, и мне уже не до сна. Теперь мне нужно не это... Нет, не это, милая. Я по утрам всегда голоден... и сейчас... я просто чертовски проголодался.

Резко, так что я издала придуренный возглас, Макс перевернулся, подминая меня под себя, чтобы я бедром ощутила, насколько он заведен, и сразу, без прелюдий нащупал резинку моих трусов, потянул вниз. Сегодня все было по-другому, он напирал, как танк, штурмующий неприятельские позиции, действовал торопливо, деловито, где-то даже грубо и неаккуратно. А еще, Макс был абсолютно голым, глаза его — похмельные, стеклянные — меня совсем не видели. Он хотел доминировать, хотел обладать, получить свое... и ничего больше...

Когда от его разгоряченного тела меня почти уже ничего не отделяло, я перепугалась всерьез. Разочарованно запищала под ним, вырываясь, изо всех сил сопротивляясь безудержному, агрессивному напору:

— Макс! Не надо... Нет!..

— Что за фигня...

Он, наконец, меня услышал, нехотя оторвал губы от ключицы, перестал терзать ягодицу, чуть приподнялся на локтях и... я встретилась с его ошарашенным взглядом. Клянусь, на мгновение у него отвисла челюсть. Макс крепко зажмурился, помотал головой, будто хотел отогнать прочь навязчивое видение, но я не исчезла, не растворилась в согретом нашим дыханием воздухе, и тогда темные брови взлетели вверх, а лицо вытянулось.

Мгновение он изумленно, неверяще продолжал разглядывать до синяков, до засосов зацелованные им губы и шею, на беспорядочно разметавшиеся по его подушке волосы. Опустил глаза на измятую скомканную сорочку, которую практически сорвал с меня, потом дернулся, как будто через него пропустили мощный разряд электрического тока, путаясь в

простыне, отшатнулся от меня, сразу оказавшись на другом конце кровати.

— Ты?! Это ты?! Ника... но как... какого черта ты... здесь... делаешь??

Окончательно запутавшись, кубарем скатился на пол вместе с простыней. Я села.

— Ты в порядке?

— Нет, не в порядке! А похоже, что я в порядке? Какого черта?? Да какого черта здесь происходит... — взглянул на меня и тут же отвел глаза, — прикройся. Почему ты в моей постели? В разобранном виде? Почему голая??

— Я не голая.

Торопливо привела сорочку в порядок, пригладила спутанные волосы. Он успел заглянуть под простыню, в которую, не переставая чертыхаться, заворачивался.

— А я блин почему раздет?? — в голосе сквозило такое отчаяние, он беспомощно взглянул на меня — взглянул, как новоявленный мученик, — что вчера было? Что, черт возьми, здесь вчера произошло?

Между ребрами кольнуло от страшной догадки.

— Ты что, совсем ничего не помнишь?

И он сказал это.

— Нет, я ни хрена не помню! Я же был в хлам... не помню даже, как до дома добрался... Что было? Что между нами было, Ника? Говори! Ну, говори же! — чуть не плакал, умоляя ответить, — это же не то, о чем я подумал? Хотя выглядит все именно так... Пожалуйста, только не это... только не... Почему ты молчишь? Что я сделал?? Черт, не молчи. Только не молчи. Черт... черт... черт!!!

Он вдруг принялся лихорадочно оглядываться по сторонам, откинув край простыни, заглянул под кровать, расшвыривая подушки, шарил глазами, потом руками по прикроватным тумбочкам, обнаружив неподалеку брошенные джинсы, начал судорожно ощупывать задние карманы. Я, наконец, поняла, что он ищет: использованные презервативы. Во рту стало горько. Поджав губы, мрачно произнесла:

— Можешь не искать. Не было ничего подобного.

Он мешком осел на пол, обессиленно стискивая голову руками, сделал несколько резких вдохов и выдохов.

— Голова ужасно раскалывается. Жесть, как же она болит! Ничего не помню. Я ни черта не помню! Ника, ты уверена, что между нами ничего не было? Ты в этом уверена? Потому что я... я никогда себе не прощу, если...

Я вспомнила вечер пошагово, вспомнила самое его завершение, теплые тесные объятия, как хорошо нам было рядом друг с другом, подняла глаза и уверенно заявила:

— Ничего не было, Макс. Ты ничего не сделал, — он с облегчением выдохнул, — вот только...

— Что?.. Что только?!

— Ты меня только... целовал.

— Это я уже понял... узнаю свой почерк. Видимо, я вчера слегка... увлекся, — он закрыл лицо руками, кажется, боялся даже взглянуть в мою сторону, принялся повторять сквозь зубы, раскачиваясь, — твою мать... да твою же мать... Какого черта... ну, какого черта... сууука...

Сорвался с места, закрепив смятую ткань на бедрах, заходил по комнате, резким движением раздвинув шторы, рванул на себя подавшийся створ окна. Жадно дышал полной грудью. Первый же порыв свежего ветра безжалостно уничтожил остатки вчерашнего

волшебства, магию, что оставалась в этой комнате. Сквозняк заставил съежиться на кровати еще больше.

Отходя от окна, нервно бросил в мою сторону:

— Отвернись.

Надо же, какой стыдливый. Когда я повернулась, он уже натянул домашние штаны и свежую футболку, забыв задвинуть ящик. Прихватив со стола бутылку минеральной воды, снова высунулся в окно. Откупорил, нагнувшись, вылил ее себе на голову, отфыркивался, едва не захлебнулся, а когда вернулся, взгляд его приобрел былую уверенность, силу, и даже злость.

— Ладно, со мной вчерашним все понятно, но ты... ты-то зачем приперлась в мою комнату, Ника? Зачем пришла сюда, если видела, что я в коматозе? Да я вообще ничего не соображал! Я же без тормозов, когда синий, и ты это знаешь...

— Ну... кое-что соображал. И говорил ты довольно связно...

— Что я говорил? Что там еще нахрен я тебе говорил?? — он, не переставая, ходил по комнате, пока у меня не разболелась голова. Насупившись, наблюдала за его страданиями из самого центра развороченной постели.

— Ты говорил... разное... Мне показалось, ты говорил... искренне... — смущенно потупила глаза.

Он подошел, а потом присел передо мной на колени. С влажных волос на плечи, впитываясь в футболку, капала вода, а он не замечал.

— Ника... ты совсем дура? Ты что, не понимаешь... Ты не понимаешь, зачем я все это говорил? Да в том состоянии, в каком был вчера, я способен думать только об одном. Только об одном, ясно? Я уболтаю любую девчонку, разведу на секс, лишь бы... Не тебя, так другую, не другую, так третью... неважно, кого. Я хотел не тебя, я хотел бабу. Любую бабу. Была бы симпатичной мордашка да ноги раздвигались... — я покраснела, как помидор, — вспомни, я вчера хоть раз назвал тебя по имени? Уверен, что нет... Это просто похоть. Животная похоть. Инстинкт. Никаких чувств, эмоций, только удовлетворение потребностей. Я мужчина, Ника, у меня есть потребности... Что ты там себе навоображала? Выбрось все это из своей глупой головы... И вообще... какого черта ты оказалась рядом, можешь ответить? Чего молчишь?.. Да я с тобой скоро с ума сойду...

Я сидела, обиженно сжав губы и кулаки. Не так я представляла себе это утро. Совсем не так. А значит, представление пора заканчивать. Стоило ему отвернуться, спрыгнула с кровати, гордо оправила мятый подол сорочки.

— Можешь не сходить. Я сейчас же уйду. Открой мне дверь.

Он тоже поднялся.

— Ручка на месте, петли тоже. У тебя мозги вытекли? За ночь забыла, как открываются двери?

— Ты же запер ее вчера, придурок!

Теперь его челюсть отвисла по-настоящему. Макс заметно растерялся.

— Что, блин? Что я сделал?.. И на хрена я это сделал?.. А ключ куда дел?

— В переднем кармане своих джинсов поищи, — фыркнула я.

— Рехнуться можно. Нет, это уже ни в какие ворота... — копошась в карманах, приговаривал он, — это просто цирк с конями. Нет, скорее самый что ни на есть настоящий дурдом, — выудив, наконец, ключ, отомкнул двери, продолжая обвинять меня, — если знала, где ключ, почему раньше не ушла? Я что его, как цербер, всю ночь караулил?

— Ничего ты не караулил. Сначала не хотел отдавать, а потом... я не видела, когда ты разделся. Просто я... заснула.

— Ты просто заснула... со мной... — изумленно повторил, — охренеть... нет, это просто какой-то вынос мозга. Я отказываюсь что-либо понимать. Все. Уходи, а то у меня сейчас голова точно лопнет. Но... надеюсь, ты все уяснила, и мне не придется повторять? Не вертись больше у меня под ногами, когда я в дымину бухой... если и дальше собираешься дрожать над своей девственностью...

— Что-о?? — я резко, оскорбленно развернулась, — но откуда ты...

Он поморщился.

— Ох, перестань. По-твоему, я слепой? Я не идиот, прекрасно понимаю, что к чему. Думаешь, так незаметно? У меня на это глаз наметан, подруга...

От пренебрежения в его голосе меня мгновенно затопил гнев. Я подскочила к нему, толкнула пару раз в грудь, но он, конечно, не сдвинулся с места.

— Все это не твое собачье дело, так и заруби на своем любопытном носу!

— Вот именно, Ника. Именно! Пусть все так и останется. Ты продолжаешь и дальше нянчиться со своей бесценной девственностью, пока не встретишь того, единственного, который и сорвет твой распустившийся бутон... а я... Сваливай уже, мне надо в душ.

Дрожа от возмущения, я прошла мимо, но у самых дверей он меня снова настиг, перехватив запястье. Окотив его с ног до головы ледяным презрением, я решительно освободилась.

— Лапы свои убери!

— Да подожди ты. Я только хочу узнать... вчера... ты сама сюда пришла или я тебя... заставил... черт... может, я применил силу? Было такое? Ника, скажи, — опустил глаза, — мне важно знать... насколько я подонок.

Нервные окончания оголились. В затылке отрабатывала сольный концерт какая-то несостоявшаяся рок-группа. Мой мир катился в тартарары, а он в упор не видел. Это стало последней каплей.

— Ты не подонок, Макс. Нет, ты не подонок! Ты просто круглый конченный дурак!!

Вышла, притворив за собой дверь, пошла по коридору, давясь сухими рыданиями. Меня догнал его звериный рык, глухой удар кулаком в стену, потом еще один. Я слышала, как он метался по комнате, вслепую натываясь на вещи, расшвыривая все, что попадалось на пути. Сердце в моей груди металось так же, вот только мне было гораздо больнее. Гораздо больнее, чем этому деревянному бесчувственному чурбану.

И надо же было подгадать, именно ту субботу мы с тетей планировали провести в салоне красоты. Планировали давно, и я не знала, какой предлог теперь выдумать, чтобы отказаться, потому что к обеду стараниями Макса выглядела, мягко говоря, не очень. Конечно, используя подручные средства, пыталась замаскировать отметины, пыталась усердно, даже накрашила губы поярче, растушевала тон. Скептически оглядела себя. Но если с губами вышло неплохо, то шея оставляла желать лучшего. Чертов Макс. Шарфом заматывать не стала — это глупо, все равно в помещении придется снять. Оставалось надеяться, тетя ничего не заметит.

Он вызвался нас отвезти. Сам. Похвасталась тетя, идя от него, заглянув на минутку, чтобы напомнить о времени выхода в свет. Не знаю, зачем это нужно было Максиму, с утра я

его еще не видела. Не хотела видеть. Собиралась игнорировать еще долго. На сердце выжигали татуировки злость и бессилие. Вот бы он больше вообще никогда не появлялся передо мной.

Надежды не оправдались, мы увиделись довольно скоро, и я скрипнула зубами, потому что Макс уже сидел в машине. Развалился, смотрел, не отрываясь — лишь чудом не оступилась. А стоило спуститься по лестнице и выйти под безжалостные прямые лучи солнца, как тетя ахнула, приглядываясь.

— Ника, что случилось? Что это за вид у тебя? А я вчера даже не заметила... но как же...

Я знаю, что именно она так расстроено разглядывала. След от засоса на шее. Самый несдержанный. Невольно глянула на Макса: в этот момент он как раз надел темные непроницаемые очки, потом принялся беспечно поправлять зеркало заднего вида. С него как с гуся вода, а мне теперь за двоих отдуваться. Кажется, на этот раз мы поменялись местами. Но безропотно сносить все это не хотелось.

— Это не то, о чем вы подумали...

— А откуда тебе знать, о чем мы подумали? — вдруг нагло вмешался Макс.

Проигнорировав его нелепое замечание, повернулась к тете, обращаясь подчеркнуто к ней одной, выдумывая на ходу.

— Просто... понимаете, у меня появился... молодой человек, и это... в общем, случайно получилось... поэтому...

Макс присвистнул.

— Ничего себе случайно, тут явный стиль прослеживается. Красная Шапочка угодила в лапы к Серому Волку. Мама, ты что, не видишь, девочку надо спасать... Фигово вы за ней присматриваете. Наверное, он очень страстный парень, да? Горячий, темпераментный, — я разглядывала усмешку, кривившую его губы, пока он себя нахваливал. Как дать бы по этим губам! — прямо горит уже с ним познакомиться...

— Максим, прекрати сейчас же, — устало оборвала его мать, — тебе лишь бы посмеяться, а тут...

Под ее строгим взглядом я очень густо покраснела, едва не топнув от досады ногой. Почему краснеть приходится мне, если виноват он? Огрызнулась на Макса:

— Да, Макс, знаешь, он очень страстный! Очень! И такой горячий, каким тебе уже никогда не стать. Что бы там у тебя не горело...

— Ого, у кого-то прорезались зубки... покажи... надеюсь, молочные?

— Не надейся.

— Ребята, ну, пожалуйста, не ссорьтесь снова... — нервничая, тетя бросила еще один взгляд на область моего декольте, принимая решение, — нет, это никуда не годится. Не годится. Пожалуй, я позвоню, попробую перенести запись... а если не получится... Ты иди за мной, Ника, посмотрим, как можно исправить ситуацию. На люди в таком виде лучше не появляться. А ты езжай, сынок, если спешишь... мы попозже себе такси вызовем, если договоримся.

— Договаривайтесь. Я подожду, мне не трудно, — великодушно махнул Макс, ерничая, — вам повезло, сегодня я абсолютно свободен, а значит, к вашим услугам, мои прекрасные дамы. Целиком. С макушки и до пят.

Махнув на него рукой, тетя направилась к дому, я же, поколебавшись, нагнулась к водителскому окну.

— Обязательно все время быть таким придурком? Вот обязательно? Мог бы и не открывать свою варезку.

Он пожал плечами, ослепив меня широкой — от уха до уха — улыбкой.

— Прости, не сдержался. Чтоб ты понимала, я сейчас извинился за оба случая сразу. Ну, давай, беги уже за ней... тебе же так не терпится стереть мои следы из своей жизни.

Я нагнулась еще ниже и поделилась:

— Ты, Макс, все-таки клинический идиот. Я всегда это знала.

Горделиво, с чувством собственного достоинства развернулась, когда он меня окликнул:

— Эй, куколка! В другой раз... когда будешь разговаривать со своим молодым человеком, не верти так сильно своей пятой точкой... не говори столько грязных слов сразу, очень хочется тебя отшлепать... да, и не надевай больше такие короткие юбки. Как знать, может, твой парень еще и озабоченный. Или эта провокация намеренная?

Что он сказал? Вроде комплимент, но завуалированный под ругательство. Только он один так умеет. Показала средний палец.

— Ты еще и извращенец.

Макс послал легкий воздушный поцелуй.

— А ты у нас кто? Ах, да, ты же сама невинность... что шастает по ночам по чужим комнатам в поисках сомнительных приключений.

Не дав возможности ответить, врубил на полную громкость свою ужасную музыку, поднимая стекло.

Глава 12

В конце месяца все вместе мы отправились на горнолыжный курорт, чтобы попасть в струю, пока сезон не завершился. Успели вовремя. Я заслужила недельные каникулы, не особо переживая, что, уехав, пропущу несколько лекций. Потом наверстаю. Макс, конечно, по этому поводу не запаривался вообще.

В самолете мы с ним снова спонтанно сцепились. Не специально, но это было сильнее меня. Макс профессионально клеил молоденькую стюардессу, она была не против, и мне пришлось изрядно потрудиться, чтобы не слушать весь полет их противного воркования, потому что она от наших кресел почти не отходила. В итоге неудачно (удачно) опрокинула стакан сока — частично на нее, частично на Макса, а стоило ей удалиться чуть ли не в слезах, он отмалчиваться не стал. Заноза в заднице, это самое культурное, что я слышала, и мы оба, воротя носы друг от друга, в который раз от сердца, вслух пожалели, что сразу не потребовали рассадить нас по разным местам. В конце концов, рядом с тетей, в хвосте, я бы чувствовала себя гораздо комфортней.

Когда Макс окончательно заскучал, не придумал ничего лучше, чем просто потянуться ко мне, вытащить наушник из моего уха и с самым серьезным видом вставить в свое. Я тут же развернулась к нему грудью, готовая к новому сражению, но он прикрыл глаза, показывая, что его все устраивает. Мой вкус. Моя музыка. Мое общество.

Я такой отходчивой не была. Какое-то время еще смотрела на него с подозрением, гневно раздувая ноздри, но глаз он так и не открыл, игнорируя грозный посыл. Тогда я тоже не стала привередничать. Пускай слушает. Мне разве жалко? Музыка успокаивала, умиротворяла, и я последовала его примеру. Но умиротворение мое продлилось ненадолго. Стоило отвернуться к иллюминатору, он заграбастал плеер прямо с моих коленей, внося коррективы в список воспроизведения. В ответ на мой праведный гнев... с невозмутимым лицом вынул из моего уха и второй наушник.

Пока дядя расплачивался с водителем, мы выбрались из машины, разминая ноги. Расторопный служащий уже вынимал чемоданы из багажника, и можно было оглядеться. Кра-со-та. Стояла чудная погода. Легкий морозец, от которого краснеют щеки и не более, белые облачка в головокружительной синеве, но в целом солнечный день. Не день — мечта.

Вокруг сновали отдыхающие. Конечно, большинство облачены в лыжные комбинезоны, со снаряжением, но были и просто прогуливающиеся. Людей было много. Практически все комнаты отеля оказались заселены, но для нас действовала бронь. Администратор за стойкой заметил, что нам повезло, потому что всю прошлую неделю склоны засыпало снегом. Я только приподняла брови, продолжая вертеть головой по сторонам, проникаясь атмосферой этого места. Думаю, дело не в везении, а в банальном умении хотя бы изредка читать прогнозы погоды, в уме сопоставляя данные.

Мой номер оказался очень даже не плох. Не ожидала, поэтому радовалась, как дитя. Дядя не поскупился, я буду чувствовать себя в ближайшую неделю здесь, как дома. Скромная прихожая плавно перетекала в уютную овальную гостиную, из нее вели еще две двери — в спальню с шикарной широкой кроватью на небольшом возвышении и в ванную комнату. Но больше всего меня поразило вид из окна — панорамного окна с видом на заснеженные альпийские склоны. Здесь я надолго задержалась, водя носом по стеклу, упираясь коленями в мягкие подушки, не в силах оторвать восхищенных глаз, не в силах сдержать восхищенных

возгласов. Пока стекло не запотело.

Наши номера располагались на одном этаже. Когда пришло время спускаться, мы все почти одновременно собрались у лифтов. Конечно, Макс вышел последним, заставив себя ждать. Его номер располагался в дальнем конце коридора, и пока он вышагивал к нам по цветастой ковровой дорожке, я успела прекрасно его разглядеть. Во всех подробностях. Сегодня он был просто невыносимо хорош. Челка теперь небрежно падала набок, а может, он не потрудился уложить волосы, потому что шапка все равно испортит прическу. Черная водолазка под горло сидела плотно, как вторая кожа. Мягкие кошачьи движения, безупречная спортивная фигура. Да он же идеален. Что-то похожее озвучила тетя, приветствуя его. А я демонстративно отвернулась, с усилием выжимая кнопку лифта. Раз. Еще раз. Табло упрямо не загоралось. И снова запах свежести его парфюма ткнулся прямо в ноздри.

— Помочь?

Повернулась, поймала взгляд — насмешливый, снисходительный, впрочем, как и всегда. Мне далеко до совершенства, понимаю. Открылись дверцы лифта, хмыкнув, не удостоила его ответом, шагнув в кабинку первой.

Последующие дни — сочные, переполненные позитивными эмоциями, при всем разнообразии, все же, были похожи один на другой, как всегда бывает в отпуске, ну, или на каникулах. Плотные завтраки в отеле, на которых настаивала тетя. Дни, проведенный на воздухе — свежем, горном, опьяняюще-прекрасном — со взрослыми или без них (дядя всегда предпочитал после обеда отдыхать, тетя частенько составляла ему компанию). И вот тогда я оставалась предоставленной самой себе. Кайфовала. Столько свободы сразу! Уж я-то знала, как использовать ее по назначению.

Заученные движения. Взятое напрокат снаряжение. Подниматься на подъемнике, чтобы скатиться с горы — это стало смыслом моего существования, и не надоедало, независимо от того, сколько часов я на это тратила. Сразу влилась. Мне это легко далось. Обменивалась приветствиями с постояльцами, лица которых примелькались. Английский — международный язык, но здесь было достаточно нехитрых жестов, чтобы понять друг друга. Русских здесь тоже было достаточно. Но я в компаньоны никому не набивалась.

В физическом плане было гораздо сложнее. Зря по возможности не пользовалась спортзалом в цокольном этаже. Вернусь — исправлю это. Если на склоне я фонтанировала энергией, то стоило добраться до номера, сдувалась, как проколотый мячик, едва хватало сил принять душ, притащиться на ужин. У Макса, конечно, сил было побольше, чем у меня. Гораздо больше. Откуда они брались, неизвестно, ведь по вечерам он в основном развлекался. Ближайшие пабы, независимо от времени суток, были переполнены молодежью. Макс прежде бывал здесь, в этих местах, и не раз, потому зачастую игнорировал их, зачем-то таскаясь в город. Наверное, там располагались заведения повеселее, покрепче или покруче. Следуя указаниям своего отца, мне отправиться вместе с ним он не предложил ни разу. Да я бы не согласилась.

На детских «зеленых» трассах кататься довольно скоро приелось. Захотелось новых ощущений. Острых. Неизведанных. Хотелось драйва. Скорости. Могучего ветра в лицо. А может, просто поверила в свои силы, я ведь уверенно стою на лыжах. Решила попробовать кое-что посложнее, да и увязалась за каким-то сноубордистом. Сначала безо всякой цели.

Тот склон был крут. Опасен. Резкие перепады высоты, гляди, не промахнись. Приближаясь, увидела, как парень ловко нырнул вниз. У меня даже в горле дыхание сперло

— вот так просто с кручи сорвался. Подошла — он был уже глубоко внизу, почти отвесно, скользил теперь меж холмов, балансируя на грани, маневрируя. Невероятно. Настоящий профи. Захотелось скользить точно так же. Смогу?

С ближайшей елки сорвалась полка снега, заставив вздрогнуть от неожиданности. Только отвела глаза, а парень уже исчез. Снова тишина. Опять глянула вниз. Я смогу. Наверное. Да, это мне по силам. Подкатилась чуть ближе, опираясь на палки, решаясь. Резко выдохнула. Еще чуть. Еще сантиметр. Приподняла руки, замахиваясь, и... меня внезапно и грубо дернули за шиворот. Всплеснув руками, выпустила палки, опрокидываясь навзничь, хлопая ресницами в распахнутые небеса. Небо заслонила чья-то массивная тень.

— Сдурела?? — жестким рывком меня поставили на ноги. — Это что за финты? Решила свернуть себе шею? Сказала бы мне, я знаю способ попроще, — рывкнул Макс, — еще раз тебя здесь увижу... — крепко зажал в кулаке ворот моей куртки, притягивая к себе, и пришлось приподняться, чтобы компенсировать разницу в росте, — еще раз... клянусь, я тебя ремнем отшлепаю. Я тебе клянусь, куколка. Хочешь? — лицо его было перекошено от злости, на скулах двигались желваки, пока он впивался в мое лицо. Разжал пальцы, как грязь стряхнул. — Считай, на сегодня ты закончила. Двигай за мной!

Распорядившись, пошел дальше, все дальше, тяжело ступая, а я замерла — испуганная и растрепанная — пытаюсь отдышаться. Подобрала палки. Кто-то из свидетелей ссоры все еще оборачивался, на чьих-то лицах я читала недоумение или тревогу. Я и сама не подозревала, что Макс способен испытывать такие яркие эмоции. Все это было очень похоже на заботу. Наверное. Ну, немного смахивало на нее. На какую-то извращенную и аномальную заботу обо мне. Но все-таки...

— Ты оглохла там, что ли? Ногами перебирай, Ника! Шустрее!

Пришлось подхватить палки и догонять.

Вот с того самого дня все манипуляции с лыжами на склоне я проделывала исключительно под присмотром Макса. В его обществе. Под его руководством. И только так. А он легко мог сойти за инструктора, потому что сам катался отменно... Нет, он не навязывался, не напрягал меня, но я постоянно чувствовала его присутствие за спиной, где-нибудь рядом — его невидимую поддержку. Даже если при этом мы весь день не говорили друг другу ни слова. Не общались. Не встречались глазами. А когда Макс решал, что с меня достаточно, просто подходил и ставил меня в известность. А если слышал противоречие, просто ждал — неподвижно, с каменным выражением лица — и я неизбежно начинала совершать ошибки, и всякий раз дело заканчивалось тем, что я разворачивалась и плелась за ним в отель, подчиняясь.

А как-то раз за ужином Макс обмолвился, что завтра утром выйдет на пробежку. Соскучился, видать, по бегу. Здесь имелись соответствующие маршруты по интересам, но в этот раз тетя почему-то предложила мне составить Максиму компанию. Сказала и сказала. Конечно, на пробежку выходить я не планировала — не мой конек — но Макс уже вцепился мертвой бульдожьей хваткой. Я так и застыла с трубочкой у рта, не успев проглотить молочный коктейль, когда, смерив меня нечитаемым взглядом, он произнес:

— Зря стараешься, мама. Вероника и спорт — понятия не совместимые. Поверь, я видел ее в деле.

Конечно, я сразу встала в позу. Наверняка он знал: все так и будет. Поскорее проглотила коктейль, чуть не подавившись. Макс едва пригубил глинтвейн, не сводя с меня наглых глаз. Но в этой дуэли я не проиграла.

— Где и во сколько встречаемся?

— Неужели придешь? — ненавистная бровь приподнялась.

— Спрашиваешь, — прищурилась, доказывая серьезность намерений, — скорее бы утро!

Пусть для этого мне придется подняться с петухами, пусть придется разбиться в лепешку, чтобы не сойти за врушку — приду!

Конечно, я изначально знала, все это выльется в кошмар наяву. Но я не знала, что кошмар будет длиться вечно. Макс по мелочам не разменивался, щадить меня тоже не собирался. Скупно кивнув при встрече, сразу задал неслабый темп, наглядно показывая, кто здесь хозяин положения. Не интересуясь, по нраву ли мне... по силам... просто бежал. Конечно, я потрусилась следом, не успев возмутиться: а где разминка? Сам-то, небось, уже размялся, разогрел мышцы, вон как разругался.

Минут через десять начало сбиваться дыхание, еще через пятнадцать — неприятно взмокла спина, скоро вдоль позвоночника заструился настоящий пот и стали заплетаться ноги. Рассвет в то утро был просто изумительным, чистым и ясным... таким высоким, долгим, но на небо я не смотрела, восторгаться мне было некогда: хотелось сдохнуть. Повернуть назад, хотя понимала: полдороги уже позади. Исчезнуть, шагнув прочь с тропы, не сказав ни слова. Заметит ли? Проклясть кого-нибудь, в конце концов...

Дорога сделалась уже, извилистей, рядом сгорбилась гора, и если раньше Макс старался держаться поблизости, то обгоняя меня, то заходя за спину, сейчас он вырвался вперед. Удалялся, избрав комфортный бег, который мне не по зубам. Стало совсем грустно. Для кого я стараюсь?

Тело уже всюду ломало, о том, что будет, когда вернусь, я старалась не думать. Поясница ныла, предъявляла претензии, требуя немедленной остановки, в правом подреберье ожидаемо закололо, я ведь действительно не привыкла к подобным нагрузкам. А Макс все продолжал бежать — плевать ему на мои перегрузки, бежал, не оглядываясь, как спортсмен, плотно сидящий на допинге... как не признанный чемпион к красной ленточке... да и ноги у него длиннее...

Неудивительно, что на следующем повороте я сдала позиции. Разрыв лишь увеличивался, и тогда я решила. Посильнее разогналась на затяжном спуске, решив во что бы то ни стало догнать Макса, а то и обогнать, что-то ему доказать... или самой себе, поэтому проворонила неровность... споткнулась, не удержавшись, поскользнулась и все же шмякнулась — сначала плечом, потом и затылком. А после просто растянулась во весь рост. Уже радуясь, остывала, слушая тишину, разглядывая ведомые ветром туда-сюда кроны заснеженных деревьев. Какая же вокруг красота и безмятежность!

Скрипнул снег под трекинговым ботинком. Макс тут же оказался рядом. Даже не сбив дыхания, упал на снег передо мной, склонился, осторожно убирая волосы с моего лица. Стянув зубами перчатку, стер со щеки подтаявшие капли снега своими теплыми пальцами. Я лежала и смотрела на него.

— Ты как? Ника... где-нибудь болит? Скажи мне, где болит?

— Везде, — мученически закатила глаза, — ты же меня умотал... Оставь меня, Макс. Просто оставь меня здесь, — скорбно прибавила, вяло шевеля конечностями, чтобы сделать снежного ангела, — кажется, я умираю...

Он, наконец, понял, что физически я не пострадала, и выражение тревоги с лица вмиг стерлось. На смену ему пришло другое. Не очень хорошее.

— Симулянтка... Хорошо. Я тебя прямо здесь прикопаю, чтобы не страдала, — в лицо

полетел снег, сначала легкая крошка, потом субстанция поплотнее, и я зажмурилась, отворачиваясь, потом уворачиваясь, потому что Макс не шутил, принялся забрасывать меня снегом. Как бы намылить не вздумал. Какой же он еще незрелый.

— Прекращай, — еще полная ладошка снега, как ковшом, и я начала отплевываться, заерзала, приподнимаясь. Ничего не поделаешь, придется вставать, он даже мертвого поднимет, — ну, прекращай... все... Макс... нет, ну, ты как ребенок... да я уже наелась снега... ну, хватит... что за... вот же...

Голосу рассудка он не внимал. Теперь снег сыпался непрерывно: Макс загребал его обеими руками, швырял в меня пригоршнями, не на шутку разошелся, осыпая каскадом, выстреливая, как из снегоуборочного рукава. Наверное, этой убийственной технике обучены все мальчишки. С пеленок.

— Это только начало, — мстительно заметил. — Не сопротивляйся. Все быстро закончится. Я обещаю.

Но у меня были другие планы. Далеко идущие.

— Нет, это я тебе сейчас покажу... быструю смерть. Мгновенную. Ты у меня сейчас попляшешь.

Я блефовала. Разумеется, мне удалось перевернуться, потом и встать на четвереньки, прикрывая лицо, даже скатать снежок удалось и размахнуться как следует. Даже попасть. Снежный ком успел разбиться о куртку где-то в районе груди, не выше, но его рука уже метнулась ко мне, наперерез, не дав нагнуться за следующим, взяла за плечо, развернула, возвращая на обе лопатки сразу.

— Куда собралась? Так не пойдет. Лежи смирно, куколка. Лежи смирно, — я не желала выполнять его дурацкие требования, и тогда Макс навалился сверху, жестко фиксируя меня, сгреб руки, выводя их над головой, прижимая к снежному насту отнюдь не вежливо, потому что я беспорядочно размахивала ими, сопротивляясь, отталкивая. Потом недовольно кряхтела, трепыхаясь, как рыба. Потом принялась несдержанно орать, вконец обессилив:

— Это не честно! Да ты же сильнее меня! Ты меня сейчас раздавишь! Ты уже раздавил! Макс! Не играю! Я так не играю!

Плевать ему было на мои возмущенные вопли, он меня обезвредил, обездвижил, теперь просто наблюдал с довольной усмешкой. Но вместо того, чтобы продолжать злиться и кипеть чайником, я вдруг рассмеялась в голос. Лежать на снегу в мороз мне было совсем не холодно. Рассмеялась громче. Макс тоже улыбался, глядя на меня, слушая мой смех, но придерживал по-прежнему крепко, чтобы вдруг не ускользнула. Снег осыпался с ближайших веток, а снежинка с его ресницы мягко спланировала на мое лицо, и вокруг была только пронзительная тишина, оранжевая заря в бледной шафрановой дымке и... какие-то люди.

Мимо пробежала парочка таких же ранних пташек, что и Макс. Кажется, это были немцы. Удивленно оглянувшись пару раз на меня, распластанную, хохочущую, они все-таки выдавили из себя пожелание доброго утра. Что ни говори, вежливость у этого народца в крови. Макс что-то ответил им по-немецки. Они сначала изобразили удивление, косясь на меня, а потом даже заулыбались тепло, по-домашнему, как будто оценили шутку, и даже помахали нам, удаляясь. Вскоре исчезли за поворотом, не стало слышно шагов.

— Слезь с меня, Макс. Ты победил... победил. Теперь отвали...

Он не шевельнулся, только перевел глаза на меня. Улыбка играла на губах, восходящее солнце плавало сталь в зрачках. Пока мы боролись, шапка слетела, и волосы упали ему на лицо. Хотелось убрать их, отвести в сторону, открывая лоб, но руками я сейчас не владела,

да и мгновение портить не стоило. А вот очень колоритный кадр можно было сделать. Вышло бы просто потрясающе. Но не судьба.

Любопытной я была от природы:

— Значит, ты еще и по-немецки говоришь?

Он чуть поерзал, словно пытался улечься поудобнее. На мне. Кажется, это не вызвало у меня отторжения.

— Совсем немного. Так... всего несколько слов знаю... Завидуешь?

Я прищурилась, потом устало прикрыла веки. Слишком много сияющего белого цвета вокруг. Похоже, скоро у кого-то разовьется снежная слепота. Макс ослабил хватку, чтобы я могла освободить руки. Я этим воспользовалась, медленно разводя их по сторонам, зарываясь кистями в снег. Его тело напряглось — подобрался, собираясь встать.

— Что ты им сказал? Ты сказал им что-то про меня, я знаю...

Замер.

— Ничего... кроме правды.

— Какой правды? Какой еще правды? Что ты сказал? Переведи, я же не знаю немецкого.

Расслабился.

— Сказал, что ты немного не в себе, — крутанул пальцем у виска, перенося вес на другую руку, чтобы повернуться, усаживаясь на снег, — что с головой не дружишь сказал. Не смотри так. Ты же не станешь отрицать очевидное?

Спорить не стала. Не до того. Я подозревала, сказал Макс не это. Может, не совсем это. Не дословно. Не в таком контексте. Я ясно расслышала, с его губ сорвалось *liebe*... а то, что означает это слово... Уж точно не «дурочка», это даже мне было известно.

Из-за поворота снова показались какие-то люди. И мне давно уже было не смешно. Наверное, ему тоже. Пружинисто вскочив на ноги, Макс сказал:

— Давай-ка сворачиваться. Подъем, Ника.

Оттряхнул шапку, запихивая в карман. Протянул руку.

На обратном пути мы больше нигде не задерживались. Жаль, до отеля путь был неблизким, слишком далеко загнал меня Макс. Хорошо, больше не торопил, не цеплял, мы вообще больше с ним не разговаривали. Повторять пробежку в ближайшее время, думаю, я точно не стану. А ближе к концу пути, словно жалея меня, Макс даже перешел на шаг, за что я была ему действительно благодарна. Так что к отелю мы подошли, уже отдышавшись, как будто возвращались с самой обычной, пусть и очень ранней совместной прогулки.

*

liebe — любовь

Но вот незапланированные каникулы приблизились к своему логическому завершению. Уже послезавтра можно будет увидеться с друзьями, снова посидеть в кафе, отоспаться в своей кровати. Спать, наверное, как урожденная сова, я буду до самого обеда. Сегодня я тоже задержалась со сборами, поэтому к кабинкам успела выстроиться приличная очередь. Стоя рядом, Макс привычно роптал, и мне пришлось долго игнорировать его нытье. А потом, проследив глазами за какой-то симпатичной девушкой, он вдруг решил взять себе горячего кофе. Кого он пытался обмануть? Будто я не заметила, что он пошел вслед за ней.

Вывести меня из себя не получилось. Настроение было бодрым, в голове крутилась

какая-то веселая композиция, я с удовольствием мурлыкала ее себе под нос, наблюдая за суетой вокруг. Но все на свете имеет предел. Простояв так довольно долго, почувствовала раздражение и холод. Где же Макс? Он возвращаться вообще собирается? Скоро наша очередь подойдет. Нервничая, принялась оглядываться по сторонам, и тогда мой блуждающий взгляд остановился вдруг на чьем-то незнакомом лице.

Этот парень стоял, глядя прямо на меня, чуть приоткрыв рот, разве что слюна с подбородка не капала. То ли не заметил, что я тоже смотрю, то ли сильно призадумался, потому что выражение не изменилось. Когда мне в край надоели эти глупые гляделки, вспомнив Макса, с намеком покрутила пальцем в районе уха. Жест универсальный, думаю, поймет. И парень, действительно, отмер, а потом стремительным шагом направился ко мне, но ведь я добивалась не этого. С ходу пустился в объяснения. Оказалось, тоже русский.

— Нет, я не болен психически, — у него был очень приятный баритон, и внешность, кстати, тоже была недурна, особенно сейчас, когда закрыл рот, — и в развитии не так уж сильно отстаю, ты не думай, — а потом добавил, продолжая смотреть с неподдельным восхищением. — Я... я просто обалдел. Не каждый день таких красивых девушек встречаю...

Мы оба рассмеялись. Одновременно. Весело, искренне рассмеялись. Это было легко. Стоять с ним рядом, изучать глазами, обмениваться эмоциями. Наверное, со временем мы могли бы стать добрыми друзьями, а может, и не только...

За беседой не заметила, как пролетело время. Мы приехали сюда из разных концов нашей необъятной страны, а на деле выходило, будто выросли в соседних подъездах. Устав дожидаться товарища, к нам подошли и два других его приятеля, ребята обступили меня со всех сторон, скрывая от посторонних глаз. Об очереди и Максе я уже не вспоминала. Мы даже отошли в сторонку, чтобы не толпиться, встали под деревьями.

— Ого, а у Андрюхи десяточка. Мое почтение, — неизвестно к кому и по какому поводу обратился один из них, голубоглазый крепыш в пестрой — бросалась в глаза — вязаной шапочке.

Андрей, тот самый парень, с которым познакомилась первым, раздраженно покосился на него, потом, вздохнув, принялся нас знакомить.

Когда с формальностями было покончено, кто-то из них поинтересовался:

— А ты здесь с кем, Вероника? Наверное, с семьей на отдых приехала?

Я замаялась. Снова вспомнила о Максе. Бросила взгляд в сторону редющей очереди, но его так и не нашла. Огорчилась. Наверное, приударил за той красоткой, успев позабыть про меня.

— Не совсем с семьей, но...

— Значит, со своим парнем? — уже с любопытством перебила вязаная шапочка. Любопытство мгновенно вспыхнуло и в мягких карих глазах напротив, что принадлежали Андрею.

Ответить я не успела.

— Она со мной. Еще вопросы есть? Я внимательно слушаю.

Меня грубо потеснили, отодвинули за спину, вклиниваясь в разговор. Одна палка упала. Пока я ее поднимала, с трудом нагибаясь в этом облачении, сделавшем меня неповоротливой клушей, ситуация усилиями Макса успела накалиться до предела.

— С тобой? — присвистнула шапочка, разглядывая его внушительную комплекцию, которую лыжный костюм сделал еще крупнее, — эта малышка с тобой?

— Как ты ее назвал? — нахмурился Макс, поворачиваясь к нему, — ну-ка, повтори.

— Без обид, приятель, — Макс стиснул зубы, выдавая первые признаки зарождающегося гнева, — повезло тебе, имею в виду...

Андрей поспешил вмешаться. Если бы этого не сделал он, наверное, вмешалась бы я.

— Филя, не свисти флягой... — и уже обращаясь к Максиму, — у нас нет проблем, парень... и здесь мы проблем не ищем, совсем наоборот, приехали, чтобы отдохнуть. Как и вы. Хотя лично я на твоём месте, — быстрый, но осторожный взгляд в мою сторону, — далеко бы от нее не отходил... мало ли... Но это так, просто совет...

— А ты не на моем месте. И в чужих советах я нуждаюсь меньше всего, — переключая внимание на Андрея, отрывисто бросил Макс. — А значит, каждый останется при своем, ясно?

— Ладно, ладно. Чего ты кипятишься? Я без подкола сказал.

— Я без подкола ответил. Если с этим разобрались... тогда дальше вы спокойно идете куда шли. Направление можете выбрать самостоятельно.

Ребята упорствовать не стали. Филя еще что-то ворчал за их спинами, но его быстро срезали. Извиняясь, я миролюбиво улыбнулась на прощание Андрею из-за плеча Максима, он ободряюще подмигнул в ответ. Наткнувшись на жесткий взгляд Максима, отвернулся. Чертов Макс. Разве можно так по-свински вести себя с людьми? Ребята ничего мне не сделали. Ему — тем более. Мне что уже, и познакомиться ни с кем нельзя? Я ведь не его собственность.

Устав, наконец, прожигать дыры в спинах удаляющейся тройцы, Макс развернулся ко мне. Глядел мрачно.

— Смотрю, времени даром ты не теряешь. Что, оптом дешевле?

Я даже задохнулась на этот выпад, а он продолжал:

— Я давно понял, от тебя будут неприятности... стоило тебя впервые увидеть... Но я не думал, что их будет так много. Мне что теперь, каждый раз придется устраивать гладиаторские бои, если ты окажешься рядом?

— А я-то в чем виновата? Что ты сравниваешь! Вообще-то сейчас мы просто общались, — я с возмущением смотрела на него, пытаюсь поправить съехавшие на лоб очки, объяснить что-то, хотя не обязана была этого делать, — Макс, да я же просто...

— Просто посиди в номере, Ника, — оборвал он меня, продолжая, не отрываясь, куда-то глядеть. Проследив глазами, я поймала в фокус стройную фигурку той самой роскошной красотки и позеленела от злости. А Макс, не замечая этого, продолжал, — неужели это так трудно? Ну, или упади на уши маме, она только рада будет снимать твою лапшу. Можешь ты хоть один день не создавать мне проблем? Можешь?

Красотка уже почти скрылась из виду, я видела, как напряглись его руки. Мыслями он был уже там, с ней, а не со мной рядом...

— Теряешь сноровку, Макс, — уронила через губу, — давай, догоняй быстрее... покажи мастер-класс. А то ненароком еще шею себе свернешь. А виноватой, как обычно, выставишь меня.

Не дожидаясь реакции, крутанулась на пятках. В глазах свербело. Но не от обиды. Не только от обиды. Было что-то еще. Что-то другое, в чем я еще долго не смогу себе признаться. Направляясь к главному корпусу, достала телефон и отправила Ярцева напрямик в ЧС. А пусть денек подумает над своим мерзким поведением. Ему не мешает провести самоанализ, почистить чакры, самосознание. Впрочем, и мне тоже.

У самого входа все же не выдержала, обернулась. Не то, чтобы я ждала, что он пойдет за мной, выберет меня, но... Максима за спиной уже не было.

Я просидела в своем номере до самого вечера. Сначала из принципа. Потом из мести. Потом из чистого упрямства. Упрямства было навалом, и даже острый приступ голода меня не остановил. Смотрела сериал, серию за серией. Грызла леденцы и орешки. Ужин тоже пропустила, сославшись тете на то, что у меня дико разболелась голова. А ближе к ночи вдруг услышала, как кто-то тихонько скребется в дверь. На цыпочках подошла, чтобы проверить догадку, и услышала знакомый голос.

— Ника, открой мне. Я знаю, что ты не спишь, — голос Макса — приглушенный, исполненный сожаления, а может, ему не хотелось, чтобы родители или кто-нибудь из постояльцев застукали его под моей дверью в столь поздний час, и он поэтому так проникновенно шептал, — и что с головой у тебя все в порядке, я тоже знаю. Пусти меня. Ненадолго...

Я молчала. Просто не знала, что на это ответить. Все еще не хотела с ним разговаривать. А кто бы захотел после того, что мне пришлось выслушать? Я что ли виновата, что у Макса язык без костей?

Он не уходил. И впрямь не поверил, что сплю, заговорил снова.

— Какая же ты вредная... — а куда без обвинений, это же Макс, — ну, не обижайся на меня. Я весь день тебе звоню, как дурак... и не могу дозвониться. Ты что, заблокировала меня? Это же детский сад, Ника... — помолчал. Как же, ответа не дождешься. — Ника... сегодня утром... я просто разозлился. Я очень разозлился. Не знаю, на кого. Не на тебя, это точно... Я сам не понял, почему так вышло... Ты... с ними... когда увидел... не знаю... Я был не прав... Слушай, давай уже поговорим, как взрослые люди, а не... Ну, открой... у меня в руке бутылка ледяного шампанского, в другой — бокалы... увидит кто, меня же засмеют... черт, я уже три пальца себе отморозил. Пусти меня. Выпьем на брудершафт? Я хочу с тобой помириться. Ника!

Осторожно отошла от двери. Я уже слышала все, что мечтала услышать. Хочет он. Ага. Я тоже многого хочу, но никого этим не напрягаю. Вот пусть теперь тоже помучается, поскулит под дверью... а потом пусть напивается у себя в номере в гордом одиночестве. А нечего вести себя, как пещерный человек... неандерталец... и хам.

В мозгу радостно вспыхнуло, когда снова забиралась на широкий подоконник, подбирая под себя ноги и накрываясь пледом. Значит, не выгорело у него сегодня с той красоткой. Злорадно потерла ладонь о ладонь, улыбаясь отражению в стекле мерзко, совсем как киношный злодей. И поделом ему. Кажется, я тоже не очень хороший человек. Но кто из нас способен к восемнадцати годам достигнуть абсолюта?... Не я... уж это абсолютно точно не я...

Макс оказался прирожденным переговорщиком. Приложил бы усилия, получил соответствующую корочку — и загребал бы немалые деньги. Я столкнулась с ним лоб в лоб в коридоре утром, едва высунулась за порог. Он мягко втолкнул меня обратно. Вошел следом, заботливо прикрыв за собой входную дверь.

— Не гневайся. Я пришел с миром.

А выглядел довольно помятым, будто всю ночь не спал.

— Ты что... ты же не прямо здесь ночевал? Я не хочу разбираться с администратором... С миром ты уже приходил, забыл? Пропусти. Я хочу есть.

Пошел на меня, заставив отступить.

— Ну, еще бы тебе не хотеть. Мне ведь назло вчера к ужину не вышла.

— Не слишком ли ты высокого о себе мнения, Макс? Я открою тебе тайну: мир не

вертится вокруг тебя. Орбита мелковата.

Он мужественно проигнорировал мое философское замечание.

— Собирайся. Отвезу тебя в город. Там и позавтракаем. Здесь неподалеку... есть одно хорошее местечко, не для туристов. Мое любимое, если хочешь знать.

Уселся в кресло, закинув ногу на ногу, наблюдая, каким интересом разгораются мои глаза.

— Что? Прямо сейчас? — просто кивнул, пока я сомневалась, — вот только не надо жертв, Макс. Ты знаешь, в отличие от тебя я совсем не кровожадна. И адекватна. Я тебя не держу. Можешь идти, куда ты там собирался. Так и быть... считай, с этого момента мы больше не в ссоре.

Он не шевельнулся, уверенно повторил, вынимая из кармана телефон, чтобы скоротать время:

— Собирайся, вредина. Не испытывай мое терпение. Его итак очень мало осталось. Смотри, я сижу здесь и терпеливо жду. Этот день я хочу провести с тобой... и только с тобой, что тебе непонятно? Родителей я уже предупредил, они не против... одна ты тут кочевряжишься...

Меня не надо было дальше уговаривать. Я тут же бросилась в комнату, распахнула створки шкафа. Что надеть? Что надеть-то?? Приплясывала. А в спину уже летел требовательно-возмущенное:

— Эй! Что-то я не понял... Почему я в ЧС до сих пор? Ника! Ау! А если бы я тебе ночку писал? А может, я и писал... Разблокируй меня! Сейчас же, слышишь? Чтобы немедленно меня разблокировала!.. Да я сам это сделаю... Где твой телефон, куколка? Где телефон, спрашиваю? — я слышала, как он шарахается туда-сюда по гостиной, — куда ты его спрятала? Ника! А ну, тащи сюда свою бесстыжую задницу. И телефон свой прихвати...

Натягивая через голову белоснежный свитер, я глуповато улыбалась в пространство.

За три недели до моего дня рождения по городу — и не только по городу, по всей области — провокационной волной прокатился слух о музыкальном фестивале, который организаторы решили в этом году провести непременно на берегу моря. Нашего моря. Апрельская погода позволяла. Никаких препон администрация не ставила. Мэр — не взяточник — палки в колеса тоже не вставлял.

Я до смерти любила море. Я хотела поехать на фестиваль. Но не знала, как отпроситься. Родители Макса тоже уезжали — на весь уикэнд. Повод: свадьба дочери близкой подруги тети. Но то, что их не будет, не давало мне полномочий действовать по своему усмотрению. Совесть грызла. Как жаль, что она у меня есть, подумала я, когда однажды за ужином решила открыть рот...

Море. Стоило мне вплести это слово в разговор: невзначай, безо всякой привязки к событию, даже не упоминая о планируемом на следующих выходных мероприятии, тетя с дядей вдруг совершенно неожиданно взорвались таким негативом, припоминая нашу с Максом злополучную поездку, что я долго, приуныв, слушала их гневные афтершоки. Тогда же решила, что о фестивале мне сейчас и вовсе не стоит упоминать. Себе же дороже выйдет.

Но время текло. Неумолимо текло. Поехать хотелось. Очень даже хотелось. Тело зудело. Ноги мечтали пуститься в пляс. Там же будут выступать мои любимые группы! Подружки тоже все уши прожужжали. Весь университет целую неделю гудел, как растревоженный улей. И вот наступил тот самый день. Время «Ч». Все случится уже завтра. Смирив свою гордость, я поняла, что готова. Готова пойти на крайние меры. Макс это событие уж точно не пропустит, я это знала наверняка. Знала, что он поедет. Что ж, фестиваль того стоил. Вот просто — пан или пропал.

Долго готовила себя, пристально через окно наблюдая, как Макс любовно возится внизу со своим внедорожником. Ну, что за идеальная пара. Погожий солнечный день. Макс, намывающий свой драндулет. На небе ни облачка. В воздухе — дыхание зарождающегося в глубине матери-земли лета. Конечно, он снял толстовку, оставшись в одной футболке. Поигрывая литыми мышцами, мелькал перед носом, нервируя меня. Вскоре к нему присоединился Руслан. Впрочем, этот без особого энтузиазма. Видимо, просто делать нечего. Но это даже кстати. Да. Свидетели мне не помешают. Итак, все располагало, решила я, идя навстречу успеху со стороны гаражных ворот.

Макс чуть сдвинул брови для острастки, как только я озвучила свое предложение.

— Значит, родители запретили, и ты сразу прибежала ко мне, — смотрела, стараясь не морщиться, в его ухмыляющуюся физиономию, — я польщен, куколка. Наконец-то мой авторитет получил заслуженное признание.

— Да я у них еще не спрашивала, — недовольно обронила. Что это за особый талант сводить тему любого разговора к собственной персоне?

Он пожал плечами, выжимая мокрую тряпку. Я смотрела, как из перекрученной ткани сочилась последняя влага. Какие сильные у Макса руки.

— Ну, так походи и спроси... При чем здесь я?

Поравнявшись с приоткрытой задней дверцей, прижалась животом, наблюдая, как он тщательно трет одно и то же место — размашистыми, уверенными движениями. Засмотрелась, словно на трюк на сеансе гипноза — тот, что с раскачивающимся

медальоном. С трудом отвела глаза. Солнце, отражаясь от глянцевої поверхности, слепило.

— Я хочу поехать с тобой, — Макс только хмыкнул, но я не отступила, — возьми меня с собой, Макс. С тобой меня точно отпустят...

— Вот оно что, — он выпрямился, откидывая челку со лба. Не пора ли ему постричься, в самом деле, подумалось раздраженно. Бросил тряпку в ведро с грязной водой. Ведро стояло у переднего колеса, но он забил трехочковый. Вытер руки о штаны, — а в чем тут моя выгода, куколка? В Тулу, сама понимаешь, со своим самоваром попрется только дурак. Я похож на дурака?

Я закипела моментально.

— Ты... Вот можно подумать, мне это нужно! Да больно надо! Мне это надо не больше, чем тебе! Да гуляй ты, с кем хочешь. Хоть ноги по колено себе сотри... И вообще... я не это имела в виду. Зачем ты всегда все выворачиваешь наизнанку? Еще и это приплел... а я к тебе вообще-то по нормальному вопросу обратилась, думала, ты человек, а ты...

— Хамишь, — лениво резюмировал Макс. Он уже отвинтил краник, и теперь присел, поливая себе на руки из шланга, — а ведь должна сейчас слезно просить меня, уговаривать, а то и умолять, чтобы я согласился, это же было твоей целью, ты ведь за этим сюда пришла? Ты всегда такая непоследовательная, Ника? Или режим тупой блондинки активируется только в моем присутствии?

Я задохнулась от возмущения, зачем-то принялась оглядываться по сторонам, то ли призывая небо в свидетели, то ли надеясь, что где-то в укромном месте и в самом деле терпеливо ждет моей отмашки снайпер. Было бы кстати. Но взгляд нащупал только лицо Руслана. Сидя в салоне, вихрастый сосредоточенно настраивал частоту, не обращая на нас никакого внимания.

Нужно было срочно остыть. Всегда терялась, когда Макс так спокойно цедил оскорбления. В таком настроении с нахрапа его не возьмешь, не подберешься, только ногти себе обломаешь. Ну, так и быть, придется уговаривать. И то не факт, что поведется.

— Макс... — я театрально вздохнула, — ну, Макс... — он уже вытирал руки, с усмешкой поглядывая на меня, — ну, там будут все мои девчонки. Они все поедут, все, а я... Ну, пожалуйста, возьми меня с собой, ну, что тебе стоит. Увидишь, от меня не будет хлопот. Да ты меня даже не заметишь...

— На что ты готова ради поездки? — перебил он, поднимаясь и упирая руки в бока.

Вот это уже серьезный разговор. Деловой. Это я понимаю. Оживилась.

— Да на что угодно. Только возьми меня, Макс. Возьми меня с собой.

— Ладно, возьму, — я едва не подпрыгнула от радости, — но сначала... — выдержал паузу, — ты вымоешь мою машину. И не на отмазаться, а на совесть.

Швырнул в меня тряпкой, что держал в кулаке. Ну, конечно. Вот и унижения в ход пошли. Сейчас их будет больше. Я сразу отбросила тряпку в сторону, будто горящую паклю.

— Подними, — указал бровями, — а когда закончишь здесь, позовешь меня... выгоню из гаража следующую.

— Это все? — язвительно прищурилась я, — или будут еще пожелания? Выкладывай, не стесняйся.

— Ты начинай, — невозмутимо ответил, — а там поглядим... А теперь тряпку подняла. Живо. Она вообще-то чистая, обрабатывать надо. Но куда тебе...

Видит Руслан, я пыталась с ним договориться, но этот парень, похоже, русских слов вообще не понимает. Или удачно делает вид, что иностранец. Ноги вдруг коснулся пластик,

ненароком глянула вниз, разглядывая круги на темной грязной воде. Даже не колебалась. Всего-то половина ведра. Дужка послушно легла в руку. Макс не успел помешать, а скорее, не ожидал. Полуоборот, и я в замедленной съемке наблюдаю, как летят в него брызги воды, разбиваясь в полете на капли.

Удивительно, он даже не вздрогнул, когда поток обрушился в лицо стеной. Только закрыл глаза. Руслан где-то сбоку присвистнул, стремительно выбираясь из машины — спасти Макса или меня от Макса, не знаю. Я в его сторону даже не посмотрела. Не на том горизонте собирались черные грозовые тучи.

Вот он отмер, поднял руку, убирая с лица излишки влаги. Четкое движение закончилось на подбородке, пальцы гневно стряхнули капли на землю. Он посмотрел мне прямо в глаза, мгновенно отыскав выжигающим дотла взглядом.

— Один — ноль, — проговорил тихо, но страшно, — а теперь мой ход.

Он еще только нагибался за шлангом, а я уже знала, что будет дальше. Очки неизбежно сравняются. Засуетилась, заметалась, перевернула ногой ведро, случайно наступив в него, едва не растянулась на дорожке, облегчая ему задачу.

— Макс, не надо. Ну, подожди. Давай поговорим, как цивилизованные люди... мы же можем...

Руслан рыбкой нырнул в салон, чтобы не попасть под замес. Ну, почему я не поступила точно так же? Запаниковала. На секунду упустила Макса из виду, оббегая вокруг машины, решив укрыться от его мести на заднем дворе, и вот здесь-то он меня изловил, жесткой рукой поперек туловища. Это все уже было. Только в этот раз вода была безупречно ледяной, а о пощаде я почти не просила. Интересно, как кашемир переносит холодный душ?

Когда все закончилось, вдруг набежали тучки. Потеряв интерес ко мне, Макс уже вернулся к машине, стянул с себя мокрую футболку, точным движением отправив куда-то в угол. Нагнулся к багажнику, сверкая обнаженной спиной, копался в нем. Натянул толстовку, застегнул молнию на груди. Я продолжала стоять, как мокрая облезлая курица, обтекаемая. Откуда-то изнутри уже начинал рождаться озноб.

— Битва бастардов, блин... Я будто в Хельмовой Пади побывал... теперь даже не знаю, кто из вас круче, — с восхищением крякнул Руслан, обращаясь к Макс, — ты или эта девчонка.

— Яйца, Рус, — игнорируя мое присутствие. — Яйца всегда круче.

По-моему, в тот момент я его действительно ненавидела.

— Меня трясет от тебя, Ярцев, чтоб ты знал! Меня от тебя просто...

— Тебя трясет не от меня, а от холода, — спокойно заметил. — Дуй в дом и переоденься. Что стоишь? Бегом давай.

— Я все равно поеду туда... я все равно... — повторяла, чувствуя, как в уголках глаз начинают скапливаться слезы, — с тобой или без тебя, я...

— Ну, не быкуй ты, Макс, пусть она поедет. Что здесь такого? — неожиданно вмешался его приятель.

— Руслан, — угрожающе протянул Макс, поворачиваясь к нему.

— А что Руслан? — отмахнулся, — ты же не дал ей ни одного шанса, а это, брат, не пацански, — с симпатией посмотрел на меня. — Я тебя приглашаю, Ника. Романтик, конечно, не обещаю, но поедешь ты со мной. Сейчас пойду и отпрошу тебя. Вот прямо сейчас. Не волнуйся, мне они не откажут. Так что... завтра я за тобой заеду. Выходи в полдень, я буду у порога ждать, вот здесь... А если задержишься... ничего страшного... я

подожду, — улыбнулся, — выйдешь?

Макс молчал, глядя только на Руса. Сцепил зубы до хруста, но упрямо молчал. Руслан его не боялся. Подмигнул мне, и губы сами собой растянулись в ответной улыбке. Какой приятный человек этот вихрастый. Плакать тут же расхотелось. Повременю. Я не раздумывала ни минуточки.

— Я выйду, — сказала, все-таки клацнув зубами.

— В дом зашла, я кому сказал! — расвирепев, вдруг рявкнул Макс, заставив вздрогнуть. — Ника, сейчас же!

— До завтра, — благодарно шепнула Русу, обхватывая себя за плечи, окрыленная, взмывая вверх по ступенькам.

— Ну и какого хрена ты вытворяешь, Макс? Что это было? — еще успела услышать, как негромко сказал Руслан.

Ответа Макса так и не дождалась.

Руслан не обманул, приехал даже с запасом времени, но и я не промах, вышла загодя. Так что ровно без четверти двенадцать, закинув мою скромную спортивную сумку в багажник, мы уже выехали за пределы города. Да, путь был неблизким. Да, присматривались друг к другу. Первые километры мы оба слишком нервничали. Я видела в нем только продолжение Макса, а он, скорее всего, подарок, который нельзя распаковывать ни в коем случае. Хотел ли он снять обертку? Да кто его знает.

Руслан не старался наладить диалог, давая мне время адаптироваться. Меня все устраивало. А потом... был легкий перекус на трассе, когда Рус феерично опрокинул на себя стакан с соком, и мы ржали, как кони, пока он переодевался у машины. А потом — заправка авто, и он неожиданно посадил меня за руль, доверяя свою жизнь. А после, когда пересела на пассажирское — и дрожь в руках, и немеющий язык, и все мои эмоции, которыми фонтанировала, благодаря, радуясь, что не подвела, а он лишь тепло улыбался. А в музыкальных предпочтениях мы вообще вдруг раскрылись друг другу. Подъезжая к побережью, я уже была его штурманом. Его путеводной звездой. Неловкости как не бывало. Молчание между нами с тех пор если было, то лишь расслабляющее, а не вынужденное. Руслан — вот кого бы я со временем могла назвать своим старшим братом. Ну, почему не он родился у моих родственников?

Ярцев не крохоборничал, заблаговременно снял гостиницу в два этажа неподалеку от места проведения фестиваля, разумеется, в доле со своими приятелями, одним из которых был мой водитель, поэтому неудивительно, что он привез меня прямо сюда. Возле входа — знакомый невыносимо-желтый спорткар — выходит, с собой он мог взять лишь одного человека... Кого? Свою новую подружку? А может, и вовсе приехал один? Почему вообще я думаю об этом?

Прямо в дверях мы столкнулись с Максом. Ребята сухо пожали друг другу руки, на меня Макс даже не взглянул. С ним была компания, около дюжины человек, друзья, девушки, не знаю, кто за кем ухлестывал, не хочу знать, кто с кем будет спать. Они уже выходили, и я замялась на пороге, пытаюсь поймать и одновременно опасаясь нарваться на его взгляд. Напрасно. Макс, в числе прочих, прошел мимо меня. Но было и существенное отличие: он прошел сквозь меня, будто я была пустым звонким местом. Зацепило ли? О, да. Внезапно изменив решение, даже не стала доставать свои вещи из машины, и мы с Русланом — в

прежнем тандеме — отправились в заведение напротив, чтобы теперь полноценно пообедать.

А потом был концерт. Музыка уже оглушала, а ведь исполнители только настраивались на нужную волну. Взрыв, фейерверк... И девчонки, с которыми встретила, созвонившись. И я не думала ни о чем. Вибрировала, подпевала, вторила и фальшивила, как и море голосов рядом. Вспышки камер, фонарики на телефонах, софиты, долбящий звук, намечающаяся пенная дискотека. Здесь было все, о чем только можно мечтать. Все, о чем я мечтала. Эмоции зашкаливали, глаза разбегались. И все же мне почему-то было грустно. Разлив дегтя становился все шире, отравляя реку меда. Грустнее было от того, что я это понимала. Разве об этом я мечтала? За плечом моим Руслан, и плечи мои обнимает он, а не Макс. А я разве хотела, чтобы это был Макс?.. А где он... Макс?

То, что я ни разу не увидела его после условной встречи по приезду, жирно, нахраписто перечеркнуло вдруг все воображаемые плюсы этого мероприятия. Почему Макса не включили в программу? Что мне ваши песни? Что музыка? Что исполнители... только и думала, перебирала в уме... Где он? С кем? Думала и не понимала, зачем загоняюсь. Думала и не понимала, что я вообще делаю здесь, без него...

Руслан, как мог, отвлекал от порочных мыслей. Извлекал из глубокого высохшего колодца. Ставил рядом, поил. Но жажда не уходила. Наконец, не выдержав, я попросила отвезти меня в гостиницу. Взяв за руку, Руслан тут же начал двигаться в сторону рамок металлодетекторов, настойчиво проталкиваясь сквозь беснующуюся толпу. Он не спорил со мной. По-моему, знал, что мною движет. Кажется, сочувствовал. Наверняка даже соболезновал.

Здесь, в гостинице, была своя, независимая атмосфера. Это было ясно еще на улице. Стайки подвыпившей молодежи плотно облепили крыльцо. Вошли. Холл, полный народа. Глаза наши его беспрепятственно. Макс сидел на диване, у окна, чуть поодаль от других. Сидел безразлично, отрешенно, затылком откинувшись на спинку, смотря в сторону, будто не здесь находился, будто это была всего лишь его красивая оболочка, но... на руках у него под чувственную композицию ерзала девушка. Очень пьяная девушка, готовая на все, а он... придерживал ее ладонью за бедро.

Не думала, что у боли бывает градус. Крепость моей меня срезала, как катаной. Колющий прямо в сердце. Отрицая увиденное, невольно попятилась, точно краб.

— Ты чего? — заглянув через плечо, Руслан все понял без слов. Одними губами, — хочешь, уедем?

Я продолжала пятиться, упираясь в него.

— Хочу.

По-английски не вышло: Макс тоже нас заметил. Освободился от девушки безо всякого стеснения, ссадил ее на диван, ничего не объясняя. Ссадил неловко, может, поспешил — она завалилась на бок. Оттуда, снизу, смотрела на него с желанием, наверняка поняв превратно решимость в глазах, тянулась. Она. Не он. Поднялся, как ни в чем не бывало. Направился к нам. Я не понимала, что он мне говорит. Видела его, но не понимала. Пока не попытался прикоснуться.

— Убери.

Смотрела на руку, как на гремучую змею. Та самая рука.

— Ника? Что-то случилось? Ты в порядке?.. Я говорю, пойдем... покажу тебе твою комнату.

Я не в порядке. Даже мысли не возникло остаться здесь. Ни одной мысли. Нет. Чтобы через стенку он... с кем-то...

Не дослушав мое молчание, Макс перевел тяжелый взгляд за мое плечо.

— Что ты сделал? — слова явственно отдавали металлическим привкусом.

— Это сделал не я, брат, — услышала голос Руслана. Выходя из-за спины, он продолжал озвучивать мои мысли, — слушай... мы, пожалуй, вернемся в город... прямо сейчас...

— Почему? — теперь Макс смотрел только на меня. На лице — пасмурная неподвижность, брови на прогиб.

— Потому что Ника хочет домой, — снова солировал Руслан. — Я отвезу ее...

— Я сам, — Макс вдруг двинулся ко мне. Не знаю, что он хотел сделать, я готова была сопротивляться до последнего, но Руслан вдруг заслонил меня от него, повторив с ледяной интонацией:

— Я ее сюда привез, Макс. Я и отвезу.

Макс остановился, будто на ощеренную оружием стену налетел. Глаз с меня не сводил, пересчитывая узкие прорехи бойниц. Я же боялась встречаться.

— Хочешь поспорить со мной, Рус? Об этом? Серьезно? Мы будем спорить, кто ее отвезет?

Пришлось вмешаться, пока дело не зашло слишком далеко. Уйти отсюда — это все, что мне нужно.

— Я поеду с Русланом. Макс, пожалуйста, отойди, — неподвижность стала абсолютной. Он стоял, как плотина. Чтобы избежать катастрофы, преодолевая себя, положила руку на его предплечье, чувствуя, как запредельно напряжены мышцы, повторила тверже, — Макс... пусть Руслан меня отвезет. Хочу вернуться с ним. Я так хочу.

Он очень медленно поворачивал голову. Глядел долго, сумрачным остановившимся взглядом. Где-то на дне плескалось разочарование, унция гнева... кажется, немного приправлено грустью. А может, мне действительно все это только показалось. Теперь они оба на меня смотрели. Потом Макс выдавил с ранищим безразличием:

— Можешь делать, что хочешь. Мне плевать.

Развернулся и ушел в другую комнату, ни разу не обернувшись. Смотреть вслед, на его широкие расправленные плечи было большее всего.

— Не обращай внимания, — Руслан шагнул наперерез, заслоняя Макса от меня. — Он сам не знает, чего хочет. Но это не твоя проблема... и не моя. Забей, он скоро переберется, вот увидишь... так всегда бывает. Напьется, отоспится... и придет в норму... Поехали?

Уже успело стемнеть. Звуки музыки вдали вызывали только раздражение, телефон не умолкал — девчонки. Отключила. Отвернулась к окну, когда выезжали на трассу. Руки, наконец, перестали дрожать, а может, это оттого, что отчаянной хваткой сомкнула пальцы на сумочке. Конечно, Макс останется здесь до завтра. Домой он не вернется. Будет зажигать. Пить. Изгонять из себя демонов. Весело проводить с ними время. Наверняка один не останется. Наверняка он уже снова не один. Это же Макс. С той девушкой... А я... кажется, я просто сломанная им кукла. От этих мыслей стало совсем паскудно, на душу будто камень тяжелый лег, а во рту — склизко, противно, словно лягушку живьем проглотила.

Услышав очередной мой непрошенный вздох, Руслан покосился на меня.

— Ника, ты очень торопишься домой?

Равнодушно покачала головой. Домой не хотелось. Да и Рус не вызывал у меня страха. Пока что.

— Как насчет того, чтобы заехать в одно место? Пока ты не утопила меня в слезах.

Мы застали самый разгар веселья, в боулинге жизнь была ключом. Пиво было холодным, звуки — резкими, кричащими, музыка — разножанровой, компании вокруг — не напряжными. Я оживала так же медленно, как прежде отмирала по кускам. Сама не заметила, как, освоившись, с аппетитом втянулась. Руслан не давал мне расслабиться, погрузиться в черную тоску, загрузиться. Я ни разу не отключилась от происходящего.

Скоро мы катали шары, в перерывах глотали пиццу и все прочие ништяки, которые он заказывал. Сплетничали, как кошелки на базаре, болтали, шутливо толкались у дорожки, подзуживая, если кто-то опережал в счете. Почти уверена, он мне поддавался.

Слово за слово, Рус начал рассказывать мне о Максе, о своей дружбе с ним, о забавных случаях, совместных приключениях, что искали и находили они на свою голову. Сначала не хотела слушать. Переводила тему. Не заметила, как проснулось любопытство, интерес. Руслан рассказывал очень живо — настоящий талант. В некоторых местах я хохотала до упаду, до изнеможения, притягивая завистливое внимание соседних столиков. Потом, анализируя происходящие события, поняла: наверное, такой и бывает настоящая дружба. Именно такой. Его глазами Макс открывался мне совершенно с другой стороны, с той, которая была неизвестна, той, которая так и осталась бы закрытой от меня на замок. Если бы не знакомство с его другом.

Несколько часов пролетели, как пять минут. Развлекательный центр работал до утра, можно было перейти в караоке, но мы не стали задерживаться до последнего клиента: итак далеко за полночь, и до дома еще путь неблизкий. Когда прощались глубокой ночью у подъездной дорожки, я смотрела на Руслана с благодарностью, с искренней теплотой, как на доброго приятеля. Он мой новый супергерой. Напоследок легонько сжал мою ладонь. Оба знали, безо всякого подтекста.

— Эй, выше нос! Ты классная девчонка, Ника. Макс не полный идиот, однажды он это тоже поймет.

— Повезло ему с тобой, — улыбнулась, но уже грустнее.

— Скажешь тоже, — дурашливо тряхнул вихрами, и сразу посерьезнев, — это с тобой ему повезло.

Оглянулась на дом: темные окна застыли, как в желатине... или спят беспробудным сном. Внутри, наверное, сейчас холодно, пусто, сиротливо. Без содержания. Понимала: уйдет Руслан — с ним безвозвратно уйдет и мое настроение — то, которому он заложил фундамент.

На верхней ступеньке, ведущей на второй этаж, задержалась. Скорбная тишина, как и предполагала. Ступая неслышно, прошла мимо своих дверей. Зачем? Остановилась на пороге дверей Макса. Что он сделает, если обнаружит меня наутро в своей комнате, в своей постели? Что-что... наверное, выведет за ухо в коридор... Ну, что за ерунда на ночь глядя? Рассердившись на себя, оттолкнулась от двери, меняя направление.

С порога бросила верхнюю одежду на стул. Сумка полетела туда же, потом ботинки — один за другим. Чуть не сорвалась, в сердцах раскидывая вещи. Нет, я не выйду из себя. Сделав несколько шагов по комнате, наклонилась, чтобы включить торшер у кровати. Этого будет достаточно, чтобы не захлебнуться крошечной мглой. Выпрямилась, и... по сердцу разлился лютый мороз, заставив горло сжаться от ужаса. В кресле передо мной, исподлобья наблюдая за моими передвижениями, неподвижно сидел Макс.

Эмоции вылились приступом раздражения вперемишку с замешательством.

— Ты... Ты напугал меня! С ума сошел? Ты что здесь делаешь... среди ночи? Мог бы и предупредить! Сидишь тут, как маньяк... Уйди из моей комнаты. Макс! Сейчас же. Убирайся!

Шевельнулась, подтверждая, что он не плод моего разыгравшегося воображения, и я услышала:

— Все твое — мое. Забыла? А все мое — твое... Ну, так что, Ника... как мы будем делить друзей? Предлагаю разделить их поровну... Впрочем... сегодня я открыт для обсуждений.

— Что ты несешь? — пробормотала. — Ты что, пьяный? — он тяжело поднялся. Подошел ближе, потом ближе, потом приблизился почти вплотную, но запаха алкоголя все еще не было. Выдохнула с облегчением, предприняв попытку все доступно ему объяснить, — послушай, Макс, то, что произошло...

— А что произошло? — перебил он. Смотрел безо всякого выражения, но я знала, где-то внутри уже пробуждается холодная неконтролируемая ярость. — Что произошло после того, как вы уехали? Я же не в курсе твоих дел, куколка... Не в курсе даже, где вас носило столько времени. Тебе понравилось проводить время... с другим? Тебе понравилось? Отвечай!

Да как он смеет...

— А тебе?? Ты там неплохо проводил время. Тебе, Макс! Понравилось?

— Понравилось! — огрызнулся зло, — так понравилось, что приехал сюда раньше тебя... — казалось, взглядом изучал меня, пытался разложить по полочкам. Не получалось, и это его беспокоило, — знаешь, а я ждал тебя. Сидел в твоём кресле... ждал... вспоминал. Вот такой я дурак. Я все-таки дурак, видишь? Так где ты нахрен пропадала??

В таком состоянии он точно не станет меня слушать. Просто не способен, я это понимаю. Он — нет. Я не готова. Не к этому противостоянию. Не сегодня.

— Ну, все... довольно... я вообще-то не обязана...

— Нет, ты не обязана, — обманчиво-легко согласился. — Но ты за все мне ответишь, Ника. За все.

— Захочу, отвечу, а не захочу... — разозлившись, направилась к дверям, намереваясь немедленно выпроводить его из своей комнаты, — выйди, я устала. Сейчас я устала. Если хочешь поговорить, давай сделаем это завтра... давай...

— Нет, сейчас. Мы. С тобой. Поговорим. Здесь. И сейчас, — я знала, что с ним бывает когда начинает так чеканить каждое слово. Осталось только закурить. — Вернись сюда и сядь в это чертово кресло! Сядь, ты что, не слышишь, Ника?!

Его гневный рев ударил меня в спину, я не успела дойти до выхода, догнал. Взяв за плечи, подвел и насильно усадил в кресло. Навис сверху, не давая подняться, упираясь кулаками в подлокотники, не отводил глаз. Было жутко от самой обстановки. От атмосферы, которую он создал, от внутреннего напряжения, энергии, что отскакивала, потрескивая, от него, как шаровые молнии. А потом он выдавил сквозь зубы:

— Сдается мне, что ты не все рассказала о ночи, проведенной в моей постели... О чем-то ты умолчала, да? Забыла поблагодарить... Забыла упомянуть об одном приватном бонусе на безвозмездной основе, который получила от меня? Я не в обиде, куколка. Наверное, ты просто забыла... о том, как довольной кошкой извивалась подо мной, умоляя: еще, Макс, еще...

Меня мгновенно затопило пунцовой гуашью стыда от такой циничной откровенности, и это было красноречивее любых слов. Макс крепко стиснул зубы, резко выпрямляясь и со

свистом выдыхая. Витиевато выругался. Отпрянул от меня, как корова языком слизала. Схватился за голову, растирая до немоты лицо. Наверное, о чем-то смутно припоминая, целился наугад, а попал прямо в яблочко. Пришел в ярость, круто разворачиваясь ко мне. Саданул рукой по занавеси из бус, сбивая несколько низок. Сорвал. Бусины прыснули в стороны, разлетаясь, он прошел по ним, давя с хрустом.

— Почему не сказала? Почему сама мне не сказала?? Почему из тебя все приходится клещами вытаскивать??

Я подскочила на ноги. Ноги почти не слушались.

— Не кричи на меня! Как я могла о таком сказать? Как? Да и ты... ты же ничего не помнил...

— О каком таком? — прищурился Макс, подходя ближе, нервно поддергивая рукава, словно к драке готовился, — о каком нахрен таком, я не понял? Когда нес тебя в кровать, должна была понимать, не в игрушки приглашал играть! Ты... глупая малолетка... инстинкт самосохранения отсутствует напрочь? А может, мне нужно довершить начатое, чтобы ты успокоилась и перестала, наконец, портить мне. Мою. Гребаную. Жизнь?!

— Я ничего тебе не порчу! Ничего! Это ты сам... ты... И хватит так вести себя со мной!

— Как так?

— Как с недалеким... неразумным ребенком. В отличие от тебя, я все понимала. Это ты тогда нажрался, а не я... Я-то все понимала!! Все!

— Вот это и странно, — он ходил, потряхивая головой, словно блох нацеплял, — вот это и не дает мне покоя, Ника. Какого черта... и я никак не могу понять...

— А нечего тут понимать! Отстань уже от меня! Отойди! Не хочешь уходить, так я сама уйду. Внизу переночую, на диване. Дай мне пройти. Хочу уйти... Хватит с меня! С меня уже хватит!!

Но он держал меня за локоть цепко, больно. Подтянул к себе.

— Хватит? Хватит?! Тебе не кажется, что нужно было раньше это говорить... делать. Залепить мне пощечину... выцарапать глаза... позвать на помощь... заорать... Раньше, Ника, а теперь...

— Что теперь? Ну, что теперь? Что тебе надо, Макс? Да что тебе надо от меня?

— А сама еще не догадалась??

Руки сомкнулись на моих плечах, не давая двинуться с места. Я вырывалась яростно, но он не чувствовал, не видел, что я в шаге от истерики, потому что и сам был на краю. И я шагала и шагала, пятилась, пока мы не достигли противоположной стены.

— Зачем ты появилась? — затряс меня так, что я зажмурилась от страха, не попадая зуб на зуб. Жестко сжал ладонями лицо, прижался лбом к моему лбу, будто мечтал проломить мне череп, — зачем ты приехала сюда? Зачем я вернулся в этот город? Зачем я тебя увидел? Ты все разрушила... Ты все... Черт, как же ты меня... как же ты меня достала... как же... как же я тебя...

Я жадно глотала воздух, пила кислород из одного источника с ним, и мне его критически не хватало. Словно мы стали одним целым... словно у нас одни легкие на двоих... Макса подергивало от перевозбуждения, трясло от всплеска желания... или адреналина... а может, дикой ярости на меня. Его пульс строчил, как пулемет. Наперегонки с моим. Нас притянуло друг к другу, спаяло в объятиях, как кандалами опутало. Хотела ли я этих цепей? Тех, что свяжут нас еще больше, тех, которые рваться будут еще труднее, мучительнее...

— Хочу опять тебя почувствовать... как наркоман... хотя бы еще одну дозу... дай мне...

— Макс... не трогай... не обнимай меня... запрещаю...

А его руки, губы жили своей жизнью, хотели тесноты, контакта, разрядки. Мяли меня с надрывом, исследовали с жадностью, подчиняли, преследовали. Сопротивлялась из последних сил, отворачивая лицо, но он все равно везде находил мои губы. А ноги больше не держали, и я цеплялась за него, прогибалась, даря саму себя, противореча самой себе.

— Не прикасайся ко мне... — шептала между поцелуями, — ты не имеешь на это права... не имеешь никакого права...

— Я знаю... — шептал в ответ, — знаю...

Плевать ему было на мое сопротивление. И на мои чувства ему тоже плевать. Он не отпускал. Утягивал в омут. Не давал освободиться, прижимал к себе, купируя все до единой попытки вырваться. Без шансов. Целовал снова и снова. Как путник, помешавшийся от жажды. Был груб, не спрашивая разрешения — Макс брал. Хотел присвоить. Будто я была желанным трофеем. Не удержалась, по щекам потекли слезы. От бессилия. От отчаяния. Я не могла стряхнуть с себя его руки, как не могла вырвать его имя из сердца, не нанеся себе смертельную рану.

Был момент, я поверила, что все случится именно здесь... случится именно так...

Не сразу поняла, что он меня больше не держит, что осталась одна. Голова шла кругом, в глазах плыли разноцветные круги, меня тоже било током, и я была готова ко всему... но не к тому, что он меня отпустит. Но ведь не уходил. Искал во мне что-то. Наверное, то, что давно потерял. А может, хотел обрести. Ждал безмолвно, разрывая мне сердце. Ведь то, что он искал, лежало на поверхности.

— Уходи, — сипло приказала, не открывая глаз. — Уйди отсюда. Макс.

Изо всех сил пытаюсь сдержать приближающуюся истерику, кусала губы. Он мне не помогал.

— Я не могу.

— Тогда дай мне уйти.

Удалось, наконец, разлепить влажные ресницы. Макс стоял очень близко. В его глазах была боль. Но кроме — чернильное море нежности.

— Не дам. Не проси...

Поднял руку, нежно стирая следы слез с лица, рука заметно дрожала, движение вышло смазанным, и мокрой щеке стало очень неудобно. Хотелось шагнуть вперед, уничтожить дистанцию, уткнуться ему в воротник, тянуть носом, снова дышать им. Расслабиться. Упасть. Пусть даже придется разбиться о его острые камни. Я сама поразилась, откуда в моей голове такие чудовищные мысли.

— Не плачь. Я не хочу, чтобы тебе было больно. Никогда не хотел... Если я виноват... прости...

В ответ непослушно зарыдала, закрывая руками лицо.

— Зачем ты мучаешь меня? Просто уйди!

Снова взял в полон, прижал к стене, опустил подбородок на мою макушку, стоял неподвижно, давая мне силы выплакаться. А когда пленница устала, прошептал, опалая горячим дыханием висок, вынимая душу.

— Я не буду тебе врать. Не хочу тебя обманывать... Я не знаю, что чувствую. Не понимаю, что мне делать. Ты для меня — есть, и это не изменится... но это все, что я могу пока тебе сказать. Я запутался. Я чертовски запутался... я... — глубокий, на разрыв

диафрагмы, вздох. Слушала молча, с каким-то отстраненным чувством — чувством разбитости, оупения. Понимание придет ко мне только завтра, — на следующей неделе я отсюда съеду. Я уже нашел подходящую квартиру в городе... осталось утрясти формальности... Не могу и не хочу больше делать вид, что ничего не происходит. Не могу смотреть на тебя и не представлять, как я тебя раздеваю, как целую, как... Но... пока я сам в себе не разберусь, Ника... тебе лучше держаться от меня подальше... потому что в следующий раз я уже не остановлюсь... Надеюсь, я тебе не снюсь, потому что я... ночи уже просто ненавижу.

Спустя мгновение моя комната опустела. Как опустела моя душа. А чуть погодя хлопнула внизу входная дверь. Макс ушел, оставив мне только вакуумное одиночество — одиночество приговоренного к пожизненному заключению. А я ведь рассчитывала на расстрел.

Макс съехал ровно через неделю, как и обещал. До этого дня мы с ним больше не общались. Если кто-то из нас двоих входил в дверь, другой обязательно выходил через другую. После переезда к таким уловкам уже можно было не прибегать, и я вздохнула с облегчением.

Тетя ничего не понимала. Переживала, беспокоилась, сходила с ума. Наверное, подозревая, что дело нечисто, пыталась осторожно расспросить меня, но потерпела полное фиаско. Я отстранилась, зная, что раню ее, ушла в глухую оборону. Чувствовала за собой вину, ловила на себе дядины взгляды. Порой он странно смотрел на меня, казалось, и он о чем-то догадывается. Но дядя ничего не говорил, и со временем я успокоилась.

Для видимости ходила, как прежде, на занятия, посещала репетитора, встречалась с друзьями, Руслан остался в их числе. Жила обычной жизнью, но внутри... кажется, я выгорела изнутри, как трансформатор. В семнадцать лет чувствовала себя глубокой старухой: высохла, вылиняла... Снова похудела, старательно замазывая каждое утро кручинную синеву под глазами. А ночью срывалась вновь. Макс ушел. А с ним, кажется, ушел и смысл всей моей непрожитой жизни.

Больнее было от осознания. Он не искал меня. Не писал. Не звонил. Словно вычеркнул из жизни. Поставил точку. Избавился. Хотел уйти — вот и ушел, не оглянувшись. А я стою на шатком мостике. Мне не за что держаться. Некуда идти. Я больше не вижу конца пути, потому что дороги больше нет. Нет цели. Желтые кирпичи под ногами разрушаются, крошатся, откалываются, исчезая в бездне... Пусто без него. Где-то в поднебесье пыльной бурей зарождается разрушительный смерч.

Для меня все закончилось плохо. За пару дней до дня рождения пропустила универ — слегла, как спелый скошенный злак в постель с повышенной температурой. Все тело лихорадило, меня встряхивало, как на полке плацкартного вагона, воспаленные губы пекло, конечности, напротив, словно покрылись корочкой льда. Сосуды толкали дурную кровь, быстро распространяя инфекцию по организму.

Решив просто отлежаться, никому ничего не сказала. Это было первой ошибкой. Вскоре начала бредить. Хотела видеть Макса. Боялась его увидеть. Но Макса не было. Совсем не было. Кто-то из прислуги неосторожно проговорился: Макс с друзьями отправился на Ибицу, до конца месяца в страну он точно не вернется... Услышать это было второй ошибкой. Он, как обычно, развлекался... на этот раз под гостеприимным солнцем Испании, в окружении ослепительных загорелых красоток, готовый позабыть обо мне навсегда. Мне было тошно об одной мысли об этом его окружении.

К утру температура, несмотря на жаропонижающие, подскочила еще выше. Стоило что-нибудь проглотить через силу, меня рвало. Тетя начала паниковать, дядя хмурился тучей, градусник зашкаливало. Снова вызвали скорую. Дежурный врач ничем мне не помог. Спешно снарядили водителя за платным. Потом — за очень дорогим платным.

День совершеннолетия мне совсем не запомнился: болезнь прогрессировала. Диагноз был поставлен, препараты — выписаны. Тетя неизбежно сидела рядом со мной, словно у нее не было других дел. Днями... ночами... выплывая временами из фантазмагорического плена недуга, я ее замечала. Должно быть, она все слышала. Наверное, слышала, как я звала Макса, как называла его в своих мечтах, о чем мечтала в грезах... А может, мое горло за все эти дни

не издало ни звука.

На шестые сутки после начала болезни меня подключили к аппаратам жизнеобеспечения, сама я не справлялась. Стационар отменили сразу, наняв опытную сиделку. Да, я не хотела жить. Зачем? Ведь Макс не возвращался. Максу на меня плевать. А я устала. Устала бороться с ветряными мельницами. Комната превратилась в аппаратную космического корабля... мерцали приборы... пищали... и каждую минуту можно было ожидать столкновения со смертоносным метеоритом... или астероидом, который поставит точку на моем существовании. Неважно, когда это случится. Я равнодушно затихла. Успокоилась. Угомонилась. Смирилась. Опустилась на дно, там и лежала, покачиваясь, в ожидании неизбежного конца...

— Ника?! Ни-ка! НИКА!!!

Я резко распахнула глаза, разом придя в себя. Возвращение было болезненным. Даже это маленькое движение далось с огромным трудом, потому что глаза снова закрылись. Противно кружилась голова. Конечно, мне все это привиделось. Макса не может здесь быть. Мне просто приснился этот родной голос. Просто приснился. Сейчас я снова вернусь в тот сон, чтобы побыть с ним еще чуть-чуть, и тогда муть на душе успокоится... осядет...

Меня снова встряхнули, безжалостно вырывая из сказочного царства грез.

— Посмотри на меня! Пожалуйста, посмотри! Хотя бы раз! Сделай усилие, ну, я прошу тебя... Ника?!

И я, наконец, слегка приоткрыла веки. Уже более осмысленно. По-моему, это все-таки Макс. Вроде бы... Или я принимаю желаемое за действительное... Нет, это Макс: он склонился ко мне, смотрит на меня. Пришел, чтобы пожалеть, облегчить уход, попроситься. Я великодушно накрыла его руку своей. Он сказал на выдохе:

— Наконец-то...

А я прошелестела:

— Прощай.

Еще успела увидеть его расширившиеся зрачки, в которых быстро, как злокачественная опухоль, разрасталась паника... и все погрузилось во мрак.

Было несколько осознанных кусков, мимо которых я падала, восходя на радужный мост, а может быть, с него бесконечно соскальзывая.

Макс обрывает провода, что меня держат, выдергивает из вены иглу, освобождает меня от пут. Паутина разорвана, и паук недоволен. Взволнованный голос тети, которую немедленно за руку приводит сиделка. Они кричат на него, ругаются, пытаются остановить. Куда им... Дяди нет дома, иначе он бы тоже кричал. Но Максу помешать невозможно. Только не моему Максусу. Мы с ним — в матрице, а прилагаемые декорации — просто сбой в системе...

Наклоняется, подхватывает меня на руки.

— Держу, куколка... Не бойся, я тебя держу... Я никуда тебя не отпущу, слышишь?

Нести меня легко, потому что я почти бестелесна. Обескровленная им аппаратура, пульсируя умирающей пунктирной линией, уплывает за его плечо. Шаги отдаются болью в затылке. Макс с ноги распахивает дверь. Дверь отлетает, с грохотом — новым взрывом в мозгу — бьется в стену. Эхо застаёт меня врасплох, повторяется, не угасает, заставляя безмолвно стонать. Наверное, дверей было много. Кто-то идет следом, но быстро

отсеивается, как засохшая грязь с ботинка. Сейчас Макс — опасная стихия. Но я — спокойное русло его реки...

Снова укладывает меня на кровать, обкладывает удобными подушками, их много. Теперь я — его мягкая игрушка... Всюду его запах. Суется, кружит, наводит блеск, заходит то справа, то слева. Макс везде. Макс со мной.

Мне непривычно видеть его таким. Первый страх ушел. Теперь он снова готов сражаться. За меня. Наверное, моя жизнь для него кое-то значит. Кто-то пытается войти. Там, по ту сторону много лиц. Прибыла тяжелая артиллерия. Но количество врагов не имеет значение. Макс оборачивается — грудью на штыки. Знаю, хочет всех на куски разорвать. Он — может, и они — верят.

За окном опять ночь, я вижу одинокую звезду в разрыве между шторами. Мерцает. А он все равно сидит на полу возле кровати. Он все время там сидит, сколько бы раз я не поднимала веки. Как напуганный потерявшийся ребенок в сыром подвале с захлопнувшейся дверью. Одинокий. Обреченный. Но не сломленный. Держит мою руку. Он постоянно держит меня за руку, совсем как капельницы прежде. Наверное, теперь Макс — моя питательная среда...

Ночь снова сменяет день. В дверях снова стоит тетя. Она часто приходит постоять в дверях. Ее лицо осунулось. У нее очень печальные глаза. Она устала. Она хочет отдохнуть, но не может. А я уже отдохнула, поэтому слышу их тихие голоса в своей голове. Слушаю жадно. Мне одиноко там, в моем безмолвии.

— Сынок, тебе надо поесть... я прошу тебя...

— Я не голоден, — слышу равнодушное рядом.

— Но совсем без еды нельзя. Максим?

— А как же она?

— Ее организм поддерживают капельницы, — значит, капельницы переехали вместе с нами. — А тебя?

— А меня держит она. Видишь?

Рука сжимается чуть сильнее. Моей ладони тесно и тепло, а тетя не выдерживает. Голос становится громче, надрывнее. Я ее понимаю.

— Третий день на исходе. Ты сидишь здесь третий день. Ты принес ее в свою комнату. Никуда не выходишь. Ты не пускаешь сюда даже сиделку. Мне и отцу запрещаешь входить, грозишься, что замкнешь дверь на ключ... Это ненормально, сын... это же... Скажи, чего ты добиваешься? Чего...

— Хочу увидеть, как она снова улыбается.

Тетя молчит, нервно жует губы.

— Ну, неужели ты не понимаешь, как все это выглядит со стороны? Максим, послушай... на кухне уже начались разговоры... твоё поведение всем кажется очень странным... а скоро...

— Заткни им рты. Уволь... Хочешь, я заткну?

— Думаешь, это поможет? Наоборот, станут говорить еще больше... а ну, пойдут слухи...

— У меня для тебя плохие новости, мама, если ты не в состоянии заставить замолчать собственную службу...

— А ты не боишься, что...

— Я ничего не боюсь. Я больше ничего не боюсь.

Макс опускает голову. Не хочет ни с кем говорить. Ему достаточно просто находиться здесь, рядом со мной. Он не уйдет, теперь я это точно знаю. Пусть все остальные уходят. Нам хорошо вдвоем. Снова погружаюсь в дрему. Я успокоилась. Я счастлива. Отросшая щетина ощутимо покалывает ладонь, чувствую, как он осторожно переворачивает мою руку, как шевелятся его губы, когда он прикасается. Он делает это часто. У Макса очень мягкие губы. Или это у меня очень чувствительная кожа. Люблю, когда он ко мне прикасается. Макс — лучше любого лекарства. Его прикосновения лечат меня медленно, но постепенно... я исцеляюсь. Уверенно иду на поправку... По-моему, я все-таки люблю его... По-моему, я без ума от Макса...

В один из дней, наконец, ощутила, что болезнь отступила окончательно. Вчера была, сидела на груди жабой — и вот ее уже нет. Скакнула в сторону и исчезла. Впереди ждет только долгий мучительный процесс выздоровления. Когда прихожу в себя — уже осознанно, надолго — Макс снова рядом. Стоит у приоткрытого окна, смотрит, сощурившись, вдаль. Он не знает, что я на него смотрю. Давно стоит у окна. Какое-то время наблюдаю за ним.

У Макса суровый взгляд. С таким штурмуют бастионы. Или объявляют войну. Это взгляд: иду на Вы. У капитана, что до рези в глазах вглядывается в туманные очертания неизведанного континента, взгляд точно такой же. В том взгляде нет легкости. С таким — не взлетишь. Не покоришь высоту. Не почувствуешь себя поднебесной птицей. Слишком много веса. Много ответственности. Макса что-то гложет.

Тяжело вздохнув, поворачивается, и я не верю глазам: обращенный на меня, взгляд мгновенно преображается, теплеет. Обретает крылья — трепещущие, воздушные. Еще не умеет летать, но Макс готовится к полету. Я знаю. Подходит к кровати. Останавливается. Хочет, но теперь боится дотронуться. Замыкается. Что-то его отпугивает. Прячет руки, скрестив на груди, сунув подмышки. Чтобы наверняка. Его привычный способ отгородиться.

— Как ты себя чувствуешь?

Выжимаю с трудом, хрипло. Связки совсем отбились от человеческой речи.

— Все... болит.

Улыбается озорно, как доктор, подмахивающий больничный лист, торопясь избавиться от надоевшего пациента.

— Это нормально. Это скоро пройдет.

Кажется, мы снова стали чужими. Вороватой мышью пробегает неловкость. Чувствую острую потребность исчезнуть, затеряться в складках теплого зимнего одеяла Макса — одеяла цвета синего пепла. Но итак торчит один нос.

— Сколько я болела?

— Почти три недели. Ты побила все рекорды... С днем рождения, Ника. Встанешь на ноги — должно быть, закатаешь грандиозную вечеринку...

Снова этот дежурный взгляд. У него что, в следующей палате ждет следующий пациент? Я смотрю на Макса, мне хочется, чтобы он просто сидел рядом, переплетя наши пальцы. Кажется, ради этого способна опять пройти через ту же болезнь. Может, не один раз.

— А почему я здесь... в твоей комнате? — сиплю, оглядывая стены, что одеты в холодное серое.

— Потому что я так захотел, — хмурится, как дракон в ответ на глупые претензии

принцессы. Видимо, уже не раз приходилось отстаивать это право. И он готов, не раздумывая, повторить. — Ты против?

Я не знаю. Поэтому молчу. Он все понимает.

— Ты устала. Тебе сейчас нужно отдохнуть. Ты... лучше поспи, куколка, я не буду мешать.

Ты мне не мешаешь. Как только это пришло тебе в голову? Ты столько дней держал меня над пропастью. Держал одной рукой.

Макс проводит ладонью по волосам. Этот жест мне знаком. Теперь Макс... стесняется меня? И правда, неуверенно смотрит. Смотрит, будто оправдывается.

— Отдыхай, — повторяет, а потом, — я... поцелую тебя и уйду. Можно?

— Нет... Не надо...

Хочу сказать, чтобы не уходил. Чтобы остался. Чтобы никогда больше не отпускал мою руку. Не надо — уходить. Макс, не надо уходить! Но он все понимает по-своему. Свет в глазах стремительно тускнеет, гаснет, будто занавес опускается. Антракт.

— Понимаю, — безжизненно. — Выздоровливай, Ника... пожалуйста... ты, главное, поправляйся.

Входит тетя. Преображается тоже, видя меня. Сейчас я ей не искренне рада. Шепчу без голоса:

— Макс... — ведя взглядом.

Поздно. Осторожно, как гость, он выходит из собственной комнаты, прикрывая за собою двери. Его корабль разбился о скалы. Макс спускается по знакомой лестнице, обломки бьют его по ногам.

А я кричу в душе. Кричу, срывая связки... кричу вплоть до самой ночи. Потом, утомившись от крика, опять забываюсь целительным сном. И в том сне снова вижу Макса...

Он больше не пришел ко мне ни разу.

Май выдался на редкость дождливым. Шлепая по лужам, я, наконец, добралась до высокого крыльца. Стоящая у входа парочка потеснилась. Здесь, под козырьком, стряхнула зонт, складывая. Самой тоже захотелось встряхнуться, как кошка. Волосы от влажности свернулись в колечки, зауженные брюки снизу напитались влагой — слишком долго я искала это кафе. Вошла, привыкая к рассеянному свету, озираясь. Незнакомое место. Легкая музыка. Из дальнего угла взмыла вверх над головами посетителей знакомая рука.

Руслан привычно выбрал столик у окна. Опустилась напротив. Наконец-то я далеко за пределами особняка, это дает ощущение свободы. Срок скостили. Улыбаюсь, слушая его, разглядывая меню. С Русланом мне всегда спокойно.

А дальше все идет по обычной схеме. Он очень старается меня накормить, это стало какой-то навязчивой идеей. Смеюсь, но уплетаю второй тирамису за обе щеки. Истосковалась по сладкому. Очень. Руслан развлекает меня непринужденным разговором, он всегда это делает. С ним скучать вообще не приходится, даже если молчу. А в последнее время я молчу часто.

Конечно, они продолжают общаться с Максом. Многолетнюю дружбу нельзя в одночасье перечеркнуть. Может, час назад он даже был у него. Может, сюда приехал прямо из его квартиры. Я никогда не спрашиваю. Поэтому Руслан первым закидывает удочку. А я, как обычно, ловлюсь. Вижу, ему есть что рассказать. Не знаю, хочу ли услышать то, что

слышать не хочу.

— Вчера к нему приходила Лана...

Перестаю размешивать кофе, замираю, заморозив последнее движение, превращаюсь в слух. Со стороны смотрится, наверное, смешно.

— Пришла и ушла... не задержалась. Они не будут больше вместе, Ника. Он сам это сказал.

— Мне... мне все равно.

Руслан, действительно, усмехается.

— Оно и видно, — беззлобно шутит, — видела бы ты сейчас свое лицо...

С некоторых пор не люблю шутки про свою внешность. После болезни я вытянулась, осунулась. Вес еще не пришел в норму, из-за этого я слегка комплекую. Поднимется ветер посильнее, шутит Руслан, тебя унесет. Меня не унесет. Разве что приподнимет и шлепнет. У меня больше нет крыльев.

Разговор заходит в депо. Теперь уже точно дожидаться пересменки.

— Ника, вам надо поговорить друг с другом, да вы же оба это знаете. Кто-то должен сделать первый шаг... чего вы двое такие упертые... Ты — ходишь, как в воду опущенная. Макс сам не свой... я таким его еще не видел, а я давно его знаю...

— О чем, Руслан... О чем нам говорить?.. Нет, это ни к чему не приведет. Каждый наш разговор заканчивается... плохо. Все уже сказано. Он ушел, а значит...

— Ни хрена это не значит. Он боится так же, как ты. Да он просто до чертиков напуган... только поэтому и ходит кругами.

Я долго смотрю в окно, где собирается затор из машин. Зажегшиеся фары, свет не гасится лужами, отражается, бликует — желтые всполохи тут и там. Природа снова плачет. Недовольные гудки периодически. Ранний дождливый вечер, и город снова скован... стоит.

Руслан решил сменить тональность, но не вектор.

— Кстати... уже не в первый раз слышу от него... почему Макс называет тебя куколкой? У вас с этим связана какая-то особая история? Наверняка связана. Расскажи мне.

У нас. Хм.

— Связана. Но эта история началась задолго до него... до моего приезда в их дом, — вздохнув, все же рассказываю Руслану об отце и его причудах. Ну, и о том, что Макс, краем уха услышав, перенял от него это словечко, точно вирус подхватил. Сначала просто чтобы поддеть меня, потом, видать, привык, втянулся, вот и использует по назначению... к месту ли, не к месту.

Рус загадочно переводит глаза на меня, и я навсегда, дословно запоминаю, что он мне говорит:

— А ведь твой отец прав. Абсолютно прав. Ты действительно очень похожа на куколку. Вот просто стопроцентное попадание, я тебе говорю. А после болезни ты вообще... как фарфоровая. Куколка... эксклюзивный экземпляр, изготовленный под заказ... Под специальный заказ, да? И ведь заказчик тоже в теме... Хочешь, обижайся, хочешь, нет, но я теперь тоже буду тебя так называть.

Пока раздумывала, он продолжает вести. Сегодня штурман — Руслан. Но сегодня он ведет коряво, и вскоре разговор заходит совсем не туда, но сначала...

— Слышал, Макс попросил отца отправить его подальше отсюда, — это новая информация, поэтому впитываю, как губка, — я пытался его отговорить, но...

— Куда?

— Не знаю. Есть одно место... там недавно завершилось строительство. Может слышала, тот самый новый отель? — киваю, они действительно частенько это обсуждали за ужином... в прежние, допотопные времена, — ну вот... Макс не раскрывает все карты, но речь, скорее всего, у них шла об этом... Там много работы, практически все надо поднимать с нуля... Кто-то должен встать у руля... в общем, работы валом... Слышал также, отец всерьез рассматривает его кандидатуру... А тебе его родители разве не рассказывали?

Я молча покачала головой. Дома я по возможности стараюсь избегать любых разговоров о Максе. Погрустнела. Пока он здесь, в одном городе со мной, мне еще можно на что-то рассчитывать... Наверное, в глубине души я все еще надеюсь. Но если он уедет... А впрочем, какая разница? Летом уеду я. Так, значит, это все... между нами... значит, все...

Руслан вернул меня в кафе, в сердцах хлопнув ладонью по столу.

— Знаешь, мне уже надоело наблюдать, как вы губите друг другу жизнь. Вы оба с вашей гордостью... с вашей гордостью и останетесь. Лично я так не считаю... но раз Макс наивно верит, что инициатива в отношениях должна принадлежать исключительно мужчине, значит... его нужно немножко подтолкнуть. Совсем немного. В правильном направлении. Максиму нужен толчок.

— Какой еще толчок?

— Давай начнем с тобой встречаться?

— Чего?? — я чуть не поперхнулась, — это что за...

— Встречаться, — невозмутимо повторил, но в глазах плясали чертята, — конечно, не так, как ты подумала. Встречаться мы будем исключительно в соцсетях. Но пусть это будет нашей маленькой тайной. Ты ведь умеешь хранить тайны, куколка?

Я подумала.

— Нет. Не надо. Это... это слишком. — Руслан скептически смотрел на меня. — Seriously... Макс будет в бешенстве... Да он же убьет меня, Рус, если узнает, что его разыграли. А он обязательно узнает... когда-нибудь... Сначала придет за мной, — пальцем провела по горлу, — а потом расквасит лицо тебе. Вот увидишь, этим все и закончится.

— Ну, почему женщины так склонны все драматизировать? — засмеялся, — и вообще... хочешь дождаться от Макса каких-нибудь действий, а ты ведь хочешь дождаться, надо начать действовать самой. И действовать надо немедленно... пока он не уехал.

— Я даже не знаю... — у меня по-прежнему не было ни уверенности, ни желания погружаться во весь этот фарс, — знаешь, по-моему, я уже ничего не хочу... Ничего от него не хочу. Лучше оставим все, как есть. Да, давай оставим. Ничего не поделывать. Как знать, может, через месяц я об этом даже не вспомню. Скорее всего, во Флориде...

Кажется, Руслан слушал меня вполуха.

— А может, будешь помнить всю жизнь, и жалеть, что даже не попыталась. Да от тебя же ничего не требуется. Смотри. Я все сделаю сам. Ну, разве что... селфи, — пересел ко мне, придвинулся ближе, сдергивая со стола телефон, настраивая камеру, — давай же, упади в мои объятия, куколка. Нет, не так. Я хочу увидеть счастье. Счастье на твоём лице. Прямо сейчас. То самое, которое разбивает вдребезги даже гранитные сердца... Пожалуйста, изобрази его профессионально.

И его улыбающаяся щека мягко дотронулась до моей щеки.

Спустя две недели от вида счастья на моем лице меня уже тошнило. Неужели все влюбленные такие дебилы? Рус фотографировал нас всегда, везде, не упуская ни одного случая позлить Макса. Однажды даже приехал посреди ночи, велел собираться и двигать к лесу, чтобы заснять ночевку на природе. Он даже палатку с собой приволок. Какая же у этого парня неумная фантазия. Кстати, вышло довольно неплохо. Особенно фотки у костра, который он сумел разжечь только к утру, когда я совсем отчаялась и замерзла. Спасла меня только плоская фляжка с коньяком, которую, по счастливой случайности, он не забыл прихватить. Отвратительное пойло, как по мне. Зато и счастье было неподдельным, и глаза блестели — не подкопаться.

Друзья забрасывали нас лайками, желали крепких отношений, завидовали, наперебой уверяя, что мы подходим друг другу. И мы действительно подходили, настроенные на одну волну, как сиамские близнецы в материнской утробе, мы стали хорошими друзьями. Но — только друзьями.

Вот только... что бы ни происходило в моем медийном пространстве, Макс неизменно хранил гробовое молчание. Порой мне казалось, он давно уехал, забил на нас. Может, даже не в курсе происходящего. Но от тети я знала: Макс по-прежнему в городе, и, конечно, слухи о нас с Русланом до него уже дошли. Вывод напрашивался сам собой: ему все равно. Значит, он для себя все решил.

До отъезда к родителям оставался почти месяц, но я в расстроенных чувствах начала потихоньку собираться. Увидев следы сборов, тетя запретила мне разорять комнату, пообещав, что оставит все, как есть, чтобы я в любой момент могла в нее вернуться. Это был очень трогательный и длинный разговор, в конце которого мы с ней не смогли сдержать слез и расплакались в объятиях друг друга. Судя по всему, совсем скоро мне предстоит потерять еще одного человека, который успел стать родным.

В то воскресенье я планировала выйти на прогулку. Особых предпочтений не было: может, позвоню Маринке, а может, Рус свободен и куда-нибудь нас отвезет. В последнее время начала замечать, они не прочь провести время в компании друг друга. Кажется, только наша затянувшаяся постановка и мешала их отношениям прямо сейчас начать развиваться. Об этом я тоже собиралась с ним на днях поговорить. Пора заканчивать эту игру. Бронежилет, в который мы близоруко целились, определенно, пули подобного калибра не пропускает.

Почти собравшись, закалывала волосы. Зажала последнюю шпильку во рту, когда на телефон вдруг тяжело упала смска. Подошла. И глазам не поверила. Смс от Макса:

«Ты не могла бы спуститься? Хочу поговорить. Я здесь. Я жду внизу».

Долго разглядывала сообщение. Потом долго сидела на балконе, глядя в одну точку на горизонте. Я давно ее для себя избрала, знала каждую веточку. Макушка стоявшей особняком сосны. Накатила усталость. Боль. Злость. Мне не хотелось идти. Мне уже ничего не хотелось. Зачем я все это затеяла? Он трус. Он сбежал. Оставил меня. Значит, поговорить хочет. Теперь, когда понял, что я уже не одна, решил вернуться. Зачем? Заявить о своих правах на меня? Благословить? Испортить мне настроение? В очередной раз сообщить, что ему на меня плевать?

Но ведь если я не пойду, не узнаю...

Услышав мои шаги, Макс сразу же поднялся с дивана, оборачиваясь к лестнице. С трудом его узнала. Совсем отвыкла. А еще, Макс, наконец, постригся, причем очень коротко, почти по-армейски... он выглядел теперь по-другому. В пиджаке... скорее солидный молодой мужчина, нежели прожигающий жизнь повеса. И снова надо привыкать. А может быть, мне уже не придется. Новая прическа невероятно ему шла. И почему он раньше не придерживался такого лаконичного стиля? А впрочем... это же Макс. Ему все пойдет.

Он тоже смотрел на меня во все глаза. Но ведь я была все та же. Сдержанно улыбнулся одними губами. Похоже, тоже не знал, как теперь вести себя со мной. Недосказанность висела в воздухе. Неловкость вернулась. А может, и не уходила никуда.

— Думал, ты уже не появишься.

Звук его голоса лег минорным аккордом на душу, безжалостно вороша воспоминания.

— А у меня нет привычки прятаться, — пусть не рассчитывает на снисхождение, — что ты хотел, Макс? Знаешь, у меня мало времени.

— Вижу. Много времени я не отниму, — он внимательно оглядел мой выходной наряд, но никак не прокомментировал, и это тоже было ново, — я... Ника, даже не знаю, как начать... с чего... — почесал бровь. А жесты остались прежними, и я захлебнулась теперь мажорными воспоминаниями, — все это для меня немного... сложно и...

В гостиную вошла девушка из клининговой службы. Они только что спустились со второго этажа — шли за мною по пятам. Вежливо поздоровавшись, принялась обмахивать пыль с мебели. Все как обычно. Макс хмуро следил за ее отточенными движениями. Я следила за ним, не отрывая глаз. Все еще не могла насмотреться. Может, этот раз — последний?..

— Говори уже, что хотел, — напомнила нервно, отвесив себе мысленную пощечину, — и я пойду.

Он огляделся, словно искал что-то в родительском доме. Оказалось, тихий угол.

— Пойдем в кабинет? То, что я собираюсь сказать... Не хочу, чтобы нам мешали.

Я равнодушно пожала плечами. В кабинет, так в кабинет. Порывисто распахнул двери, пропуская меня вперед, а когда протиснулась, вошел следом, сразу же закрывая. Посторонние звуки отсекались. Только он и я. Интересно, в кабинете всегда царит такая оглушительная тишина? Профессиональная. Не замечала.

Привалился спиной к двери, наблюдая, как я перемещаюсь по комнате. Тронула корешки книг, провела пальцами, оглядев остальные высокие стеллажи. У дяди внушительная библиотека, и почему я здесь редко бываю?

— Ника, — отвлек меня от созерцания. — Ника, что бы ты обо мне не думала... мне не все равно, что происходит в твоей жизни...

— Неужели? — я подняла брови, — и ты пришел сказать мне об этом?

Он пришел сказать не об этом, я это видела, но опередила его, первой начав высказывать то, что действительно думаю: хотелось закончить уже этот театр абсурда. Следующий мой разговор начистоту сегодня будет с Русом.

— Боишься, что Руслан сделает мне больно? Пришел предупредить? Это же твой друг Макс, разве ты не хочешь, чтобы он был счастлив? Чтобы была счастлива я? Если собираешься отговаривать... не старайся, я уже все для себя решила...

— Нет, я не стану тебя отговаривать. Я тоже уже все решил. Счастлива ты с ним не будешь, — я только открыла рот, чтобы начать перечить, но он сказал, — подожди. Я просто скажу, что думаю, и уйду.

Я остановилась возле стола. Оперлась рукой, разворачиваясь к нему. Сердце колотилось. Было напряженно. Чутьочку тревожно. Самую чутьочку.

— Говори, Макс. И уходи.

Он так и продолжал стоять возле дверей, не делая попыток приблизиться. А мне так хотелось почувствовать его рядом. Хотя бы в последний раз. А он просто стоял. Но смотрел так, будто сдаваться пришел. А потом — как обухом по голове, без всяких предисловий:

— Ника, я влюбился в тебя, — я судорожно сглотнула. — Нет, не так... Я люблю тебя... — беспомощно захлопала ресницами. — Люблю настолько, что мне сносит крышу, стоит подумать, что кто-то... что с кем-то... Я влюбился в тебя давно, но только недавно это понял. А признаться смог — только сейчас.

В голове происходила какая-то перезагрузка... или перегрузка, я толком не поняла. Кажется, Макс не шутил. Но как же... вот так, просто... а ведь смелости ему не занимать.

— Это... Макс...

— Помолчи. Я еще не закончил... Я не могу тебя потерять... вот так глупо. И не могу тебя отпустить. Я знаю, что затянул... вижу, все это неправильно, и выглядит, как попытка в последний момент запрыгнуть на подножку отъезжающего с платформы поезда, и я не знаю, успел ли, но... Ника, я тебя прошу: останови этот поезд.

Потрясение было настолько сильным, что пришлось ухватиться обеими руками за стол, чтобы устоять. Лед рушился, но, кажется, это неожиданно вызвало к жизни землетрясение.

— Макс, я...

— Да не перебивай, блин!

Он выглядел очень взволнованным. Очень. Еще — бледным. Как бы в обморок не грохнулся. И я тоже вдруг ощутила приступ безотчетной тревоги, меня потянуло к нему. Довольно уже этой болтовни...

А Макс вдруг достал из внутреннего кармана пиджака небольшую квадратную коробочку.

Сердце подпрыгнуло и застряло где-то в горле, я давилась им, но проглотить не могла. Раздался пронзительный гудок. Скрежет тормозов. Кажется, кто-то только что дернул стоп-кран, чтобы остановить этот проклятый поезд. Неужели это происходит со мной?

— Ника, я понимаю, сейчас это невозможно, — он сжимал коробочку очень крепко, будто от этого зависела его жизнь, — совсем скоро я уеду отсюда, скорее всего, надолго... а ты... ты вернешься к родителям, во Флориду... и, конечно, ты еще слишком молода, чтобы... и я даже не спросил... и все это не вовремя...

— Макс, — нахмурилась я. Нужно было срочно вытаскивать его из этих джунглей, — ты предложение-то делать собираешься?

— Ах, да, — спохватился он, подходя ближе. Глубоко вздохнул, будто перед прыжком в пропасть, провел рукой по коротким волосам, видимо, по привычке, и... изящно опустился передо мной на одно колено. Прикрыв рот ладонью, я с немым изумлением смотрела на него. Смотрела и все равно не могла поверить. — Вероника... — торжественно начал, видать, и впрямь готовился.

Я не успела проникнуться атмосферой абсолютной победы над ним. Капитуляция по всем фронтам — радостно билось в мозгу. Но выкинуть белый флаг Максиму не дали... Дверь открылась, и в кабинет неспешно вошел дядя. Стрельнул в нас глазами. Пантомима была разыграна безупречно, но дядя сценического искусства не оценил. Момент был безнадежно испорчен. Макс медленно поднялся, а я не выдержала. Бросилась к нему, вцепилась в рукав,

повисла, закрывая собой. Было уже неважно, что подумает обо мне дядя. Не отпущу его. Больше никто не сможет нас разлучить! Никому не позволю! Не отдам его. Никому...

— Макс — мой! Он — мой, и вы не можете...

— Твой он, твой... а чей же еще... Твой он со всеми потрохами, — усаживаясь в любимое кресло и доставая из ящика трубку, проворчал дядя, потом осуждающе взглянул на сына, — мы с матерью это в первый же вечер поняли, как только она вошла в этот дом... Даже странно, что мой собственный сын оказался таким тугодумом...

И я в первый и последний раз в жизни увидела, как лицо Макса пошло пятнами.

— Покажи, что ты там приготовил, — дядя протянул руку, — давай, показывай, не стесняйся.

Открыв коробочку, он как нарочно долго разглядывал содержимое. Воздух между нами можно было резать ножом. Я изнывала от нетерпения, самой уже не терпелось взглянуть, но подойти так и не решилась. Макс стоял рядом, плотно сжав челюсти. И у меня тоже сердце сжалось. Вот сейчас дядя хмыкнет, вернет коробочку со словами: ну, что за чепуха, не мог что-нибудь получше выбрать. Но дядя только сказал:

— Красиво...

Я снова начала дышать, а он продолжал, протягивая вещицу Максусу:

— Теперь надень кольцо ей на палец. Ты чуть не опоздал, болван... Мать! — гаркнул вдруг в сторону приоткрытых дверей, заставив меня подпрыгнуть, — иди сюда! Скорее! Ты же не простишь мне, если пропустишь такое...

(Кольцо с крупным бриллиантом, к слову, на палец село идеально).

Во время семейного ужина, кажется, всем было некомфортно. Каждый вел себя искусственно, наиграно. Нелепее обстановки было сложно придумать. Я не знала, куда деть глаза, как вести себя с Максом при его родителях тоже не знала. Даже как вести себя с ним наедине я пока не знала. Он, похоже, тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Решили прогуляться, чтобы разрядить атмосферу. Он отправился прогревать машину, я — наверх за сумочкой. Когда спускалась по лестнице, застала странную картину, невольно подслушав. Тетя сидела в кресле, общаясь с кем-то по телефону. Секретничая.

— Наш... сделал предложение вашей, — и уже застенчиво прикрывая трубку рукой, понижая голос до возбужденного шепота, — а ты как думаешь? Ну, конечно, она согласилась!

Похоже, секрет, который мы изо всех сил пытались сохранить, уже давно ни для кого не являлся секретом. Я поняла, тетя звонила моей маме. Разговор с ней мне еще только предстоит. Но это будет потом, а сейчас мы с Максом сели в его машину. И здесь, наконец, когда остались наедине, он притянул меня к себе и поцеловал. Не просто поцеловал — выложился по полной. И просто так я его уже не отпустила, уверенно заявляя о своих правах. Максусу понравилось. В принципе, можно было никуда и не ехать, но мне очень хотелось увидеть, где он теперь обитает.

А когда пристегивалась, он вдруг покосился на меня. Не придавала значения. А потом покосился снова, словно не знал, как подступиться. Решился.

— Перед тем, как отвезу тебя в свою квартиру... Ника, а ты... не хочешь позвонить Руслану? Объясниться...

Я разглядывала кольцо, вертела рукой, любовалась, ловила на грани свет от фонарей. Никогда не видела кольца красивее, глаз от него не могла отвести.

— Не. Сам ему звони.

— В смысле? — удивился Макс, потом призадумался, — разумеется, мы с ним еще обо всем поговорим, но... Конечно, это не мое дело, куколка, я понимаю... но тебе не кажется, что будет честнее, если об окончании ваших отношений он узнает от тебя... а не от меня?

Я повернулась к нему беспечно.

— Каких еще отношений, Макс? Нет у нас никаких отношений... никогда не было. Поехали уже.

— Как это не было? Не понял, — медленно отстегнулся, перенося все внимание на меня. Я поежилась, как от холодного ветра в лицо, — ты же не хочешь сказать, что... Погоди. Ты хочешь сказать, что... А ну-ка. Посмотри. На меня. Ника.

Пожар бушевал долго, меня тоже зацепило по касательной. Было мгновение, я даже всерьез начала опасаться за сохранность салона спорткара, но привязанность к своим любимым игрушкам все же перевесила, и интерьер в итоге не пострадал. Макс даже из машины не вышел, чтобы разнести все вокруг — я не пустила. Зато узнала, что у меня нет совести, что по моей вине он пережил худшие две недели в своей жизни, и мне придется за это заплатить, потом — кое-что новое о Руслане, потом кое-что старое. Вдобавок, пополнила словарный запас несколькими новыми словечками нецензурного содержания. Причем на двух языках.

А когда пепелище остыло, и сор из разоренной избы был окончательно выметен, Макс даже пришел к выводу — а я ему помогла — что это не самое плохое окончание этого дня. Не самый плохой выход из ситуации. И даже не самый плохой сценарий. И я была согласна с ним на все сто — по каждому из пунктов.

А когда стянула кольцо с безымянного пальца правой руки и надела его на безымянный левой, чтобы, не переставая любоваться, одновременно держать его за руку, его взгляд, наконец, смягчился. Плевать Максу было на то, согласно какой традиции, на какой руке я ношу помолвочное кольцо, лишь бы я никогда не снимала его с пальца.

— Ну, какой же ты еще ребенок, — уже с нежностью ворчал он, заводя двигатель и, наконец, сплетая наши пальцы. — Воспитывать тебя и воспитывать, куколка. Работы — непочатый край. Даже ума не приложу, с чего начать...

А я, как воспитанный человек, ему подсказала. Наклонилась, мазнув губами по щеке, прошептала:

— Поехали к тебе, Макс. Я хочу шампанского с пузырьками и рафаэлку... а еще ванну с белой пеной барашками... и тебя в ней.

Я не успела договорить: болид ракетой сорвался с места, и меня так привычно вжало в сидение. Все-таки этот парень не способен освоить нормальное вождение.

Руслан позвонил мне на следующий день, ближе к вечеру. Я уже успела с утра вернуться в дом родителей Макса. Кинув меня на амбразуру, Макс уехал с дядей по рабочим делам. А я укрылась в своей комнате, решив пересидеть. Попросту удрала, чтобы избежать неизбежных расспросов тети. Хотя бы первое время. Не хотела ни с кем делиться тем, на что мы потратили целую ночь, но этот глупый румянец все не проходил, выдавая меня с головой.

Сначала долго не могла понять, что пытается сказать мне Руслан. Испугалась. Потом отлегло. Он давился своим смехом, захлебывался им, хохотал, как полный придурок. А когда я начала злиться, наконец, сумел выговорить с восторгом:

— Представляешь, этот дьявол все-таки набил мне морду, куколка! Нет, ну ты как в воду

глядела! Все-таки набил!

Флорида. Два месяца спустя.

Закат почти отгорел, пропустив водную гладь и окрестности через красный фильтр. Я задумалась о жизни, глядя себе под ноги, не замечая ничего вокруг. Пляжная сумка была по бедру, свежий бриз с залива трепал край воздушного сарафана. Замечталась, наверное, поэтому вдруг наскочила на кого-то. А может, это он на меня наскочил. Столкновение было легким, непреднамеренным, меня даже заботливо придержали за локоть, стоило оступиться. Стильные мужские кроссовки в шаге от меня. Спасибо, что не наступил — мои зашнурованные сандалии были очень открытыми. Примирительно улыбнувшись, шагнула, собираясь обойти препятствие справа, и человек тоже шагнул вправо. Бывают же такие совпадения... Шагнула влево. И он — одновременно со мной. Засмеялась. Все это было странно, но смешно. Еще раз извинилась вслух.

— О! Sorry...

И вдруг услышала в ответ на чистом русском:

— Не прощаю.

Вскинула глаза, обалдевая. Меня ослепила до боли знакомая улыбка через все лицо.

— Макс!!

Мы с ним не виделись с тех пор, как он уехал. Он пропустил и мой отъезд, хотя я до последнего надеялась, что он придет, чтобы попрощаться в аэропорту, тянула резину, едва не опоздав на посадку. Конечно, мы с ним переписывались каждый день, и не могли заснуть, если не созвонимся, но он и словом не обмолвился, что собирается приехать. Чертов конспиратор. Я почти разрыдалась, сжимая его в объятиях, эмоции зашкаливали, размазывая меня по его груди, и несколько прохожих даже обернулись на столь эмоциональную сцену.

— Пошли скорее! Пойдем! — кое-как стерев слезы, взяла за руку, но он вдруг заупрямился.

— Пстой. Мне, конечно, очень не терпится увидеть твоих родителей, куколка... но может... А они не смогут немного подождать? Хочу показать тебе кое-что прямо сейчас.

Тот дом — совсем недалеко от пляжа, который я уже успела полюбить — а на машине и вовсе считанные минуты. Удобное расположение, развитая инфраструктура, что и говорить, это был богатый квартал, по карману далеко не каждому. Шикарные дома на побережье с дизайнерскими интерьерами, живые зеленые изгороди, обеспечивающие неприкосновенность частной жизни, словом, качественный контент.

— Зачем ты привез меня сюда? — любопытствовала, когда он предложил выйти из машины, — здесь живут твои знакомые?

— Не угадала.

Подмигнул. И вдруг поднял руку, пошевелил, звеня... ключами?! По-хозяйски подошел к крыльцу, напротив которого мы оставили кабриолет, лукаво обернулся на меня, в недоумении замершую посреди улицы.

— Ты... ты что... это... ты же не хочешь сказать... — я показала пальцем на дом и замолчала, боясь озвучить неожиданную догадку. Он согласно кивнул, ужасно довольный моей реакцией.

— Только что подписал договор аренды, — улыбка до ушей, глаза сияли звездами, —

тебе нравится?

— И ты еще спрашиваешь!!

Под мой залиvistый смех Макс перенес меня через ступени, ступив правой ногой за порог. Его суеверия не до конца себя изжили. Дом показался мне огромным — роскошный особняк, на территории — бассейн. Внутри было много света, большое пространство, разделенное на уютные зоны, много окон, которые я сразу принялась распахивать, чтобы изгнать из стен противный нежилой запах. Ветер тут же игриво запутался в длинных, в пол, занавесках. Теплый воздух врвался в легкие. А может быть, это был запах счастья.

Держа руку на щеколде окна, засмотрелась на темнеющий горизонт, глубоко вдыхая неповторимый аромат побережья. Мой мужчина остановился позади, обнял меня. Я положила голову на его плечо, собственнически потянувшись за поцелуем, и, как обычно, не была разочарована. Но долго кайфовать не стала, во мне уже проснулась деятельная хозяйка.

— Надо разобрать твои вещи. Но сначала — проветрить шкафы. Еще нужно протереть везде пыль, да и душевую кабину тоже не мешало почистить, я проверяла. Здесь есть чистящие средства? Ты еще не смотрел? Ладно, возьму дома. Или в супермаркет по дороге заглянем? Можно приступить завтра... прямо с утра. А эту ночь переночуешь в моей комнате. Ну-с... с чего мы начнем? Я разрешаю тебе выбрать.

Повернулась, с улыбкой и вызовом глядя в серые, сейчас подернутые туманной поволокой желания, глаза. Макс снова обнял меня, сковывая в движениях, и шепнул, слегка покачивая в кольце рук, словно баюкая, нежа, умиrotворяя, но я знала: это прелюдия.

— Выбери место, где мы повесим твои бусы, куколка, — хрипловато, — все остальное может подождать. Я очень... очень по тебе соскучился...

Теперь он бегал по утрам вместе со мной. А я больше не жаловалась на нагрузку, и даже ставила рекорды. Еще бы, тренировалась все лето. Да. Да, я полюбила утренние пробежки. Ведь это Макс меня на них подсадил.

Что будет дальше, мы не знали. Осенью начнется новая жизнь. Новые друзья. Новые локации. О будущем Макс говорил очень расплывчато. Это потом я узнала, в то время он ждал ответа из одной крупной компании, куда подал заявку на освободившуюся вакансию. Макса взяли. Отец, конечно, поспособствовал, одним из управляющих был его компаньон. Но обо всем этом мне стало известно только в сентябре. А пока...

Мимо пробежала какая-то парочка. Мы присели на лавочку, с аппетитом поедая мороженое. Нет, мне не было стыдно. На сегодня о пробежке можно забыть. Не беда. Пока этот парень рядом — лишние килограммы мне вряд ли светят. Бросив пустые стаканчики в урну, повернулась к Максиму, прижалась, теребя свой браслет на его запястье. Он никогда его не снимал. Может, и в самом деле, браслет притягивает удачу? Надо срочно таким же обзавестись. Проводила парочку глазами.

— А ты помнишь нашу первую пробежку?

Он на секунду озадачился, потом кивнул, наматывая прядь моих волос на палец.

— Помню. Повалял я тебя с удовольствием, — коснулся губами щеки, — хочешь повторить?

— Я не об этом. Хочу спросить. А все-таки... что ты сказал той паре? По-немецки, помнишь? Что ты сказал им на самом деле? Ты ведь соврал мне, я знаю...

Макс закатил глаза, даже немного отстранился. Ну, что еще за тайны.

— А у тебя, оказывается, совсем не девичья память, куколка. И просто патологическое любопытство. Да я уже сто раз пожалел, что ляпнул тогда...

— Что ты ляпнул? Ну, говори, — подтолкнула его, — говори, я уже готова это услышать. Я жду.

Выдал автоматом. Видно, с памятью и у него все было отлично:

— Macht nichts. Meine Freundin ist glücklich. Ich habe sie dabei erwischt, wie sie mir meine Liebe gesteht.

— Я просила не это. Это звучит как какие-то ругательства. Перевод, Макс, давай перевод. На этот раз — дословный. И чтобы слово в слово. Понял?

Он оттягивал, как мог, но я продолжала тянуть жилы, и тогда он нехотя выговорил:

— Что-то вроде... Не обращайтесь внимания. Моя девушка счастлива. Я поймал ее, чтобы признаться ей в любви... — пока я смаковала каждое слово, добавил, как будто извинения принес, — да я сам не понял, почему это тогда вырвалось. Помню... даже испугался, что ты все поняла.

Я тоже это помнила. Подумала. Вспомнила остальные свои ощущения. Сопоставила. Покальывающий на щеках морозец, тянущие мышцы, тяжесть его рук на моих запястьях, мой смех под прицелом его взгляда...

— А может, ты хотел это сделать? Признаться мне в любви... в тот день... смог бы?

Он даже не раздумывал. Похоже, прежде уже думал об этом. Не раз.

— Вряд ли. Я бы вряд ли на это решился... А если бы признался... что бы ты мне ответила?

— Тогда? — я засмеялась в голос, — скорее всего: слезь с меня, придурок. Скорее всего... что-нибудь вроде того.

А он не рассмеялся, притягивая меня к себе.

— Так я и думал. Хорошо, что ничего не сказал... не пережил бы твоего отказа.

Мы провели весь день вместе. Когда совсем стемнело, вернулись в наш домик. Хотя не переехала сюда: так, металась пока на два дома, боясь обидеть маму, но называла его — наш домик, не иначе. И про себя, и вслух. А Макс меня не поправлял, и даже не насмешничал. Ему нравилось, как это звучит. Я уверена.

В паре кварталов процветал шикарный магазинчик — примыкал к ресторану, там торговали на вынос свежайшей сдобой, пирожными и пирогами, и даже тортами на заказ. Держал магазин наш соотечественник. Доверия к нему, разумеется, было больше. И в этот раз мы тоже завернули в тот самый проулок. Макс уже привык, что я ужасная сладкоежка, и частенько сам здесь пополнял припасы, уже здороваясь с хозяином за руку.

Жмурясь от наслаждения, я положила в рот очередной кусочек тающего бисквитного пирожного, ароматного до умопомрачения. Переминалась с ноги на ноги, как цапля — кафельная плитка, устилающая кухонный пол, неприятно касалась босых ног, но обуваться не хотелось — скоро снова в кровать. Сидя за стойкой напротив, подпирая щеку рукой, Макс смотрел на меня, игнорируя матч одной из местных команд, на просмотре которого сам же и настоял. Скорее, не так: он наблюдал за каждым моим движением — как хищник, что, сидя в засаде, подстерегает ничего не подозревающую добычу. Наконец, когда мне это начало надоедать, заговорил.

— Если ты когда-нибудь, — он сглотнул, на мгновение прикрыв глаза, — если когда-нибудь... если однажды ты решишь, что можешь с кем-нибудь... втайне от меня... — рука на столе сжалась в кулак. — Делай это так, чтобы я никогда ни о чем не догадался. Никогда,

куколка, а иначе... — нервной дрожью прокатился по коже убедительный вес его слов, — боюсь, нам обоим будет очень больно. Очень. Больно. А я не хочу сделать тебе больно там, где дороги назад не будет. Никогда уже не будет...

Какое-то время мы обменивались напряженными взглядами. Судя по громким воплям с трибун и выкрикам комментаторов, одна из команд забила гол, но Макс даже бровью не повел.

— Ты все поняла?

Я отшвырнула десертную вилку, так что она зазвенела, перекатываясь по поверхности.

— Нет, я не поняла. Не поняла. Это что... лицензия на измену? В самом деле? Ты заранее выдаешь мне лицензию на измену, Макс... еще и на своих условиях? Так... И где мне расписаться?

Он тоже поднялся.

— Не перегибай. Я хотел, чтобы ты меня услышала. И не говорила потом, что я не предупреждал...

— Да, ты предупредил... предупредил... А знаешь, что? Нет,пусти меня. Пустити. Убери свои длинные руки, я еду домой... Надену лучшее платье — покороче, как тогда, в клубе... нанесу боевую раскраску... а потом развлекусь по полной, уж я развлекусь, не сомневайся... я найду с кем. Найду. Как раз сегодня будет пляжная вечеринка. Здесь, недалеко. Но ты на нее не пойдешь. Прямо сейчас кому-нибудь позвоню... Где мой телефон? От винта! А к тебе завтра вернусь, ладно? Обещаю ничего не рассказывать. Я тебе ничего не расскажу... Не волнуйся, ты ни о чем не догадаешься. Понял меня?

— Никуда ты не пойдешь. Ну-ка, успокойся... Ника...

— Пойду. Я пойду! — мне удалось вырваться, — ты меня не остановишь. Не иди за мной! Нет, ты останешься, Макс. Останешься здесь и будешь страдать...

— Я не хочу страдать.

— А это не мои проблемы. Не мои. Отпусти. Ты будешь страдать! Я заставлю тебя страдать... Еще как заставлю...

— Ладно, я уже страдаю.

— Отпусти. Говорю тебе, здесь я точно не останусь. Просто закрой за мной дверь...

— Куда ты денешься? Не нарывайся. Ты — останешься! Ника, я тебя никуда не отпускаю...

Но я продолжала стоять на своем, я была слишком обижена и накалена.

— Не трогай. Не трогай меня. Отпусти. По-хорошему отпусти...

Конечно же, он снова не послушался. Я билась, как муха в паутине, а все без толку.

— Я тебя не отпущу. Останься. Ну, перестань вырываться. Поздно. Уже слишком поздно. Останься здесь, со мной. Останься не на сегодня, Ника... останься подольше... останься насовсем. Хочу, чтобы ты всегда находилась у меня под боком... чтобы я всегда мог до тебя дотянуться... хочу твои вещи рядом с моими вещами...

— Так ты мне съехаться предлагаешь, что ли? Ни за что! Терпеть тебя сутками... сутками напролет, Макс? — злорадно рассмеялась. Это все, что я могла сделать, когда меня так крепко держали, — нет, я не выдержу! Не смогу, даже не рассчитывай.

— Почему нет?.. — горячо зашептал на ухо. — Давай уже сделаем это. Переезжай ко мне. А лучше... Выходи за меня замуж. Ты выйдешь за меня? Ника, скажи мне да... Помнишь, ты уже обещала. Хочу быть твоим мужем... Давай назначим дату... ты только скажи... пожалуйста, скажи мне да...

Я продолжала на него смотреть, не подавая признаков жизни. Не то, чтобы прозвучало неожиданно, но... мы ведь решили немного повременить, и я растерялась.

— Это же не шутка? Ты не смешно шутишь, ты же знаешь...

Но Макса уже на всех парах несло прямо за буйки. Теперь не отступится. Пока не уступлю.

— Похоже, что я шучу? Выходи за меня. Переезжай ко мне. За вечер сможешь упаковать свои чемоданы? Решайся... Поехали за вещами, я только ключи возьму... Поехали? Зачем тянуть? Ты же не передумала?.. Не передумала??.. Ну, хочешь, я отдам тебе левую половину дома? Только представь, все левое крыло в твоём распоряжении... только в твоём, Ника...

Хитро. Потому что я сразу повелась и ослабила бдительность. Мысли потекли в другом направлении. Макс всегда умел найти нужный подход, вот и сейчас не оплошал.

— А почему левое? Наверное, потому, что оно меньше? — прищурилась, прикидывая, — а бассейн ты тоже отдашь?

— Ну, за бассейн мы с тобой еще поторгуюсь, — он настойчиво привлекал меня к себе, упрямо преодолевая остатки сопротивления. Наконец, выдохнул прямо в губы, — поторгуюсь, куколка? Товар первоклассный, не прогадаешь.

Больше книг на сайте - Knigoed.net